

Содержание

Искусствоведение

- Филиппова О. Н.* Д. Н. Ушаков – филолог и живописец (на основе фондов Архива РАН и Главархива Москвы).....5

История

- Марасанова В. М.* Ярославские губернаторы и сохранение памятников истории во второй половине XIX столетия.....8
- Шивина Е. И.* Проведение декрета по отделению церкви от государства в Ярославской губернии в 1918 г.13
- Ионов А. Н.* Введение Городового положения 1785 г. в Ярославле и Костроме.....17
- Мишууров Н. В.* Кризис традиционной системы пополнения римской армии и расширение практики наследственной военной службы в конце II – начале III в. н. э.20
- Цымбал О. Г.* Фукидид о сборе эйсфоры: к вопросу о датировке введения экстраординарного военного налога в Афинах.....24

Педагогика

- Павлов С. Н.* Педагогическая модель формирования общественного мнения о вузе при создании его имиджа на рынке образовательных услуг.....27
- Тарева Е. Г., Селиванов С. И.* ИКТ-грамотность и элементарная коммуникативная компетенция младшего школьника: векторы интеграции.....33
- Черненко Н. М.* Телекоммуникационные технологии как современная форма преподавания.....38
- Городецкая Ю. А.* Интегративно-гуманитарный подход как основа эстетического воспитания школьников в учреждениях дополнительного образования.....42

Политология

- Соколов А. В., Вережкин А. И.* Сетевые гражданские кампании (на примере движения «Общество синих ведерок»).....45

Право

- Тарусина Н. Н.* О праве ребенка на имя.....52
- Казанков С. П.* О некоторых проблемах международного усыновления детей.....55
- Миролюбова О. Г.* О правосубъектности семьи в жилищном праве.....59
- Исаева Е. А.* Запрещенные формы дискриминации в трудовом праве Великобритании.....62
- Сочнева О. И.* Дискуссионные проблемы структуры правового статуса (общетеоретический аспект).....65
- Рощенко Н. В.* Права граждан в распределительной составляющей пенсионной системы России: новации и проблемы.....68
-
-

Психология

<i>Кашипов М. М., Воскресенский А. М.</i> Связь стратегий поведения в конфликте с индивидуальными особенностями спортсменов.....	71
<i>Козлов В. В., Санникова Н. Г.</i> Диагностика коммуникативной толерантности среди студентов творческих и нетворческих специальностей.....	76
<i>Дюпина С. А.</i> Когнитивный стиль импульсивность/рефлексивность как фактор эффективности и качественного своеобразия мнемических способностей.....	79
<i>Малькова И. Н.</i> Глубинные основы формирования материнского отношения.....	82
<i>Клюева Н. В., Руновская Е. Г.</i> Особенности ценностно-смысловой сферы женщин фертильного возраста с различным типом отношения к аборту.....	86

Социология

<i>Смирнова А. Г.</i> Социальное познание: взаимосвязь процессов микро- и макроуровней.....	91
<i>Руденко Л. Д.</i> Особенности соседства как социального института.....	99
<i>Афонин М. В.</i> К вопросу о феномене «этнического предпринимательства» в современной социологии города.....	103

Филология

<i>Громова Н. В.</i> Суахили как панафриканский язык: за и против.....	108
<i>Попова Л. Г., Урусова Н. В.</i> Сравнительная характеристика частотных прилагательных, употребляющихся в сочетании с лексемами «force» / «сила» в художественных текстах на английском и русском языках.....	112
<i>Тимошина Т. В.</i> Психолингвистические значения слова в языковом сознании школьников.....	115
<i>Прохорова С. Н.</i> Рекламная коммуникация как вариативная модель массовой коммуникации.....	118
<i>Капинос Е. В.</i> «Литература памяти» (И. А. Бунин) и образы времени у формалистов.....	122
<i>Карпов Д. Л.</i> Типология взятки в драме А. В. Сухова-Кобылина «Дело».....	125
<i>Куранова Т. П., Кабанова П. А.</i> Языковая игра как способ повышения коммуникативной эффективности рекламного текста (на примере региональной наружной рекламы).....	129
<i>Касаткина Н. Н., Нагорнов И. В.</i> Языковая личность в образовательном процессе: на пути успешной интеграции мигрантов.....	136

Экономика

<i>Патрушева Е. Г.</i> Парадоксы проявления эффекта финансового рычага в российских компаниях.....	143
<i>Лифанова Е. И.</i> Управление инновационным проектом на основе теории жизненного цикла.....	149
<i>Волкова А. И.</i> Барьеры и риски экономического роста малых инновационных предприятий вузов.....	152
<i>Ражева А. А.</i> Корпоративная память и ее место в составе управленческих ресурсов промышленного предприятия.....	158
<i>Саенко К. С., Сальникова Л. Н.</i> Совершенствование управления природоохранной деятельностью на региональном уровне.....	162
<i>Буторина Е. А.</i> Экономические аспекты программ социальной ответственности европейских авиаперевозчиков.....	166
<i>Перфильев А. Б.</i> Возрождение института несостоятельности (банкротства) в постсоветской России.....	171
Дополнительные сведения об авторах	175

Contents

Arts Critique

Philippova O. N. D. N. Ushakov – Philologist and Artist
(on the materials of the archives of the Russian Academy of Science and the city of Moscow).....5

History

Marasanova V. M. Yaroslavl Governors and Heritage Preservation
in the Second Half of the XIX Century.....5

Shivina E. I. Realization of the Decree «On the Separation of the Church from the State»
in the Yaroslavl Province in 1918.....13

Ionov A. N. Introduction of the City Regulations 1785 in Yaroslavl and Kostroma.....17

Mishurov N. V. The Crisis of the Traditional System of Replenishment of the Roman Army
and the Hereditary Military Service at the End of the II – Beginning of the III Century BC.....20

Tsybmal O. G. Thucydides about Collection of Eisphora: on the Issue of Dating
of Extraordinary Military Tax in Athens.....24

Pedagogics

Pavlov S. V. Pedagogical Model of Formation of Public Opinion on a Higher Education Institution
when Developing its Image in the Market of Educational Services.....27

Tareva E. G., Selivanov S. I. ICT-literacy and Elementary Communicative Competence
of Schoolchildren: Trends of Integration.....33

Chernenko N. M. Telecommunication Technologies as a Modern Form of Teaching.....38

Gorodetskaya J. A. Integrative Humanitarian Approach as a Basis for Aesthetic Education
in Institutions of Additional Education.....42

Politology

Sokolov A. V., Verevkin A. I. Network Civil Campaigns
(by an example of the «Society of blue buckets» movement).....45

Law

Tarusina N. N. On the Right of the Child to His/Her Name.....52

Kazankov S. P. On the Issues of International Adoption.....55

Miroljubova O. G. On the Family Subjectivity Right in the Housing Legislation.....59

Isaeva E. A. Prohibited Forms of Employment Discrimination in Great Britain.....62

Sochneva O. I. Debatable Problems of Legal Status Structure (general theoretical aspect).....65

Roshepko N. V. Rights of Citizens Regarding Distributing Component
of the Russian Pension System: Novations and Problems.....68

Psychology

Kashapov M. M., Voskresensky A. M. Correlation of Behavior Strategies in Conflicts with the Individual Characteristics of Athletes.....	71
Kozlov V. V., Sannikov N. G. Diagnosis of Communicative Tolerance among Students of Creative and Non-Creative Specialties.....	76
Dyupina S. A. Cognitive Style Impulsivity/Reflexivity as a Factor of the Efficiency and Qualitative Uniqueness of Mnemonic Abilities.....	79
Malkova I. N. Deep Foundation of Maternal Relation Formation.....	82
Kluyeva N. V., Runovskaya E. G. Features of the Value-Semantic Sphere of Women of Fertile Age with Different Attitudes to Abortion.....	86

Sociology

Smirnova A. G. Social Cognition: Interconnection of the Processes on the Macro- and Micro-Levels.....	91
Rudenko L. D. Features of the Neighborhood as a Social Institution	99
Afonin M. V. To the Question on the Phenomenon of «Ethnic Entrepreneurship» in Modern Sociology of the City.....	103

Philology

Gromova N. V. Swahili as a Common African Language: pros and cons.....	108
Popova L. G., Urusova N. V. The Comparative Characteristics of the Frequent Adjectives Used with the Lexical Units «Force» / «Сила» in English and Russian Fiction Texts.....	112
Timoshina T. V. Psycholinguistic Meanings of the Word in the Linguistic Consciousness of Schoolchildren.....	115
Prokhorova S. N. Advertising Communication as a Variant Model of Mass Communication.....	118
Kapinos E. V. Ivan Bunin's «Literature of Memory» and the Images of Time in Formalists' Writings.....	122
Karpov D. L. Typology of Bribes in the Drama by A.V. Sukhovo-Kobylin «Case».....	125
Kuranova T. P., Kabanova P. A. Language Game as a Way to Improve the Communication Efficiency of the Advertising Text (example of regional outdoor advertising).....	129
Kasatkina N. N., Nagornov I. V. Language Identity in Education: on the Way to Successful Integration of Migrants.....	136

Economics

Patrusheva E. G. Paradoxes Manifestation of the of Financial Leverage Effect in Russian Companies.....	143
Lifanova E. I. Innovation Project Management on the Basis of Life-Cycle Theory.....	149
Volkova A. I. Barriers and Risks to Growth of Small Innovative Enterprises of Universities.....	152
Razheva A. A. Corporate Memory and its Place in the Structure of Management Resources of an Enterprise.....	158
Saenko K. S., Salnikova L. N. Improvement of Environmental Management at the Regional Level.....	162
Butorina E. A. The Economic Dimension of Corporate Social Responsibility Programs of European Airlines.....	166
Perflyev A. B. Revival of institute of insolvency (bankruptcy) in Post-Soviet Russia.....	171
Contributors	176

УДК 7

БАК 17.00.00

Любительская живопись как массовое явление была распространена в конце XIX – начале XX в. в среде ученых, искусствоведов, филологов. Одним из них был Д. Н. Ушаков. Творческая деятельность Д. Н. Ушакова-художника мало изучена в отличие от его работы как педагога-лингвиста.

Ключевые слова: русская культура; любитель; ученые; живопись; графика; акварель; пейзаж.

The amateur painting as a mass phenomenon was popular in the late XIX – early XX century with scientists, art-critics, philologists. Among them was D. N. Ushakov. The art aspect of D. N. Ushakov's creative activity is has not been studied deeply as opposed to his works as a pedagogue and a linguist.

Key words: Russian culture; amateur; scientists; painting; drawing; watercolour; landscape.

О. Н. Филиппова

Московский государственный академический художественный институт им. В. И. Сурикова

E-mail: Iscusstvo0891@mail.ru

Д. Н. Ушаков – филолог и живописец
(на основе фондов Архива РАН и Главархива Москвы)

Научная статья

O. N. Philippova

MSAAI after V. I. Surikov

E-mail: Iscusstvo0891@mail.ru

D. N. Ushakov – Philologist and Artist
(on the materials of the archives of the Russian Academy of Science
and the city of Moscow)

Scientific article

Дмитрий Николаевич Ушаков – филолог, педагог, один из авторов «Толкового словаря русского языка» – это целая эпоха в истории русского просвещения. Он был большим мастером русской художественной культуры, чье творчество отражало духовную жизнь российского общества конца XIX – начала XX в.

Д. Н. Ушаков родился в Москве, в Татьянин день, 12 января (по старому стилю) 1873 г. В копии выписки из Метрической книги от 2 августа 1881 г. № 80, хранившейся в ризнице Московской Пречистенского сорока Крестовоздвиженской церкви, что в бывшем монастыре, написано: «12 января рожден, 16 января крещен Димитрий» [1].

Вся жизнь Д. Н. Ушакова была связана с Москвой. «Я очень редко покидаю столицу, и то лишь на короткий срок, – говорил он, – в других местах мне было как-то не по себе» [2]. Он не представлял себя без столичной жизни. 14 октября 1941 г. Д. Н. Ушаков с семьей был эвакуирован в Ташкент. Ученый © Филиппова О. Н., 2013

хотел остаться в Москве, но его уговорили уехать. В Ташкенте он освоил узбекский язык и составил русско-узбекский разговорник, продолжал руководить редакционным коллективом «Толкового словаря», разработал программу создания Института русского языка Академии наук СССР. Между тем для него самого переезд оказался тяжёлым: обострились болезни. 17 апреля 1942 г. он скончался.

Д. Н. Ушаков – выдающийся ученый; путь приобщения к русской словесной культуре связан у многих современников с его именем и трудами, но не все знают, что он был художником-любителем. Задача автора данной публикации состоит в том, чтобы создать портрет Д. Н. Ушакова не только как ученого-филолога, но и как мастера живописи и графики.

Живописное (и графическое) творчество Д. Н. Ушакова – пример увлечения живописью, ставшее массовым явлением в ученой среде:

А. Н. Северцов (фонд ученого находится в Архиве РАН), А. Г. Габричевский (РГАЛИ), М. В. Алпатов (РГАЛИ, отдел личных коллекций ГМИИ), Е. А. Косминский (Архив РАН) – все они были творческими личностями и испытывали потребность реализации своей одарённости не в одной, а в разных сферах. Их художественное наследие включает в себя карикатуры, остроумные шаржи и гротески, эскизы театральных костюмов, тонкие портреты и оригинальные пейзажи, которые дошли до современного зрителя.

Филолог Д. Н. Ушаков на протяжении всей жизни (ранние его работы относятся к 1880-м гг.) не оставлял любимого занятия – живопись и рисунок. Он любил писать среднерусские, подмосковные пейзажи. Общение с природой для него было жизненной необходимостью. Обращает на себя внимание и ставшая теперь познавательной география запечатлённых Д. Н. Ушаковым мест Москвы и Подмоскovie: многие из них не сохранились [3].

Отдыхая в санаториях Академии наук СССР «Узкое» и «Сосновый бор», бывая на заседаниях Академии наук в Ленинграде, Д. Н. Ушаков использовал каждую свободную минуту для рисования. Ящик с красками, кисти и складной стул были всегда под рукой. Работы Д. Н. Ушакова – пример подвижничества любителя и ценителя прекрасного.

Д. Н. Ушаков руководствовался принципом – не подражать как в педагогической деятельности, так и в художественном творчестве. Его работы являют собой пример сугубо личного видения мира, в них прослеживается индивидуальная манера мастера. Владея чувством языка, знанием истинно русской речи, обладая прекрасной зрительной памятью, мастер сумел данные компоненты передать в своих живописных и графических работах, составляющих богатейший творческий опыт ученого. Он рисовал и писал много и вдохновенно – маслом, карандашом, – но предпочитал работать в акварельной технике. Акварельные работы Д. Н. Ушакова неповторимы по своей манере исполнения: это бесконечно разнообразные вариации одной и той же симфонической темы – родные места Подмоскovie. Это работы настоящего художника-пейзажиста, и сделаны они рукой человека, чье имя навеки вошло в историю нашей культуры, в историю русского и советского языкознания.

Произведения Д. Н. Ушакова вмещают живопись и графику. Их менторская стилистика (четкость, точность, тщательность) созвучна манере филолога-педагога, составителя и главного редактора «Толкового словаря русского языка».

Помимо живописи и графики, Д. Н. Ушаков очень любил фотографию. К 100-летию со дня рождения А. С. Пушкина он сделал фотоальбом «Полотняный Завод Гончаровых». В память об отце (к 200-летию великого русского поэта) Наталья Дмитриевна Архангельская, дочь Д. Н. Ушакова, подарила альбом Пушкинскому Дому в Петербурге. С благодарностью принял этот дар директор Пушкинского Дома академик Дмитрий Сергеевич Лихачёв.

В 2000 г. Д. Н. Архангельская передала личный архив отца в Объединение «Мосгорархив» (с 2003 г. Главное архивное управление города Москвы, или Главархив Москвы). Научное описание документов было проведено в Центральном Московском Архиве-музее личных собраний (ЦМАМЛС, структурное подразделение Главархива Москвы) в 2007 г. После проведения описания документы фонда введены в научный оборот и доступны исследователям [4].

Визуальные материалы личного архива Д. Н. Ушакова – акварель, масло – неоднократно экспонировались на выставках: в Выставочном зале «Беляево», Манеже, Московской городской думе, в Центральном выставочном комплексе Политехнического музея.

Материалы научного архива Д. Н. Ушакова-филолога находятся в Архиве РАН (фонд № 502). Здесь собраны биографические материалы, плоды научной, научно-организационной, просветительской деятельности, переписка, научные труды, присланные Д. Н. Ушакову на рецензию или подаренные ему для работы [5]. Среди представленных в Архиве РАН документов есть детское произведение Д. Ушакова «Два брата» – с рисунком, без даты. Данный рисунок представляет собой историческую ценность: он свидетельствует о первом, самом раннем, этапе графического творчества Д. Н. Ушакова. Незаконченные графические зарисовки Д. Н. Ушакова более позднего периода (1895–1938 гг.) представлены в его записных книжках с записями о преподавании в высших учебных заведениях: Московском университете, Московских Высших женских курсах и Педагогических курсах.

В РГАЛИ представлены материалы из разных фондов: личное дело Д. Н. Ушакова – сотрудника Высшего литературно-художественного института имени В. Я. Брюсова (фонд № 596), переписка с советскими языковедами, славистами; воспоминания писателя, примыкавшего к литературной группе «Знание», Алексея Алексеевича Золотарёва о Д. Н. Ушакове (фонд № 218) и другие документы.

Среди документов РГАЛИ, к сожалению, не встречаются, как в фонде Архива РАН, графические работы, но данное обстоятельство не меняет общей картины восприятия творчества Д. Н. Ушакова.

Графические и художественные работы Д. Н. Ушакова: масло, акварель, хранящиеся в Центральном Московском Архиве-музее личных собраний (Главархив Москвы, фонд № 276), – одно из лучших художественных и графических собраний Д. Н. Ушакова-филолога. В основном это пейзажи, портреты родственников, коллег, знакомых, автопортреты. В них Д. Н. Ушаков в одинаковой степени профессионально выразил себя в разных техниках живописи и рисунка (масло, акварель, карандаш). Работы датируются периодом 1886–1938 гг. [6].

Анализируя творчество Д. Н. Ушакова, можно сделать вывод о многогранности и разносторонней одаренности его личности. Мастер, работая в реалистической манере, в своих произведениях отразил дух эпохи, в которую он жил, и донес свое видение до современного зрителя. Учитывая масштабы деятельности учёного, его вклад в русскую филологию XX

в., исследование его художественных работ является актуальным и представляет научный интерес.

Список использованной литературы

1. Крылова И. В. Он не мыслил себя без Московских корней...// Московский журнал. 1999. № 11. С. 28–34.
2. Там же.
3. Заметки Н. Д. Архангельской (дочери) о жизни и творчестве Д. Н. Ушакова // ЦММЛС. Ф. 276. Оп. 1. Д. 40. Л. 5.
4. Личное дело сотрудника Высшего Литературно-художественного института им. В. Я. Брюсова – Д. Н. Ушакова // РГАЛИ. Ф. 596. Оп. 1. Ед. хр. 103. Лл. 1–3.
5. Ушаков Д. Н. (1873–1942), филолог, составитель «Толкового словаря русского языка» // ЦММЛС. Ф. 276. Оп. 1, крайние даты: [1818]–2000.
6. Ушаков Д. Н. (1873–1942), языковед, специалист по русской диалектологии и лексикологии, член-корреспондент АН СССР (1939 г.) // Архив РАН. Ф. 502. Оп. 1–5, крайние даты: 1874–1941 гг.

УДК 908

В статье анализируется вклад ярославских губернаторов пореформенного периода в восстановление памятников истории Ростова, Углича, Ярославля. Сделан вывод о том, что первые успехи в деле сохранения историко-культурного наследия края были достигнуты в результате сотрудничества губернаторов, научных сил губернии и местных предпринимательских кругов.

Ключевые слова: губернатор; Ярославская губерния; реставрация; музей.

This paper analyzes the contribution of Yaroslavl governors of the post-reform period in the restoration of historical monuments of Rostov, Uglich, Yaroslavl. The author came to the conclusion that the first results in the preservation of historical and cultural heritage of the region have been achieved as a result of cooperation of governors, scientific groups of province and local business community.

Key words: Governor; Yaroslavl Province; restoration; museum.

В. М. Марасанова

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: vmm@uniyar.ac.ru

Ярославские губернаторы и сохранение памятников истории во второй половине XIX столетия

Научная статья

V. M. Marasanova

P. G. Demidov Yaroslavl State University

E-mail: vmm@uniyar.ac.ru

Yaroslavl Governors and Heritage Preservation in the Second Half of the XIX Century

Scientific article

Реформы 1860–1870-х гг. затронули самые различные сферы жизни российского общества. В это время складывались более благоприятные, чем в предшествующий период, условия для развития культурной жизни и участия в ней представителей разных слоев населения. Пореформенный период отмечен заметными успехами в деле просвещения, здравоохранения, благотворительности, библиотечного дела и т. д. Однако по-прежнему успех большинства начинаний зависел не только от отношения к ним лично императора и его окружения, но и от местного аппарата управления и прежде всего от губернаторов.

В литературе уже получили рассмотрение различные аспекты деятельности российских губернаторов во второй половине XIX в., при этом внимание исследователей традиционно уделялось составу губернаторского корпуса и губернского чиновничества, их административной деятель-

ности, взаимодействию с земствами и городскими общественными учреждениями и т. д. [1]. В меньшей степени оказались изученными проблемы участия местной власти в развитии образования и культуры в пореформенный период. Однако их нельзя рассмотреть, опираясь только на материалы законодательства и делопроизводственную документацию, которые служат основными историческими источниками о деятельности местной администрации [2]. Вклад губернаторов в развитие культуры края и в сохранение памятников истории в большей степени отразили местная периодическая печать и источники личного происхождения [3]. Ценным источником изучения поставленной проблемы является официальная газета «Ярославские губернские ведомости», практически полный комплект которой за вторую половину XIX в. сохранился в Государственном архиве Ярославской области (ГЯАО).

Изученные материалы показали, что заслуга первого восстановителя церковных древностей Ярославской губернии принадлежит губернатору князю А. В. Оболенскому¹ [4] и начался этот процесс с древнейшего города на территории края – Ростова. До 1786 г. Ростов являлся центром епархии – одной из старейших в России, созданной в 991 г. Однако после переезда центра епархии в губернский город Ярославль в 1780-х гг. церковные святыни Ростова постепенно ветшали и к середине XIX столетия оказались перед угрозой разрушения. Во время посещения Ростова в августе 1850 г. о необходимости восстановления его святынь говорили великие князья Николай Николаевич старший и Михаил Николаевич [5], а в следующем году – цесаревна Мария Александровна (супруга будущего императора Александра II). 24 апреля 1860 г. ростовские монастыри и «развалины Архиерейского дома» в Ростове осматривали великая княгиня Александра Петровна и великий князь Николай Николаевич младший и также отметили их плохую сохранность [6].

Перелом в деле сохранения и восстановления ростовских святынь наступил только в 1861 г. 20 апреля губернатор А. В. Оболенский заслушал «доклад ассессора Ярославского губернского правления Н. Н. Клирикова о состоянии Архиерейского дома и других церковных древностей в Ростове». Князь Оболенский доклад «принял близко к сердцу и немедленно поехал к архиепископу Нилу, и решили, что купец И. И. Хранилов будет восстанавливать храмы» без лишних формальностей [7]. Уже с мая 1861 г. в Ростове начались восстановительные работы и И. И. Хранилов сумел на свои средства обновить четыре храма и галерею. Еще 5 тыс. руб. на восстановление Митрополичьего дома выделила Ростовская городская дума. Впоследствии князь Оболенский, назначенный московским губернатором, использовал этот опыт при восстановлении памятников Московского Кремля. Как сообщала газета «Ярославские губернские ведомости», уезжая в Москву, князь А. В. Оболенский встретился со своим преемником на посту губернатора И. С. Унковским и беседовал с ним о реставрации церковных древностей [8].

Следующим ярославским губернатором, при котором дело восстановления исторических памятников

¹ А. В. Оболенский реально занимал пост ярославского губернатора с 25 июля 1860 г. до 9 мая 1961 г., но был официально утвержден исполняющим должность «военного и гражданского губернатора г. Ярославля» 8 января 1861 г.

действительно продвинулось, стал В. Д. Левшин, занимавший пост губернатора с 1880 г. Под его покровительством в 1882 г. в Ростове состоялось открытие Белой палаты. Эта палата была построена в 1695 г. ростовским митрополитом Ионой Сысоевичем, а отреставрирована под наблюдением Императорского Московского археологического общества на средства проживавших в Томске ростовских купцов братьев Королевых. Работы по восстановлению палаты выполнялись очень быстро: в 1882 г. комиссия под руководством А. А. Титова разработала план реставрации и смету, и в срок все работы были завершены. А ведь немногим ранее – в 1880 г. – даже обсуждались планы о сносе здания. При реставрации было воспроизведено то, что осталось от первоначальной постройки. Окна восстановлены по случайно уцелевшему, заделанному в стене и обнаруженному при работах образцу. Новые окна были украшены своеобразными гирьками и орнаментацией, внутреннее убранство палаты также восстановлено по уцелевшим образцам: сооружены печи, двойные рамы с переплетами. Для будущей библиотеки и музея были устроены шкафы и витрины в стиле XVII в.

В день открытия Белой палаты В. Д. Левшин на торжественном заседании зачитал собравшимся телеграмму обер-прокурора Синода К. П. Победоносцева, в которой говорилось, что «Императору весьма утешительно, что этот древний памятник поддерживается», и было приказано поблагодарить жертвователей. Для открытия палаты не случайно выбрали 28 октября – это день кончины Дмитрия Ростовского в 1709 г. По мнению собравшихся, Белая палата позволяла «почувствовать нравственную атмосферу, которой жила душа этого праведника». Как отмечала местная печать, заседание проходило «при огромном стечении народа», на нем присутствовали «от МГА МИД барон Бюлер, От Императорского Московского археологического общества секретарь Мансветов, граф М. О. Толстой, о. архимандрит Амфилохий, от Общества истории и древностей российских секретарь Барсов, от Московского архитектурного общества председатель Никитин и г. Мартынов, от Демидовского юридического лицея директор Кремлев и профессора Тарасов и Исаев» [9].

В. Д. Левшин по сути дела первым из местных губернаторов XIX в. установил тесные отношения с научными силами губернии. Среди главных заслуг В. Д. Левшина перед Ярославской губернией в «Русском биографическом словаре» было отмечено, что «представители местной науки, особенно

по предметам истории и археологии, находили его сочувствие и поддержку» [10]. Не случайно местный краевед В. И. Лествицын один из своих исторических трудов в 1884 г. опубликовал со специальным посвящением В. Д. Левшину [11]. Подробные очерки с описаниями торжеств по случаю открытия Белой палаты в Ростове для «Ярославских епархиальных ведомостей» прислали краевед А. А. Титов и помощник смотрителя Ростовского Дмитриевского духовного училища Иван Недумов [12]. В 1885 г. Синод утвердил устав нового музея, разместившегося в помещении Белой палаты. В. Д. Левшин сам пожертвовал музею несколько старинных вещей и книг. Так при покровительстве губернатора в Ярославской губернии появился музей с библиотекой научных изданий, которая «послужила пособником для тружеников науки» [13].

Восстановление Белой палаты в Ростове явилось свидетельством пробуждения чувства любви к родной старине и развития общественной инициативы. При В. Д. Левшине дело восстановления церковных древностей Ростова получило действительно широкий размах. Губернатор возглавил комиссию по реставрации Белой палаты и в дальнейшем продолжал интересоваться восстановительными работами в Ростове. В 1884 г. И. А. Шляков и А. А. Титов сообщили ему, что в Успенском соборе открыта «древняя пещерная церковь» [14], и 29 июля Левшин приехал в Ростов, где лично «осмотрел работы». 28 октября 1884 г. он присутствовал на освящении церкви древнего Григорьевского затвора и открытии восстановленных «Княжьих теремов» [15]. Несколько ранее, 12 июня 1884 г., ростовские краеведы А. А. Титов и И. А. Шляков обратились к губернатору с предложением об исследовании фресок в приделе свт. Леонтия, а уже к осени 1885 г. эти работы завершились [16]. 4 июня 1885 г. Белую палату и другие храмы и постройки Ростова вместе с В. Д. Левшиным осматривал великий князь Владимир Александрович, вписавший свое имя в книгу посетителей музея [17].

Под руководством губернатора В. Д. Левшина велась подготовка к проведению в Ярославле VII Археологического съезда, проведение которого было намечено на август 1887 г. [18]. Правила работы съезда были опубликованы в «Ярославских губернских ведомостях» в октябре 1886 г. [19]. В. Д. Левшин внимательно следил за подготовкой съезда вплоть до своей внезапной кончины 2 апреля 1887 г. [20]. Проведение съезда заметно содействовало развитию местного краеведения.

Заслуги В. Д. Левшина по восстановлению памятников Ростова и развитию ярославского краеведения не должны быть забыты. При его покровительстве музей в Ростове привлек 92 члена-сотрудника, около 100 почетных членов и среди них – великие князья, наследник престола Николай, лучшие научные силы России [21]. В. Д. Левшин постоянно оказывал поддержку многим монастырям губернии, например посещал Толгский монастырь и знакомился со строительными работами в обители [22].

В дальнейшем восстановление памятников старины в губернии не прекращалось. Во время первых же объездов Ярославской губернии новый губернатор А. Я. Фриде обратил внимание на плохое состояние угличского дворца царевича Дмитрия, построенного во второй половине XV в. угличским князем Андреем Васильевичем Большим. В июне 1889 г. губернатор предложил провести раскопки и полный осмотр стен дворца с помощью лесов. Этой работой занимались старший чиновник особых поручений при губернаторе Ф. А. Бычков, представитель Императорской Археологической комиссии Султанов, соборный протоиерей отец А. А. Субботин [23]. Вскоре они доложили губернатору, что дворец обветшал и значительно перестроен.

Снова, отправившись на проверку работы местных учреждений в 1890 г., А. Я. Фриде посетил Ростов. Он осмотрел работы по реставрации Воскресенской церкви на территории Кремля. Губернатор считал, что успешный опыт по реставрации Белой палаты было необходимо распространить на другие города. Из Ростова А. Я. Фриде отправился в Углич, где 19 мая 1890 г. посетил Спасо-Преображенский собор, дворец царевича Дмитрия, городскую тюрьму и благотворительные учреждения. В Угличе под его председательством была организована комиссия для подготовки к реставрации дворца. Ее первое заседание провел А. Я. Фриде, а членами комиссии стали И. А. Шляков и А. А. Титов, имевшие опыт по восстановлению ростовских святынь, а также губернский инженер А. М. Достоевский, брат известного писателя [24].

Работы по реставрации дворца царевича Дмитрия закончились в 1892 г., и дворцу был возвращен вид конца XVI в., когда в нем жил сын Ивана Грозного – царевич Дмитрий. Церемония открытия дворца прошла 15 июня 1892 г. и совпала с посещением Ярославской губернии великим князем Сергеем Александровичем и великой княгиней Еленой Федоровной. А. Я. Фриде произнес перед собравшимися речь: «В бытность мою в Угличе я

видел то сердечное огорчение, с которым угличане смотрели на разрушающийся памятник... Хорошо зная чувства населения губернии, я пришел к ним на помощь. С Высочайшего Государя Императора одобрения был открыт прием пожертвований, и деньги обильно потекли на восстановление этого памятника» [25]. Расходы на реставрацию дворца составили 19979 руб., а пожертвований собрали 24953 руб. 98 коп. Наиболее значительные средства внесли Г. Колмогоров, К. Н. Евреинов, И. А. Вахромеев и др. [26]. Дворец предназначался для открытия «музея отечественных древностей». В его коллекции были «хоругви, церковная утварь, предметы домашнего обихода, носилки, на которых мощи [царевича. – В. М.] Дмитрия были отнесены в Москву» [27]. Из Тобольска в Углич был возвращен ссыльный колокол, который созывал угличан на восстание в 1591 г. после гибели царевича [28]. Далее гости отправились в Богоявленский монастырь, где беседовали с настоятельницей Исмагдой. В Ярославле великий князь и княгиня осмотрели городские храмы. 5 июня они покинули Ярославль на поезде, но еще останавливались в Ростове, где А. Я. Фриде показывал им Белую палату. В это время основные реставрационные работы в городе велись в церкви Воскресения. В Петровске губернатор простился с высокими гостями, Сергей Александрович высказал ему «полное удовольствие и сердечную благодарность за радушный прием и выраженные чувства». О пребывании великого князя Сергея Александровича и великой княгини Елизаветы Федоровны в губернии вышла специальная книга [29].

Губернские власти уделяли большое внимание деятельности губернских ученых архивных комиссий (ГУАК), создание которых началось в России с 1884 г. Первое заседание Ярославской губернской ученой архивной комиссии (ЯГУАК) прошло в ноябре 1889 г. На нем присутствовали губернатор А. Я. Фриде, профессора Демидовского юридического лицея и его директор С. М. Шпилевский, активный земский деятель Л. Н. Трефолев, губернский инженер А. М. Достоевский. А. Я. Фриде стал почетным попечителем ЯГУАК. Он запретил всем учреждениям уничтожать старые дела, пока из них не будут отобраны комиссией наиболее важные материалы [30].

Как и его предшественник на посту губернатора В. Д. Левшин, А. Я. Фриде умер в Ярославле (9 мая 1896 г.) и был похоронен в Спасо-Преображенском монастыре (ныне Ярославский историко-архитек-

турный и художественный музей-заповедник) [31]. Точные места их захоронения сейчас утрачены.

Таким образом, во второй половине XIX в. большое воздействие на развитие культурной жизни в российской провинции оказывали губернаторы. Успехи различных культурных начинаний во многом зависели от поддержки и покровительства губернаторов. Это не являлось их прямой обязанностью и зависело от личной позиции конкретного администратора. Внося значительные суммы на реставрацию памятников старины, а также жертвуя музеям иконы, монеты, книги и другие экспонаты, губернаторы подавали пример другим чиновникам, дворянам и купцам. Внимание глав местной администрации к проблемам восстановления и реставрации объектов историко-культурного наследия, безусловно, заслуживает положительной оценки. Из 7 ярославских губернаторов второй половины XIX в. наиболее значительный вклад в восстановление памятников истории внесли А. В. Оболенский, В. Д. Левшин и А. Я. Фриде. Проведенное исследование показало, что на протяжении рассматриваемого периода газета «Ярославские губернские ведомости» в своей неофициальной части регулярно сообщала о внимании губернаторов к восстановлению памятников гражданской и церковной архитектуры прошлых веков и их вкладе в создание первых музеев края. При этом несомненно, что достижения в восстановлении памятников церковной и гражданской архитектуры были заслугой не только местной администрации, но и общественности. Самые заметные результаты в деле сохранения историко-культурного наследия края обеспечивались успешным сотрудничеством представителей власти, научных сил губернии и местных предпринимательских кругов, что является главным историческим уроком, актуальным в современных условиях.

Список использованной литературы

1. Иванов В. А. Губернское чиновничество в 50–60-е гг. XIX в. в России (По материалам Московской и Калужской губерний): Историко-источниковедческие очерки. Калуга, 1994; Марсанова В. М. Социальная характеристика губернского чиновничества пореформенной эпохи (на ярославских материалах) // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2009. № 4. С. 3–7; Местное управление в пореформенной России: механизмы власти и их эффективность:

Сводные материалы заочной дискуссии. Екатеринбург; Ижевск, 2010 и др.

2. ГАЯО. Ф. 79 «Ярославское губернское правление»; Ф. 73 «Канцелярия ярославского губернатора». Оп. 1. Д. 5957 «Послужной список ярославского губернатора И. С. Унковского. 1872 г.». Л. 1–15 и др.

3. Дмитриев С. В. Воспоминания. Ярославль, 1999; Тихомиров И. А. Граждане Ярославля: Из записок ярославского старожилы. Ярославль, 1998; Ярославские епархиальные ведомости (газета выходила с 1860 г. – № 1 от 16 апр.) и др.

4. Русский биографический словарь. Т. Обезьянинов – Очкин. СПб., 1905. С. 20; Ярославские губернские ведомости. 1860. 30 июля, № 31. Неофиц. часть.

5. Ярославские губернские ведомости. 1850. 21 окт., № 42. Неофиц. часть.

6. Там же. 1860. 4 июня, № 23. Неофиц. часть.

7. Там же. 1884. 3 апр., № 27. Неофиц. часть.

8. Там же. 1864. 23–30 апр., № 17–18. Неофиц. часть.

9. Ярославские епархиальные ведомости. 1883. 12 нояб., № 46. Неофиц. часть.

10. Русский биографический словарь. Т. Лабзина – Ляшенко. СПб., 1914. С. 164.

11. Лествицын В. Проследование Их Величеств через город Ярославль в 1724 г. (Посвящается Владимиру Дмитриевичу Левшину). Ярославль, 1884. 10 с.

12. Ярославские епархиальные ведомости. 1883. 3 дек., № 49. Неофиц. часть.

13. Там же. 1883. 12 нояб., № 46. Неофиц. часть.

14. Ярославские губернские ведомости. 1884. 2 окт., № 77. Неофиц. часть.

15. Там же. 1884. 13 нояб., № 89; 20 нояб. № 90. Неофиц. часть.

16. Там же. 1885. 4 окт., № 78. Неофиц. часть.

17. Ярославские епархиальные ведомости. 1885. 17 июня, № 25. Неофиц. часть.

18. Там же. 1886. 15 июля, № 54. Неофиц. часть.

19. Там же. 1886. 21 окт., № 82. Неофиц. часть.

20. Ярославские губернские ведомости. 1887. 3 апр., № 27. Неофиц. часть.

21. О пребывании великого князя Владимира Александровича в Ярославской губернии 2, 3 и 4 июня 1885 г. Ярославль, 1885.

22. Ярославские епархиальные ведомости. 1880. 20 авг., № 34. Неофиц. часть.

23. Ярославские губернские ведомости. 1890. 17 апр., № 29. Неофиц. часть.

24. Там же. 1890. 12 июня, № 45. Неофиц. часть.

25. Ярославские епархиальные ведомости. 1892. 16 июня, № 25. Неофиц. часть.

26. Там же. 1893. 15 июня, № 46. Неофиц. часть.

27. Там же. 1892. 16 июня, № 25. Неофиц. часть.

28. Ярославские губернские ведомости. 1893. 15 июня, № 46. Неофиц. часть.

29. Пребывание Их Императорских Высочеств великого князя Сергея Александровича и великой княгини Елизаветы Федоровны в пределах Ярославской губернии 2–6 июня 1892 г. Ярославль, 1892. 106 с.

30. Ярославские губернские ведомости. 1891. 15 нояб., № 90. Неофиц. часть.

31. Там же. 1896. 11 июля, № 152. Офиц. часть.; Провинциальный некрополь. М., 1914. Т. 1. С. 904.

В статье рассматриваются меры, которые были предприняты в Ярославской губернии в 1918 г. для исполнения декрета «Об отделении церкви от государства». Целью статьи является анализ и оценка работы местных органов. Выявлены особенности религиозной политики в Ярославской губернии сразу после принятия декрета.

Ключевые слова: отделение церкви от государства; Русская православная церковь.

The article is concerned with measures for realization of the Decree «On the Separation of the Church from the State» which were taken in the Yaroslavl province in 1918. Analysis and assessment of local government's work on this issue are the aim of the article. Consequently the author characterized features of religion policy in Yaroslavl province after the Decree had been adopted.

Keywords: Separation of the Church from the State; Russian Orthodox Church.

Е. И. Шивина

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: Eka-shika@yandex.ru

Проведение декрета по отделению церкви от государства в Ярославской губернии в 1918 г.

Научная статья

Е. I. Shivina

P. G. Demidov Yaroslavl State University

E-mail: Eka-shika@yandex.ru

Realization of the Decree «On the Separation of the Church from the State» in the Yaroslavl Province in 1918

Scientific article

После революции 1917 г. в истории Русской православной церкви начался новый этап. С первых же дней большевики приступили к реализации своей партийной программы, согласно которой новое советское государство должно было стать светским. В первых декретах большевистского правительства уже затрагивались вопросы, касающиеся церкви. 20 января 1918 г. окончательное законодательное оформление государственно-церковных отношений было закреплено декретом «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» [1]. Положения декрета нашли отражение в Конституции РСФСР, принятой V Всероссийским съездом советов 10 июля 1918 г., и в Уголовном кодексе [2].

Для проведения декрета в жизнь необходим был специальный государственный орган. Первоначально эта задача была возложена на Межведомственную комиссию при Наркомюсте. В ее состав должны были войти представители наркоматов и религиозных организаций. Однако решено было не привлекать религиозные учреждения к работе правительственного органа, и Комиссия, так и не приступив к своей работе, была распущена.

© Шивина Е. И., 2013

В составе Наркомюста в мае 1918 г. был выделен особый «ликвидационный» VIII отдел (с 1922 г. V отдел). Возглавил его П. А. Красиков.

Одновременно начали создаваться специальные органы на местах. Ранее считалось, что в Ярославской губернии первым органом, который занимался проведением декрета об отделении церкви от государства, был Губернский ликвидационный отдел церковно-монастырских имуществ под руководством И. С. Серова, созданный в сентябре 1918 г. Однако уже в январе 1918 г. при Ярославском губернском совете возник Комиссариат церковно-монастырских имуществ по г. Ярославлю и Ярославскому уезду. Его возглавил И. П. Мухин [3]. После июльского антибольшевистского мятежа в Ярославле Комиссариат получил статус губернского органа. Деятельность его до последнего времени оставалась неизученной. Невнимание исследователей к этому вопросу, вероятно, объясняется состоянием фонда Государственного архива Ярославской области Р-1945, в котором объединены делопроизводственные документы нескольких организаций: Комиссариата церковно-монастыр-

ских имуществ, Ярославского губернского ликвидационного отдела церковно-монастырских имуществ, Ярославской губернской ликвидационной комиссии церковно-монастырских имуществ – поэтому разобраться в нем крайне сложно. В любом случае работа всех трех организаций важна для раскрытия нашей темы.

Деятельность Комиссариата церковно-монастырских имуществ (далее КЦМИ) по городу Ярославлю и его уезду, как определяли сами сотрудники, заключалась, во-первых, в проведении в жизнь декрета об отделении, во-вторых, во взятии на учет церковно-монастырского имущества и капиталов. Для осуществления этих целей нужно было провести огромную работу. Для учета всего передаваемого Комиссариат должен был составить подробные описи имущества храмов и монастырей. Глава Комиссариата И. П. Мухин в докладе от 7 июня рапортовал, что «церковные и монастырские земли по г. Ярославлю и его уезду были приняты на учет, обследованы комиссией, а затем переданы, по предписанию совета, городскому общественному управлению по особой ведомости и акту, подписанному представителями сторон». Он сообщал, что комиссия, выделенная из состава Комиссариата для обследования в техническом, гигиеническом и санитарном отношении всех церковно-монастырских домов, закончила обследование частных квартир. Затем она «приступила к обследованию палаток и складочных помещений, сдаваемых в аренду частным лицам, и квартир в церковно-причтовых и монастырских домах, занимаемых бесплатно причтами церквей и их семьями». Эту работу она должна была закончить к концу июня [4].

Составление описей на церковное имущество вызывало недоумение у крестьян. Крестьянские сходы решали: «Все имущество принять в свое владение и распоряжение церковным имуществом, без какого-либо постороннего вмешательства, возлагаем всецело на себя» [5]. Были случаи, когда крестьяне обращались в Комиссариат церковно-монастырских имуществ с жалобами на священнослужителей. В письмах содержались просьбы посетить богослужения и проверить деятельность священнослужителей и церковных старост, указывалось, что приход и храм богаты [6].

Если к апрелю 1918 г. церковные и монастырские земли действительно были описаны и переданы городскому общественному управлению, то работа по составлению описей имущества шла медленно. Согласно сохранившимся документам, с января

по июнь Комиссариату были предоставлены описи имущества всего 7 богослужбных заведений города. К концу 1918 г. в отдел поступили описи от 14 церквей, что составило около 22 % от общего числа церквей Ярославля.

Перед КЦМИ встало множество проблем, требующих неотложного решения. В Комиссариат как «авторитетное учреждение постоянно обращались граждане по поводу записи браков, рождения и смерти граждан» [7], поскольку декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви изъял этот вопрос из ведения Церкви. Другой проблемой стал жилищный вопрос. После принятия декрета в ведении Комиссариата оказались жилые помещения, ранее принадлежавшие церкви, например дома причта при приходских церквях. На практике получалось, что в жилищном вопросе пересекались «сферы влияния» Комиссариата церковно-монастырских имуществ и Ярославского городского Жилищного подотдела при отделе местного хозяйства исполкома, который начал свою работу в середине декабря 1917 г. Жилищный отдел не раз выдавал разрешения на занятие церковно-монастырских помещений, находившихся в ведении КЦМИ. Комиссариат многократно просил Жилотдел воздержаться от таких действий, так как они «вносят только путаницу». Однако до ликвидации КЦМИ проблема разделения полномочий так и не была решена [8].

Комиссарам церковно-монастырских имуществ пришлось заниматься вопросами коммунального хозяйства перешедших в их ведение домов. Во-первых, служащие (дворники и «заведывающие») предъявили Комиссариату требования об уплате им содержания. Получив разъяснения Ярославского губисполкома, Комиссариат постановил, что оплата служащим за работы должна производиться из средств арендаторов [9]. Во-вторых, нужно было оплачивать расходы по очистке домов от разных отбросов и снега, помойных и ретиральных ям, что также решено было делать из средств арендаторов. В июньском отчете И. П. Мухин отмечал, что «расходы на очистку мостовых, дворов, выгребных и ретиральных ям при церковно-монастырских домах и оплата труда дворников последних далеко превышает все статьи дохода, получаемого комиссариатом в качестве квартирной и арендной платы за сдаваемые гражданам в аренду квартиры, палатки и складочные помещения». По этой причине КЦМИ нашел необходимым повысить арендную плату на все квартиры на 25 % с 1 июня 1918 г. (нового стиля) [10]. В-третьих, разногласия между жильцами, бывшими хозяевами

приходских домов и их квартирантами также теперь приходилось решать Комиссариату церковно-монастырских имуществ. Священнослужители обращались к главе Комиссариата И. П. Мухину со своими жилищными проблемами в поисках справедливости. Сотрудники Комиссариата старались разобраться со всеми жалобами от квартиросъемщиков. 17 июня 1918 г. к ним поступило заявление от Тамары Алексеевны Смирновой, служащей земства, с просьбой воздействовать на псаломщика Софийского, у которого она снимала комнату. По ее словам, Софийский притеснял ее и хотел выселить. На запрос Комиссариата Софийский ответил, что эта «богачка-буржуйка» за 25 рублей платы требовала услуг, не прописанных в договоре, а платить больше не соглашалась. Комиссариат сделал внушение обоим, напомнив Смирновой, что Софийский, человек преклонных лет, «болен и беден» [11]. Этот случай привлек наше внимание тем, что в обстановке Гражданской войны в городе, где через две недели вспыхнет восстание против советской власти, сотрудники Комиссариата сохранили чуткость в отношении проблем простых людей. Они не оставили без внимания спор квартиросъемщицы и хозяина, который, строго говоря, не имел отношения к делу отделения церкви от государства.

Комиссариат церковно-монастырских имуществ после июльского антибольшевистского мятежа в Ярославле получил статус губернского органа, что, на наш взгляд, практически не изменило характера его деятельности. Организация подразделов в уездах шла медленно, а Комиссариат церковно-монастырских имуществ, погрязший в разбирательствах с Жилотделом, не делал попыток выслать своих представителей на места. В Мологском уезде до конца сентября специального подразделения не существовало вообще. В Рыбинске работу подразделения возглавлял священник Розов. О положении в других уездах за отсутствием документов остается только догадываться.

В Ярославле во время мятежа почти половина зданий была разрушена. В городе разразился настоящий жилищный кризис. Горожане приспособляли под жилье любые мало-мальски пригодные помещения, невзирая на запреты и предписания. Многие из них нашли приют в ярославских монастырях. Некоторые ярославцы, чьи дома были разрушены во время июльского восстания, поселились в Казанском монастыре. Горожане по-прежнему воспринимали монастырь как место, где можно получить помощь в сложной жизненной ситуации, поскольку он оставался оплотом милосердия.

Работники комиссариата развернули активную борьбу с незаконным занятием бывших церковных зданий. 18 августа 1918 г. комиссары КЦМИ предписали настоятельнице монастыря «объявить всем беженцам и погорельцам, помещающимся там бесплатно, чтобы они добровольно очистили занимаемые ими помещения» [12]. Пытаясь выдворить из монастыря всех «не имеющих мандатов на право занятия помещений отдела», сотрудники Комиссариата церковно-монастырских имуществ пытались обеспечить соблюдение буквы закона. Однако этим людям просто некуда было идти. Работники Комиссариата вынуждены были считаться со сложившейся в городе ситуацией. Они понимали, что выселить в один момент силой всех погорельцев из монастыря – означало бы получить новый социальный взрыв. В дальнейшем Комиссариат воздерживался от подобных предписаний. Погорельцы и беженцы постепенно были расселены из Казанского монастыря. Уже в 1919 г. он стал основным местом хранения церковного имущества (утвари, облачений, икон), вывезенного из церкви Ярославля.

После июльского мятежа в Ярославле обострились отношения между Комиссариатом церковно-монастырских имуществ и городским Жилищным отделом. Жилотдел безоглядно выдавал мандаты на занятие помещений в церковных домах, несмотря на требования КЦМИ о выселении, подтверждал разрешения на проживание. Комиссарам приходилось обращаться к милиции, чтобы освободить незаконно занятые квартиры.

В конце сентября 1918 г. вместо Комиссариата появился Ярославский Губернский Ликвидационный отдел церковно-монастырских имуществ. Заведующим отделом стал Иван Сергеевич Серов. При нем была продолжена работа по составлению и проверке описей церковного имущества, начали заключать с приходскими общинами соглашения «на пользование богослужебными зданиями с находящимся в них имуществом» [13]. Проработав около трех месяцев, Серов 23 декабря 1918 г. попросил освободить его от занимаемой должности. Днем раньше Ярославский губернский исполнительный комитет поручил губотделу юстиции «провести в срочном порядке декрет об отделении церкви от государства и создать ликвидационную комиссию» [14]. Отдел церковно-монастырских имуществ передал дела новой ликвидационной комиссии. 11 января 1919 г. начальником ликвидационной комиссии был назначен председатель Ярославского губернского совнарсуда В. М. Державин. Кадровые

перестановки были связаны с отсутствием четких представлений заведующего ликвидационным отделом о своих функциях и дефицитом руководства со стороны вышестоящих органов.

В январе 1919 г. В. М. Державин принял дела от предшественников в неутешительном состоянии. По городу Ярославлю непроверенными оставались 30 из 63 действующих церквей, 5 запечатанных храмов и одна келья с имуществом митрополита Агафангела, возглавлявшего Ярославскую епархию. Не все имущество было переписано в богатом Толгском монастыре. На руках у Серова оставалось 24 447 рублей 25 копеек ценными бумагами и расписками, при проверке которых выяснилось, что на 400 рублей документов не предоставлено, так как были утеряны расписки. Учет икон не был налажен. Они хранились в самых разных местах: и в Казанском монастыре, и в Губернском продовольственном комитете. Продавались по произвольной цене без оценки. Вырученные за их продажу деньги в размере 1 111 рублей были сданы в казначейство. При проверке дел по отчету Епархиального свечного завода установлено, что им без необходимых документов и разрешения Серова снято с текущих счетов 5 декабря 1918 г. 197 700 рублей из Народного банка [15].

Помимо губернского, во исполнение декрета были созданы в некоторых уездах уездные подотделы, но и в них не велось систематической работы, поэтому «Губернская ликвидационная комиссия не располагала сведениями о положении на местах». Уездные подотделы, собрав деньги, не знали, что с ними делать. Мышкинский подотдел, собрав 875 762 рубля 50 копеек, держал эти средства у себя [16]. Аналогичная ситуация сложилась в Любимском подотделе.

Таким образом, к началу 1919 г. определенные результаты во исполнение декрета об отделении церкви от государства в Ярославской губернии были достигнуты. Во-первых, возникли соответствующие советские органы: Комиссариат церковно-монастырских имуществ, работу которого продолжил Губернский Ликвидационный отдел церковно-монастырских имуществ. Действовали они на городском уровне. Работа на местах была поставлена слабо. Во-вторых, в процессе учета церковного имущества

(земель, зданий, финансов, прочей собственности) часть его изымалась и переходила в государственную собственность. Сам механизм этой передачи отработан не был, отсюда возникали проблемы учета, изъятия, использования и хранения. Кроме того, Комиссариат и Отдел церковно-монастырских имуществ решали неотложные проблемы, которые лишь условно относились к сфере их компетентности: жилищные вопросы, регистрации браков, рождений и смертей и т. п. Это стало последствием несовершенства законодательства и неотработанных механизмов его применения на практике. Инструкция НКЮ «О порядке проведения в жизнь Декрета "Об отделении церкви от государства и школы от церкви"» от 24 августа 1918 г. сразу не смогла исправить положение. По многим вопросам приходилось обращаться за специальными разъяснениями в центральные органы власти.

Как видно из документов, в Ярославской губернии в первые годы советской власти огульного наступления на Церковь не было. Реализация декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви проходила без фанатизма со стороны представителей власти и без активного противодействия со стороны верующих и духовенства.

Список использованной литературы:

1. Гайдуков Д. А., Коток В. Ф., Ронин С. Л. История Советской Конституции: сборник документов, 1917–1957. М.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 50.
2. Гидулянов П. В. Церковь и государство по законодательству РСФСР. М., 1923. С. 7.
3. ГАЯО. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 74. Л. 1.
4. Там же. Л. 1 Об.
5. Там же. Ф. Р.-1945. Оп. 1. Д. 5. Л. 5.
6. Там же. Д. 8. Л. 2.
7. Там же. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 74. Л. 2.
8. Там же. Ф. Р-1945. Оп. 1. Д. 11. Л. 3–5, 13–14.
9. Там же. Д. 252. Л. 1–2.
10. Там же. Д. 74. Л. 2 и Об.
11. Там же. Д. 12. Л. 5–7, 9–10.
12. Там же. Л. 24.
13. Там же. Д. 3.
14. Там же. Ф. Р-1947. Оп. 1. Д. 11. Л. 1.
15. Там же. Л. 12.
16. Там же.

Статья посвящена особенностям реализации «Жалованной грамоты городам» 1785 г. в крупнейших торгово-промышленных центрах Верхнего Поволжья – Ярославле и Костроме.

Ключевые слова: городское управление; «Жалованная грамота городам» 1785 г.; дума; городской голова.

This article is devoted to peculiarities of realization of «Zhalovannaya gramota gorodam» (1785) in the Yaroslavl and Kostroma – the largest commercial and industrial centers of the Upper Volga region.

Key words: city governance; «Zhalovannaya gramota» 1785; дума; gorodskoy golova.

А. Н. Ионов

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: yaralek@mail.ru

Введение Городового положения 1785 г. в Ярославле и Костроме

Научная статья

A. N. Ionov

P. G. Demidov Yaroslavl State University

E-mail: yaralek@mail.ru

Introduction of the City Regulations 1785 in Yaroslavl and Kostroma

Scientific article

В последней трети XVIII в. Ярославль и Кострома стали центрами одноименных наместничеств (1777, 1778 гг.), что было закономерным следствием усилившегося хозяйственного развития городов [1]. Крупные торгово-промышленные центры, разбогатевшие в XVII в. благодаря транзитной торговле, имели мощную полотняную промышленность, известную за рубежом, богатые экономические связи. Помимо многочисленных пожаров, эпидемий, тяжб с окрестными землевладельцами, самой насущной проблемой оставалось отсутствие эффективного городского управления.

Возникавшие вопросы решались назначаемыми сверху чиновниками: воеводами, комендантами, видевшими свою роль, как правило, исключительно в поддержании порядка и обеспечении исправного выполнения податной и воинской повинностей жителями. Единственный выборный орган – городской магистрат – существовал для удовлетворения фискальных запросов государства и отправления судопроизводства в отношении горожан. Таким образом, наиболее важная сфера деятельности городского управления – хозяйственная – практически выпадала из компетенций властей. Отсутствие возможностей для обывателей решать свои хозяйственные вопросы вело к неизбежной стагнации и кризису

российских городов. Ситуация достигла критических масштабов ко времени правления Екатерины II; императрица была вынуждена заняться реформированием местного управления и городской жизни буквально с момента вступления на престол. Итогом ее законодательной деятельности стала «Жалованная грамота городам» 1785 г. [2].

Историография вопроса крайне скупа [3], хотя интерес к нему проявился еще в XIX в. – к 100-летию юбилею «Жалованной грамоты» [4]. Механизмы ее реализации не изучены, что дает возможность для актуализации исследований.

Ярославль и Кострома являются одними из первых российских городов, где было введено «Городовое положение» осенью 1785 г. В Ярославле общая дума «минувшего ноября 11-го в присутствии свое вступила» [5]. О создании общей думы в Костроме, вследствие плачевного состояния архивных фондов, точных сведений нет. Можно только предположить, что в Костроме «Городовое положение» начало воплощаться в жизнь также осенью 1785 г. Наличие в Ф. 497 ГАКО дела «О выборах в костромскую городскую думу» за 1788 г. [6] свидетельствует, что дума уже существовала и подготовка выборов нового состава гласных, очевидно, велась на второй трехлетний срок.

В конце 1785 г. в оба города были присланы по одному экземпляру указов, которые надлежало хранить в порядке – переплетенными, «с учинением специального регистра», для дальнейшего использования в думе [7]. В их числе: «Высочайшие в губерниях учреждения», «Городовое положение», «Грамоты дворянству».

По своему характеру общая дума являлась коллегияльным городским учреждением и включала в себя представителей шести основных категорий городских граждан. Однако ни в Ярославле, ни в Костроме гласные от иностранцев и иногородних, а также от именитых граждан не выбирались; основное количество гласных рекрутировалось из числа представителей посадских и цехов. Так, в Ярославле в 1786 г. из 26 членов думы 21 относился именно к указанным категориям [8]. Многие из гласных были неграмотными и имели специальные печати, удостоверявшие их голос. В составе первой ярославской думы число подобных людей доходило до девяти.

Объявив о своем открытии, общие городские думы были обязаны сделать соответствующие запросы в наместническое правление, губернский магистрат и др. властные инстанции о характере предполагаемых взаимоотношений с ними. Позднее были проведены выборы в шестигласную думу – орган, заведовавший городскими делами в промежутки между собраниями общей думы и представлявшей собой ее усеченный вариант.

В Костроме состав первой шестигласной думы в 1785–1788 гг. выглядел следующим образом: градской глава Дмитрий Солодовников (с 1787 г. Василий Стригалева); от гильдий – Иван Дурыгин; от цехов – Иван Панов; от посадских – Иван Красильников [9]. В 1797 г. гласные были уже от четырех категорий населения: от настоящих городских обывателей – Андрей Воробьев, от гильдий – Илья Волков, от цехов – Николай Кулемин, от посадских – Степан Масленников – городской голова Дмитрий Дурыгин [10].

Осенью 1785 г. в Ярославле и Костроме впервые по новому закону были избраны городские старосты, заседатели в магистраты и суды. Городские головы сохранили свои полномочия: в Костроме на 1785–1787 гг. был избран Дмитрий Солодовников, в Ярославле – на 1784–1786 гг. – Андрей Барсов. Трехлетние сроки полномочий голов отсчитывались со времени введения в городах «Учреждений о губерниях». Городской голова возглавлял заседания думы, руководил разбирательством вопросов, защищал гласных перед вышестоящими чинов-

никами. В Ярославле и Костроме они достаточно исправно выполняли эти функции, успевая отлучаться по своим торговым делам.

Первоначально городским думам пришлось заниматься исключительно вопросами статуса. Помимо проведения выборных процедур и извещения граждан и правительственных учреждений о начале своей деятельности, гласным предстояло определить круг проблем, которые им надлежало решать.

Сами гласные долго не могли определить круг своих компетенций: они сформировались в процессе функционирования учреждений. Возникали проблемы субординационного характера – многочисленные «несостыковки» в работе думы и магистрата. В Ярославле имел место конфликт между руководством расквартированного в городе пехотного полка и гласными по поводу строительных работ предполагаемых в одном из районов города. Попытка военных, считавших свою роль в жизни города «исключительной», диктовать свои условия не имела успеха.

В целом гласные постоянно пребывали в страхе нарушения законодательства. В первые годы работы дум были часты апелляции по поводу разъяснений вопросов, так или иначе связанных с «Положением», к вышестоящим инстанциям – наместническому правлению и губернатору.

Вопрос финансирования был особо острым в начале реализации «Положения». Законодательно предполагалось определить ряд источников городского бюджета: однопроцентное отчисление с питейных сумм, собранных в городе, оброчные городские статьи, штрафные и пошлинные деньги, добровольные «складки». Однако на практике ситуация со сбором денег оказалась сложнее. Так, Ярославское казначейство еще в 1785 г. определило выделить положенные городу за последние 2–3 месяца уходящего года «питейные деньги» в количестве 70 руб. 57 к. [11]. Но получены они были лишь в следующем году, что весьма негативно сказалось на начале хозяйственной деятельности думы. Подобная ситуация касалась большинства губернских центров Российской империи – уездные казначейства не торопились с предоставлением средств думами, заставляя последних подолгу апеллировать к ним с финансовыми запросами.

Питейные отчисления имели особое значение. Так, в 1788 г. в Костроме при общем городском бюджете в 535 р. «пьяные деньги» составили 355 р. [12]. Остальные были получены за счет

отдачи в аренду пожни, пожалованной городу в 1717 г. Для Ярославля в том же 1788 г. эти отчисления составили 785 р. 95 $\frac{3}{4}$ к. [13].

Весомую роль играли оброчные статьи. В Ярославле с конца 1787 г. по осень 1788 г. от городских земель, выгонов, лесов и пр. было получено 933 руб. 33 $\frac{1}{2}$ к. Однако первые годы работы дум в Ярославле и Костроме были дефицитными.

Высшее начальство губерний с пониманием относилось к проблемам городов. Сохранилась переписка А. П. Мельгунова с сенатором графом П. В. Завадовским. Знакомство с ней показывает, что ярославский губернатор переживал за благосостояние городов, высказывал мнение по поводу предполагаемого государственного займа. По его мнению, было бы целесообразно, «чтобы выдаваемая сумма поступала прямо к общественной пользе... и предохраняема быть могла» [14].

Таким образом, Ярославль и Кострома – крупнейшие торгово-промышленные центры Верхнего Поволжья в конце XVIII в. – стали одними из первых городов Российской империи, где было реализовано «Городовое положение». Они опередили Москву и Нижний Новгород, где первые заседания общих дум состоялись 15 января 1786 г. и 5 июля 1787 г. соответственно [15].

Достаточно раннее введение органов городского управления свидетельствует не только о высоком уровне экономического развития Ярославля и Костромы, но и о своевременной работе властей наместничеств, заинтересованных в скорейшей реализации указов императрицы и постановлений Сената. Первые шаги новых учреждений были сопряжены со значительными организационными и финансовыми трудностями. Но если первые впоследствии были успешно преодолены, то вторые сохранились вплоть до прекращения действия екатерининской «Жалованной грамоты городам» в 1870 г.

Список использованной литературы

1. Клокман Ю. Р. Социально-экономическая история русского города: Вторая половина XVIII в. М.: Наука, 1967. С. 156.
2. ПСЗ. Собр. I. Т. 22, № 16187, 21 апр. 1785 г.
3. Градоначальники Костромы, 1785–2003: от городского головы до главы самоуправления / авт.-сост. Т. М. Карпова, П. П. Резепин. Кострома, 2003; История губернского города Ярославля: сборник. Ярославль: изд-во Александра Рутмана, 2006; Марасанова В. М. Чиновничество верхневолжских губерний в последней четверти XVIII в.: численность и состав // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2008. № 5. С. 3–17; Её же. Роль личности в региональном измерении: первый наместник А. П. Мельгунов // Там же. 2012. № 3. С. 10–14; и др.
4. Речь ярославского городского головы И. А. Вахрамеева, произнесенная на заседании городской Думы 21 апреля 1885 года... // Ярославская старина. 1995. Вып. 2. С. 51–60.
5. Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. 501. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.
6. Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф. 497. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.
7. ГАЯО. Ф. 501. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.
8. Там же. Л. 5
9. ГАКО. Ф. 497. Оп. 3. Д. 2. Л. 2.
10. Там же. Оп. 2. Д. 101. Л. 2.
11. ГАЯО. Ф. 501. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.
12. Кизеветтер А. А. Городовое положение Екатерины II 1785 г.: Опыт исторического комментария. М., 1909. С. 353.
13. ГАЯО. Ф. 501. Оп. 1. Д. 8. Л. 259.
14. Там же. Ф. 72. Оп. 3. Д. 31. Л. 1–2.
15. Селезнев Ф. А. Создание нижегородской городской думы (1785–1787) // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. 2009. № 3. С. 182.

УДК 94(3)

Статья посвящена анализу кризисных явлений в традиционной системе пополнения римской армии; изучается расширение практики наследственной военной службы в конце II – начале III в. н. э. Целью работы является выяснение основных механизмов привлечения детей ветеранов на службу, значения данной практики для эволюции римской армии рассматриваемого периода.

Ключевые слова: Римская армия; ветераны; наследственная военная служба.

The article is devoted to analysis of the crisis phenomena in the traditional system of replenishment of the Roman army. It studies expanding the practice of hereditary military service at the end of the II century – beginning of the III century BC. The purpose of the work is to determine the underlying mechanisms of involving children of Veterans to the Roman army, the role and importance of this practice in the evolution of the Roman army during the period under review.

Keywords: Roman army; veterans; hereditary military service.

Н. В. Мишуров

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: arrinor@rambler.ru

Кризис традиционной системы пополнения римской армии и расширение практики наследственной военной службы в конце II – начале III в. н. э.*

Научная статья

N. V. Mishurov

P. G. Demidov Yaroslavl State University

E-mail: arrinor@rambler.ru

The Crisis of the Traditional System of Replenishment of the Roman Army and the Hereditary Military Service at the End of the II – Beginning of the III Century BC

Scientific article

Система комплектования римской императорской армии привлекала внимание историков ещё со времён с Т. Моммзена [1]. Кризисные явления в данной системе в конце II – начале III в и связанное с ними расширение практики наследственной военной службы не получили в исторической науке должного освещения.

Конскрипция как основной способ комплектования войск, основанный на принципе всеобщей воинской повинности, для римских граждан в эпоху Империи никогда не отменялась [2]. Однако императоры I–II вв. наряду с конскрипцией пополняли войска добровольцами. Социально–экономическая и политическая обстановка того времени создавала благоприятные условия для такой практики [3].

Уже в I в. н. э. в период военных действий выявились негативные стороны данной системы комплектования армии. Так, Тиберий указывал сенату на недостаток добровольцев и их низкие боевые качества, на необходимость принудительного призыва (*Tac. Ann. IV. 4*). Власти вынуждены были прибегнуть к конскрипции в правление Нерона (*Tac. Ann. XIV. 18*). О трудностях с набором упоминают Плиний Старший (*Plin. Nat. hist. VII. 149*), Дион Кассий (*Dio. LV. 31. 1; LVI. 23. 2; LVII. 5. 4*). Из-за недостатка новобранцев стали активно проводить мобилизации ветеранов (*Tac. Hist. II. 82. 1*). Нежелание римлян служить в легионах обусловлено прежде всего следующими причинами:

* Статья подготовлена при поддержке Министерства образования и науки РФ, проект «Междисциплинарные исследования публично-правовых систем и политической культуры античных социумов с применением информационных технологий», темплан ЯрГУ (ЗН-1094).

© Мишуров Н. В., 2013

1. Обучение навыкам военного дела сопровождалось тяжелыми физическими нагрузками (*Veg.* I. 8–11). Существовали строгие правила относительно физических данных новобранцев, которым большинство римских граждан не соответствовали (*Veg.* I. 5 – 6)¹ [4]. Это касалось таких требований, как рост, который должен был составлять 5 10/12 – 6 футов (около 172–177 см) для легионеров первых когорт и для кавалеристов *alares* (*Veg.* I, 5)² [5];

2. Военная служба в легионах была непривлекательна, поскольку длилась очень долго³ [6]; легионеры испытывали финансовые затруднения, крайне редко получали премии и дополнительные выплаты (*Plin. Nat. hist.* VII. 149; *Tac. Ann.* I. 17; *Suet. Nero.* 32. 1); для рядового состава практически отсутствовали перспективы карьерного роста [7].

В период Маркоманнских войн кризисные симптомы в традиционной системе пополнения армии проявились более резко. Убыль населения в результате военных действий, голода, эпидемии чумы 70–80-х гг. II в. н. э. до предела обострила проблему комплектования войск. Император Марк Аврелий так остро нуждался в рекрутах, что «снарядил на войну рабов, которых он назвал волонтерами... Вооружал он и гладиаторов, которых назвал услужливыми... Он сделал воинами и разбойников Далмации и Дардании, вооружил он и диогмитов. Он нанял также против германцев и вспомогательные отряды из германцев» (*SHA. Marc.* XXI. 6–7)⁴.

Страх перед военными действиями после длительного мирного периода делал военную службу еще менее привлекательной. Нежелание римских граждан служить в армии выражалось, в частности, и в известных еще с времен Траяна попытках при конскрипции выставлять вместо себя заместителей (*Plin. Epist.* X. 30).

В сложившихся условиях одним из важных ресурсов пополнения армии Римской империи становились дети ветеранов, выросшие в солдатских лагерях и хорошо знакомые с армейским бытом.

¹ Законодательное снижение физических стандартов для легионеров относится IV в. (*CTh.* VII. 13. 3)

² Археологические данные показывают, что римские солдаты в период Принципата были в среднем достаточно высоки, хотя и не настолько, как германские воины.

³ О продолжительности военной службы, составлявшей к концу I в. в среднем 25 лет, сообщают Тацит (*Tac. Ann.* I. 17; 78), Дион Кассий (*Dio.* LIV. 2. 6; LV. 23. 1; LVII. 6. 5). В начале правления Тиберия срок службы достигал 30–40 лет (*Tac. Ann.* I. 17).

⁴ Перевод С. П. Кондратьева.

Уменьшение числа добровольцев, набираемых из гражданского населения, приводило к тому, что императоры стремились расширить существовавшую эпизодическую практику привлечения в армию детей ветеранов. При этом в I в. н. э. основным стимулом для вступления солдатских детей в армию служило римское гражданство. Однако при Клавдии гражданство стало предоставляться детям ветеранов вне зависимости от того, поступали они на военную службу или нет⁵ (*CIL* XVI. 1–89). Несмотря на это, в конце II – начале III в. практика привлечения на службу солдатских детей расширяется [8]. Дети военных нередко зачисляются в те воинские соединения, где служили их отцы, по рекомендательным письмам (*Plin. Epist.* III. 8; VII. 22; X. 87) [9]. При этом процесс привлечения в армию детей бывших солдат в различных провинциях шел неравномерно. Ветеранские дети в Африке и Египте чаще, чем уроженцы других провинций, избирают армейскую карьеру, что можно считать началом формирования в данных регионах наследственного военного сословия (*CIL* VIII. 1867–68; 2565–69; 2804–28). На Дунае эта тенденция проявлялась слабее, и армия пополнялась там в основном за счет добровольцев из гражданского населения [10], что можно объяснить значительной степенью романизации данного региона.

К началу III в. появляются элементы будущей системы обязательной наследственной военной службы, подтверждением чего может рассматриваться ветеранский диплом из Нижней Паннонии (*CIL* XVI. Dipl. 132). Высказываемое иногда мнение, что содержание данного диплома свидетельствует не о введении наследственной службы, а о попытках правительства привлечь сыновей ветеранов к военной службе с помощью традиционных методов, в частности заинтересовать правами гражданства, представляется недостаточно убедительным [11].

Младшие офицерские должности уже к первой половине III в. фактически становятся наследственными [12]. Упрочению их положения способствовали привилегии, даваемые ветеранам, например освобождение их от несения трудовых повинностей в своих городских общинах [13].

Привлечение ветеранских детей к службе отчасти стало следствием роста числа поселков *canabae*, где селились ветераны, что, в свою очередь, было обус-

⁵ Исключение – военный диплом *CIL* XVI. 90, датированный 144 г., т. е. временем правления Антонина Пия, в котором права гражданства дарованы только самому ветерану, но не его детям.

ловлено широкомасштабным наделением их земель во II в., прежде всего в Балканских провинциях, Палестине и Африке [14], стабилизацией границ, возведением укреплений на лимесе, длительными сроками нахождения легионов на одном месте.

Расширению практики привлечения в армию детей ветеранов способствовали и меры, направленные на повышение престижа воинской службы и создание для неё более благоприятных условий, на улучшение экономического и правового положения солдат. Наиболее активно данные меры предпринимались в рамках военных реформ в период правления Септимия Севера (193–211) [15]. Солдатам было разрешено заключать браки в период службы (*Herod.* III. 8. 5) [16], жить со своими семьями в поселках *canabae* рядом с лагерем (*Herod.* III. 8. 15), брать в аренду участки земли на территории лагеря и вести на них свое хозяйство, получать в наследство земельные участки, расположенные в тех провинциях, где они служили (Dig. XLIX. 16. 9), покупать землю и движимое имущество (Dig. XLIX. 16. 9; XLIX. 16. 13). Было значительно повышено солдатское жалование (*Herod.* III. 8. 5; SHA. Sev. XVI. 9) и удвоен налог, дававший суммы для выплат ветеранам (*Dio.* LXXVIII. 9. 4). Сказались и общие меры, предпринятые Септимием Севером для увеличения рождаемости: поощрение браков, запрещение аборт, предоставление льгот многодетным семьям (Dig. XXIII. 3. 2; XL. 2. 5. 18; XL. VII. 2. 4; L. 2. 6. 5; L. 4. 36. 17). При этом дети ветеранов имели статус декурионов (Dig. XLIX. 18. 3), т. е. им предоставлялась возможность выбора между военной и гражданской службой, что свидетельствует о том, что система обязательной наследственной военной службы в данный период ещё не была сформирована.

Реформы сыграли определенную роль в преодолении кризисных явлений в системе комплектования армии в первой половине III в., однако полностью проблем с набором не решили. Власти приходилось прибегать к непопулярным мерам – принудительным рекрутским наборам, увеличению числа варварских подразделений. Хотя в отдельные периоды и происходил наплыв добровольцев, о котором сообщает, в частности, закон 200 г. (Dig. XLIX. 16. 4. 10), Северы в конце II – начале III в. расширяют принудительный набор и упорядочивают практику его применения. Назначаются специальные должностные лица *dilectatores*, ответственные за проведение конскрипции

(Dig. IV. 6. 35). Расширению принудительного набора способствовал и эдикт Каракаллы (212 г.) о даровании римского гражданства всему населению империи, поскольку он резко расширял социальную базу конскрипции. Между тем одновременно он лишал военную службу такого стимула, как получение гражданства, сокращая таким образом контингент потенциальных рекрутов из числа жителей провинций [17]. Однако в период правления Северов, как и ранее, массовая конскрипция применялась только в крайних случаях. Основной упор делался на набор добровольцев, которых стремились заинтересовать высоким жалованием и социальными льготами (Dig. XLIX. 16. 4. 10).

Список использованной литературы

1. Mommsen Th. Das spätrömische Militärwesen seit Diocletian. Gesammelte Schriften. Berlin, 1910. Bd. 6. S. 206–283.
2. Махлаюк А. В. Солдаты Римской империи: Традиции военной службы и воинская ментальность. СПб., 2006. С. 157.
3. Rankov B. Military Forces // The Cambridge History of Greek and Roman Warfare. 2007. Vol. 2. P. 37.
4. Schenk D. Flavius Vegetius Renuatus. Die Quellen der Epitoma rei militaris. Aalen, 1963. P. 26–39; Milner N. P. Vegetius: Epitome of Military Science. Liverpool, 1996. P. XVII–XXI; Lenoire M. La littérature de re militari // Les littératures techniques dans l'antiquité romaine. Statut, public et destination, tradition. Genève, 1996. P. 88–92.
5. Forni G. Il reclutamento delle legioni da Atigusto a Diocletiano. Milano, 1953. P. 25–26; Junkelmann J. C. Die Legionen des Augustus. Der römische Soldat im archäologischen Experiment. Mainz am Rhein, 1986. S. 106–107.
6. Le Roux P. L'armée romaine et l'organisation des provinces ibériques d'Auguste à l'invasion de 409. P., 1982. P. 263; Forni G. Il reclutamento delle legioni da Atigusto a Diocletiano. P. 142–144.
7. Forni G. Il reclutamento delle legioni da Atigusto a Diocletiano. P. 31–48; 120; Gaudemet G. J. Institutions de l'antiquité. Paris, 1967. P. 532.
8. Mann J. C. Legionary Recruitment and Veteran Settlement during the Principate. London, 1983. P. 56; 65–66; 95–96 (tab. 11); 105–106 (tab. 13); 120–122 (tab. 17); 134–136 (tab. 21); 146 (tab. 25); 154–155 (tab. 29); Roxanne M. M. Observations on the Reasons for Changes in Formula in Diplomas circa AD 140 // Heer und Integrationspolitik. Die römischen

Militärdiplome als historische Quelle, herausgegeben von W. Eck. Köln–Wien, 1986. P. 277–281; Jacques F., Scheid J. Roma e il suo impero. Istituzioni, economia, religion. P., 1990. P. 359–372, 180–186.

9. Ле Бок Я. Римская армия эпохи Ранней Империи. М., 2001. С. 106.

10. Штаерман Е. М. Этнический и социальный состав римского войска на Дунае // ВДИ. № 3. 1946. С. 259.

11. Колосовская Ю. К. Паннония в I – III вв. М., 1973. С.124.

12. MacMullen R. Soldier and Civilian in the Late Roman Empire. Cambridge, Massachusetts, 1963. P. 99–103.

13. Крист К. История времен римских императоров от Августа до Константина. Ростов н/Д., 1997. Т. 2. С. 248.

14. Кулаковский Ю. А. Надел ветеранов землей и военные поселения в Римской империи: Эпиграфическое исследование Юлиана Кулаковского. Киев, 1881. С. 30.

15. Birley E. Septimius Severus and the Roman Army // Epigraphische Studien. 1969. Vol. 8. P. 63–82; Smith R. E. The Army Reforms of Septimius Severus. // Historia. 1972. Vol. 21. P. 481–500; Southern P. Dixon K. The Late Roman Army. L., 1996. P. 5–9.

16. Southern P. The Roman Army: A Social And Institutional History. Santa Barbara; California; Denver; Colorado; Oxford, 2007. P. 145.

17. Salmon E. I. The Roman Army and the Desintegration of the Roman Empire // Transaction of the Royal Society of Canada. 1958. Vol. 3. P. 43–57. (Ser. 52. Sect.2.)

Статья посвящена анализу свидетельства Фукидида о внесении эйсфоры афинскими гражданами в 428 г. до н. э. Целью работы является выяснение даты введения экстраординарного налога на военные нужды в Афинах. Автор приходит к выводу о том, что упомянутый Фукидидом сбор эйсфоры в 428 г. до н. э. являлся первым случаем его взимания в истории Афин.

Ключевые слова: Афины; Античная Греция; эйсфора; Фукидид.

The article is devoted to the analysis of Thucydides' evidence about paying of eispnora by the Athenian citizens in 428 B. C. The purpose of the paper is elucidation of the date of establishment of this extraordinary tax for military purposes in Athens. The author concludes that mentioned by Thucydides collection of eispnora was the first case of levy of this tax in Athenian history.

Keywords: Athens; Ancient Greece; eispnora; Thucydides.

О. Г. Цымбал

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: oxanatsimbal@mail.ru

Фукидид о сборе эйсфоры: к вопросу о датировке введения экстраординарного военного налога в Афинах*

Научная статья

O. G. Tsymbal

P. G. Demidov Yaroslavl State University

E-mail: oxanatsimbal@mail.ru

Thucydides about Collection of Eispnora: on the Issue of Dating of Extraordinary Military Tax in Athens

Scientific article

Проблема характера и порядка сбора эйсфоры – экстраординарного налога на военные нужды – является одним из важнейших вопросов в изучении экономической политики афинского государства в V–IV вв. до н. э. И хотя изучению эйсфоры посвящено немало работ [1], единого мнения по многим аспектам его исследования нет. Разногласия среди историков вызывает вопрос о времени возникновения эйсфоры.

Первое сообщение об эйсфоре с афинян относится к 428 г. до н. э. Фукидид упоминает о сборе военного налога во время осады Митилены: «Нуждаясь для осады в деньгах, сами афиняне в первый раз тогда внесли прямой подати двести талантов, а также отправили к союзникам для взыскания денег двенадцать кораблей под начальством стратега Лисикла с четырьмя товарищами» (Thuc. III. 19. 1. Пер.

Ф. Г. Мищенко и С. А. Жебелева)¹. Это замечание Фукидида современные историки интерпретируют различными способами. Одни считают, что в данном пассаже речь идет о первом случае в истории Афин, когда граждане вынуждены были выплачивать эйсфору [2]. Другие полагают, что Фукидид сообщает о первом эпизоде взимания военного налога в ходе Пелопоннесской войны [3]. Третьи выдвигают гипотезу

¹ «Προσδεόμενοι δὲ οἱ Ἀθηναῖοι χρημάτων εἰς τὴν πολιορκίαν, καὶ αὐτὸ ἐσενεγκόντες τότε πρῶτον ἐσφορὰν διακόσιατάλαντα, ἐξέπεμψαν καὶ ἐπὶ τοὺς ξυμμάχους ἀργυρολόγουσαν δώδεκα καὶ Λυσικλέα πέμπτον αὐτὸν στρατηγόν». Исследователи по-разному трактуют встречающееся в отрывке слово πρῶτον: одни понимают его в данном контексте как «в первый раз внесли прямую подать», другие – «впервые с начала войны», третьи – «в первый раз внесли 200 талантов».

* Статья подготовлена при поддержке Министерства образования и науки РФ, проект «Междисциплинарные исследования публично-правовых систем и политической культуры античных социумов с применением информационных технологий», темплан ЯрГУ (ЗН-1094).

© Цымбал О. Г., 2013

тезу о том, что в 428 г. до н. э. афиняне впервые платили эйсфору в размере 200 талантов.

Последнее предположение впервые было высказано в монографии Р. Томсена [4]. Гипотеза заключается в том, что с 428 г. до н. э. и до середины IV в. до н. э. существовал фиксированный размер эйсфоры в Афинах. К нему государство прибегало и ранее, но в 428 г. до н. э. было впервые установлено, что отныне каждый раз, когда будет декретирована эйсфора, общая сумма налога составит 200 талантов. Такое понимание текста Фукидида не нашло поддержки у большинства ученых [5], так как оно противоречит данным источников, в которых упоминаются суммы налоговых сборов, некратные 200 талантам (Dem. XIV. 27, XXVII. 37, XXII. 44–48). Поскольку эйсфора была налогом экстраординарным и ее введение каждый раз требовало одобрения народного собрания, следует предположить, что и взимаемая сумма не была фиксированной, а каждый раз определялась в соответствии с тем, какие расходы рассчитывало покрыть государство за счет сбора налога.

Аргументом сторонников гипотезы о существовании эйсфоры до 428 г. до н. э. является так называемый «декрет Каллия» (IG I³ 52, В 16–17), содержащий упоминание об эйсфоре: «ὁ δῆμος καθάπερ φθερίσεται περὶ ἐσφορᾶς» («Так же, как народ будет голосовать по поводу взносов»). Декрет² традиционно датируют 434/3 г. до н. э., хотя не все исследователи придерживаются такой позиции [6]. Даже если согласиться с тем, что данная надпись относится к 434/3 г. до н. э., то в ней речь идет лишь об обсуждении возможности введения эйсфоры, что вовсе не доказывает факт взимания налога в 434/3 г. до н. э. «Декрет Каллия» нельзя признать решающим доводом в пользу существования эйсфоры до 428 г. до н. э.

Помимо декрета Каллия, существуют также свидетельства о существовании эйсфоры в других полисах до Пелопоннесской войны. Например, взносы на военные нужды, «выколачиваемые силой», упоминаются в речи Перикла, разъяснявшего согражданам преимущества родного полиса перед противниками (Thuc. I. 141. 5). Есть также достоверные свидетельства существования эйсфоры в Милете в 450/49 г. (IG I³ 21 56). Упоминание о платящих эйсфору встречается в «Тетралогиях» Антифонта (Antiphon. Tetr. I. 2.2. 12) [7]. **Разроз-**

² Л. Каллет-Маркс на основе анализа текста декрета приходит к выводу, что он относится к 20-м гг. V в. до н. э.

ненные упоминания указывают на то, что практика взимания экстраординарного прямого налога с граждан на военные нужды не была чужда греческому миру, и афиняне, прибегая к эйсфоре в ходе Пелопоннесской войны, не являлись новаторами, а заимствовали этот инструмент экономической политики у других полисов. Однако существование эйсфоры в греческом мире до 428 г. до н. э. вовсе не доказывает, что этот налог взимался и в Афинах.

Введение эйсфоры как прямого налога, взимаемого с граждан, было сопряжено не только с организационными, но и с этическими проблемами. В исследовательской литературе неоднократно отмечалось, что прямые налоги в греческом обществе воспринимались как символ низкого социального положения [8]. В источниках упоминается о введении прямых налогов тиранами ([Arist.] Oec. 1347a. 15–18, 1348a. 29–34, 1349a. 33–36, 1350a 24–30), в то время как государства с демократической формой правления избегали такого способа пополнения казны. Для метеков прямой налог – метойкион – засвидетельствован во многих полисах, что символизировало их подчиненный социальный статус (Lys. XXI. 9).

Для введения прямого налога были необходимы веские причины, а именно острый недостаток средств для ведения войны. До начала Пелопоннесской войны и восстаний союзников финансовое положение Афинского полиса было более чем устойчивым: на Акрополе хранились накопленные за счет сбора фороса 6 000 талантов серебра (Thuc. II. 13.3). Однако уже в первые годы войны значительная часть средств была растратчена. Судя по сохранившимся эпиграфическим данным, в 432–428 гг. до н. э. из Священной казны было потрачено почти пять тысяч талантов [9]. Кампания по осаде Митилены требовала существенных финансовых вложений, и именно поэтому поиск дополнительного источника дохода стал актуальным для афинян.

Таким образом, мы полагаем, что при отсутствии в нарративных и эпиграфических источниках явных свидетельств существования эйсфоры в Афинах до 428 г. до н. э. упоминаемое Фукидидом взимание этого налога при подготовке к осаде Митилены следует рассматривать как первый случай введения эйсфоры в Афинах. Замечания об эйсфоре, относящиеся к более раннему времени, свидетельствуют лишь о том, что практика взимания экстраординарного военного налога существовала в греческом мире и до Пелопоннесской войны.

Поскольку объективных предпосылок для введения эйсфоры в Афинах до 428 г. до н. э. не было, представляется маловероятным, что полис прибегал к таким несвойственным для демократического государства способам пополнения казны без острой необходимости.

Список использованной литературы

1. Глускина Л. М. Проблемы социально-экономической истории Афин IV в. до н. э. Л., 1975. С. 119–143; Её же. Разрешены ли загадки афинской эйсфоры // ВДИ. 1967. № 2. С. 257–265; Её же. Эйсфора в Афинах IV в. до н. э. // Там же. 1961. № 3. С. 23–38; Brun P. *Eisphora – Syntaxis – Stratiotika*. P., 1983; Christ M. The Evolution of the Eisphora in Classical Athens // *CIQ*. 2007. V. 57. P. 53–68; Fawcett P. *Athenian Taxation from the Pisistratids to Lycurgus 550–325 B. C.* Durham, 2006. P. 25–48; Ruschenbusch E. Die Athenischen Symmorien des 4 Jh. V. Chr. // *ZPE*. 1978. V. 31. S. 275–284; Thomsen R. *Eisphora: A Study of Direct Taxation in Ancient Athens*. Copenhagen: Gyldendal, 1964; Wallace R.W. *The Athenian Proeispherontes* // *Hesperia*. 1989. V. 58. P. 473–490.
2. Глускина Л. М. Проблемы социально-экономической истории Афин IV в. до н. э. С. 129–130; Christ M. *Op. cit.* P. 54; Rhodes P. J. *A History of the Classical Greek World 478–323 B. C.* Oxford, 2010. P. 368–369; Samons L. J. What's Wrong with Democracy? From Athenian Practice to Athenian Worship. Berkley, 2004. P. 85.
3. Austin M. M. *Society and Economy* // *CAH*. V. 6. Cambridge, 1994. P. 546; Börner A. *Εἰσφορά* // *RE*. 5. 2. 1905. P. 2149–2151; Boeckh A. *The Public Economy of Athens*. L., 1857. P. 471–472; Fine J. V. A. *The Ancient Greeks. A Critical History*. L., 1983. P. 531.
4. Thomsen R. *Op. cit.* P. 146.
5. Глускина Л. М. Проблемы социально-экономической истории Афин IV в. до н. э. С. 129–130; Её же. Разрешены ли загадки афинской эйсфоры. С. 262; Christ M. *Op. cit.* P. 54; Pleket H. W. *Eisphora: A Study of Direct Taxation in Ancient Athens* by R. Thomsen // *Mnemosyne. Fourth Series*. 1967. Vol. 20, № 2. P. 207; Ste. Croix G. E. M. de. *Rudi Thomsen: Eisphora: A Study of Direct Taxation in Ancient Athens*. Copenhagen: Gyldendal, 1964. *Cloth* // *The Classical Review*. 1966. Vol. 16, № 1. P. 91.
6. Kallet-Marx L. The Kallias Decree, Thucydides and the Outbreak of the Peloponnesian War // *CIQ. New Series*. 1989. Vol. 39, № 1. P. 94–113.
7. Fawcett P. *Op. cit.* P. 27.
8. Austin M., Vidal-Naquet P. *Economic and Social History of Ancient Greece: An Introduction*. University of California Press, 1980. P. 121; Kyrtatas D. J. *Domination and Exploitation* // *Money, Labour and Land. Approaches to the Economics of Ancient Greece*. L.; N.Y., 2002. P. 147–148.
9. Fawcett P. *Op. Cit.* P. 26; Samons L. J. *Op. cit.* P. 85.

УДК 378.1:002

В статье рассматриваются педагогические подходы к моделированию процесса формирования компетентного общественного мнения о вузе, обеспечивающего позитивное отношение к образовательному учреждению и прямым образом оказывающего влияние на создание эффективного имиджа в условиях конкуренции на рынке образовательных услуг. Анализируются компоненты разработанной автором модели формирования общественного мнения, включающие целеполагание, организацию, оценивание, а также предложенный комплекс организационно-педагогических условий, повышающих эффективность данного процесса.

Ключевые слова: общественное мнение; педагогическое моделирование; процесс; модель; компоненты; механизмы; педагогические условия; деятельность; эффективность.

The article deals with the pedagogical approaches to the modeling formation of the competent opinion on a higher education institution, which provides a positive attitude to the educational institution and influences the creation of an effective image in terms of the competition at the market of educational services. The model components of the public opinion formation are analyzed: goal setting, organization, evaluation, and a proposed set of organizational and pedagogical terms that increase the efficiency of the process.

Key words: public opinion; pedagogical model; process; model; components; mechanisms; pedagogical terms; activity; effectiveness.

С. Н. Павлов

Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова

E-mail: pavlovsenior1947@yandex.ru

Педагогическая модель формирования общественного мнения о вузе при создании его имиджа на рынке образовательных услуг

Научная статья

S. V. Pavlov

Magnitogorsk State Technical University after G.I. Nosov

E-mail: pavlovsenior1947@yandex.ru

Pedagogical Model of Formation of Public Opinion on a Higher Education Institution when Developing its Image in the Market of Educational Services

Scientific article

Появляющаяся конкуренция вузов на рынке образовательных услуг диктует необходимость стратегически грамотного позиционирования вуза в информационном пространстве. Актуальность решения данной проблемы заключается в построении позитивного отношения к вузу общественности на основе эффективного имиджа, который создается о нем в процессе формирования компетентного общественного мнения.

Наши наблюдения показывают, что компетентное общественное мнение, как правило, само по себе стихийно не складывается: его нужно организовывать, направлять, формировать. Создание общественного мнения – это целостный двусторон-

ний процесс, включающий в себя как формирование, так и становление общественного мнения.

Мнение зарождается первоначально в сфере индивидуального сознания и выступает в виде впечатления, произведенного событием, фактом, поступком, действием. В зависимости от характера последнего оно вызывает соответствующую реакцию в форме реплик, высказываний, суждений, приводящих к оживленному обмену мнениями, взглядами через различные каналы общения – в студенческой аудитории, в коридорах, вестибюлях, ночных барах, на рынках и т. д. Эти процессы затрагивают уже сферу группового сознания. Затем происходит объединение мнений вокруг основных точек зре-

© Павлов С. Н., 2013

ния. И здесь с педагогической точки зрения чрезвычайно важно, как подчеркивает А. А. Вайсбург [1], под чьим влиянием происходит это объединение. Если под влиянием, например, в студенческой среде педагогов, организаторов (специалистов по связям с общественностью), то получается педагогически управляемое общественное мнение. Если же под воздействием разного рода неформальных лидеров с нелучшими характеристиками, то часто образуется коллективное мнение, нежелательное для тех, кто его формирует, идущее вразрез с их требованиями. Такое мнение, содержащее ложные и ошибочные тенденции, принято считать стихийным.

Нужно подчеркнуть, что, создавая общественное мнение, органы управления образовательным учреждением имеют дело не с одним человеком, а со многими людьми, то есть им необходимо повышать сознание целого коллектива или его большинства, целевых аудиторий. В противном случае не будет создано здоровое общественное мнение. Это не может быть достигнуто в момент кратковременного обсуждения, а требует длительной, кропотливой работы.

В студенческом коллективе воспитание здорового общественного мнения – сложный процесс выработки правильных оценочных суждений, их взаимодействия и объединения под руководством ректората, профессорско-преподавательского состава, студенческого профкома. Приступая к созданию общественного мнения, ректорат, другие организаторы должны: *во-первых, тщательно изучить реально существующие мнения, во-вторых, направить разъяснительную и воспитательную работу таким образом, чтобы она помогла студентам, сотрудникам, населению дать верную оценку факту, событию, поступку, правильно реагировать на сложившуюся ситуацию, в-третьих, помочь эту реакцию выразить в форме единого мнения.*

Исходя из установки, что формирование общественного мнения вузом в современных условиях – сложный процесс, слагаемыми которого являются правильный выбор целей и задач, выявление и анализ индивидуальных мнений, система рационального планирования и прогнозирования, организация взаимодействия руководства вуза и аудитории (студенты, сотрудники, население), эффективный контроль, мы считаем, что необходима модель его формирования.

Педагогическое моделирование (создание модели) – это разработка целей (общей идеи) создания педагогических систем, процессов или ситуа-

ций и основных путей их достижения. Основным понятием метода моделирования является модель (Н. В. Буланова–Топоркова).

Модель – это искусственно созданный объект в виде схемы, физических конструкций, знаковых форм, который, будучи подобен исследуемому объекту (или явлению), отображает и воспроизводит в более простом и обобщенном виде структуру, свойства, взаимосвязи и отношения между элементами этого объекта [2].

Модель формирования общественного мнения об образовательном учреждении нужна для того, чтобы научиться управлять процессом формирования общественного мнения в вузе и определить эффективные способы управления при заданных условиях, целях и критериях; прогнозировать прямые и косвенные последствия реализации заданных способов и форм воздействия на субъект общественного мнения с выходом на желаемый результат; основываясь на педагогических принципах, придавать технологичность педагогическому процессу формирования общественного мнения.

Управление общественным мнением, подобно социальному управлению, немислимо без информационной связи, информационного взаимодействия, т. е. без постоянного обмена сведениями о различных фактах и событиях, явлениях и процессах. Следовательно, исходя из сказанного, первый блок предлагаемой нами модели формирования общественного мнения, а он связан с **целеполаганием**, должен быть ориентирован на проведение информационной политики о деятельности вуза.

В современной педагогической литературе категории цели уделяется серьезное внимание (Б. Л. Битинса, З. И. Васильева, Г. К. Воеводская, Л. В. Звездина, Н. В. Кузьмина, В. С. Кулькевич, Б. Г. Лихачев, Г. Н. Прозументова и др.). Так, в работе Г. К. Воеводской утверждается, что процесс реализации целей педагогической системы осуществляется педагогом по трем этапам: осознание цели деятельности, ее реализация и полученный результат [3]. Цель является одним из важнейших системообразующих факторов, «внутренней пружины» (М. А. Данилов), «конструктивным компонентом» (З. И. Васильева), «критерием эффективности» (В. Ломов) педагогического процесса и деятельности учителя и учащихся. Взятая в процессуальном анализе, как подчеркивает О. П. Морозова, сама постановка цели правомерно истолковывается как особый процесс и даже деятельность [4].

Предлагаемая нами структурная модель формирования общественного мнения органами управления вузом включает в себя следующие три блока: *целеполагание, организация, оценивание*. Выбор цели нашей модели – исходная позиция, первый этап управления процессом формирования общественного мнения, его наиболее творческая часть. Цель, формулируемая ректоратом, другими участниками формирования общественного мнения, состоит в *формировании компетентного общественного мнения* при позиционировании вуза на рынке образовательных услуг. Поскольку формирование имиджа образовательного учреждения базируется на информационном воздействии на различные целевые группы, целевое назначение нашей модели предлагается реализовать на основе решения ряда задач, базирующихся на информационном факторе. К их числу мы относим: *своевременное информирование населения о деятельности вуза, реформах в сфере образования, целенаправленное и комплексное воздействие на сознание людей посредством комментариев, разъяснений или уточнений уже имеющихся индивидуальных мнений, использование в работе групповых форм информационного и воспитательного воздействия, оказание разъяснительного влияния на лидеров политических, общественных и религиозных организаций с целью достижения понимания тех или иных проблем образовательной деятельности вуза на основе теоретического сознания*.

Управление общественным мнением в PR-деятельности представляется нам как педагогический процесс, организованный на основе знаний об объекте управления. Основу таких знаний мы предлагаем заложить в сознание субъекта общественного мнения с помощью информационного компонента модели. *Информационный компонент* модели обеспечивается решением перечисленных выше задач, он призван систематизировать разнобразную информацию по проблеме имиджа вуза и обеспечить информацией не только целевые аудитории, но и организаторов, занимающихся формированием общественного мнения – снабдить их необходимым так называемым дидактическим материалом. Он может, на наш взгляд, содержать данные о компонентах имиджа вуза, его миссии, корпоративной культуре, истории и инновационной деятельности в образовательном процессе, сведения о профессорско-преподавательском составе, о выпускниках и др.

Неотъемлемой частью нашей модели является прогнозирование и планирование. В педагогике это определяется как деятельность, направленная на оптимальный выбор идеальных и реальных целей и разработку программ их достижения. Системный подход обеспечивает сочетание перспективного прогнозирования и текущего планирования, согласованность прогнозов и планов на всех уровнях управления.

Второй блок нашей модели, связанный с организацией процесса формирования общественного мнения, как раз предусматривает прогнозирование результатов воздействия на общественное мнение и планирование деятельности в педагогическом процессе.

Педагогический процесс мы рассматриваем как систему педагогических воздействий с образовательными и воспитательными целями, где образование предусматривает накопление знаний о предмете (Г. К. Воеводская, Н. В. Кузьмина, В. С. Кулькевич). Здесь при планировании и организации деятельности с целью воздействия на субъект общественного мнения мы должны учитывать критерии включенности различных явлений в объекты общественного мнения.

Первый критерий связан с интересами субъекта. В соответствии с этим критерием объектом общественного мнения могут стать лишь явления, затрагивающие интересы личности и социальной группы. *Второй критерий* связан с многозначностью явлений. В соответствии с этим критерием в объект общественного мнения могут быть включены лишь такие явления, которые имеют неоднозначное толкование. *Третий критерий* связан с компетентностью субъекта. В соответствии с этим критерием объектом общественного мнения могут стать лишь те явления, которые доступны знанию и осмыслению людей, составляющих субъект общественного мнения [5]. Основываясь на названных критериях, мы сознательно включаем в содержание деятельности второго блока модели – анализ и выявление проблем и интересов потребителей образования, а также изучение компетентности субъекта – абитуриентов и студентов.

Необходимо подчеркнуть, что во всей цепочке этапов управленческого цикла по формированию общественного мнения, весьма значимых для непрерывности и целостности управления, есть особая стадия, от которой зависит качество функционирования и развития объекта, – организационно исполнительская функция. В этом аспекте,

с нашей точки зрения, важны организационные отношения между органами управления вузом и субъектами общественного мнения, которыми являются социальные группы.

К формам, предлагаемым в модели, мы относим проведение пресс-конференций, брифингов по актуальным проблемам деятельности вуза и др. Поскольку с содержанием общественного мнения непосредственно связана его форма, которая проявляется в виде оценочного суждения в вербальном и невербальном выражении, в разработанной нами модели, исходя из педагогической целенаправленности на субъект (объект), имеет место вариативное сочетание методов организационно-исполнительской деятельности для оптимального достижения цели формирования *компетентного* общественного мнения.

Формируя эту направленность общественного мнения по отношению к вузу, мы прямым образом формируем его образ и отношение к нему. Общественное мнение проявляется в оценочном суждении в вербальном и невербальном выражении, поэтому виды деятельности в нашей модели предусматривают это проявление в двух формах при использовании таких публичных встреч, как «Дни ректора на факультетах», «Дни университета в школах, на предприятиях, в акционерных обществах» при активном взаимодействии ректора с различными целевыми группами в форме педагогического общения. При этом управленцами вуза должен учитываться жизненный цикл общественного мнения, который проходит стадии *возникновения и формирования, функционирования и убывания*. На этапе зарождения проявляется широкий интерес множества индивидов к потенциальному объекту общественного мнения, т. е. к вузу, происходит формирование индивидуальных, заинтересованных оценочных суждений, возникает потребность выразить свою оценку, обменяться мнением с другими индивидами. И здесь в процессе общения лидеров вуза с аудиториями одной из главных педагогических задач является задача организовать педагогическое сопровождение субъекта, оказать помощь ему выразить свою оценку и дать ей характеристику.

На этапе обмена мнениями идет активное обсуждение проблемы, происходит столкновение мнений в виде дискуссий и споров. В ходе дискуссий идет процесс зарождения групповых мнений, выделяются свои лидеры мнений. В этом случае педагогу (профессору, ректору, декану) важно учесть, что

формирование и развитие общественного мнения осуществляются не всем коллективом (группой), а его лидерами. Поэтому целесообразно вовлечь их в диспут, который, как подчеркивают педагоги [6], требует ясного и определенного взгляда на предмет спора, умения отстаивать свои доводы, доказывать неправоту «противника», прямо и открыто указывать на ошибочность взглядов, активно защищать нормы нравственности.

На этапе кристаллизации общей точки зрения в ходе продолжающихся дискуссий и борьбы групповых мнений происходит интеграция всех индивидов или их большинства вокруг единой точки зрения, которая сформировалась в процессе обсуждения проблемы на основе совпадающих оценочных суждений.

Основными механизмами формирования общественного мнения являются *внушение, убеждение, заражение, подражание*. Используя эти механизмы в процессе взаимодействия с аудиториями (школьниками, студентами, преподавателями), придается технологичность процессу формирования общественного мнения, что способствует последовательному переходу к стадии функционирования сформированного общественного мнения, которая включает этап объективизации, этап активности.

На этапе объективизации происходит переход сформировавшегося общественного мнения в пользу имиджевых компонентов вуза от отражательного состояния к преобразующему, то есть можно считать, что *технологический* компонент модели сработал. На этом этапе включается так называемый блок готовности, который, как показывает практика, характеризуется ориентацией людей на реализацию социальной оценки в актах поведения. На этапе активности наблюдаются действия субъектов общественного мнения, их участие в поддержку той или иной сформировавшейся точки зрения.

Таким образом, технологический компонент разработанной нами модели предполагает систему конкретных форм, методов, механизмов и процедур (Дни ректора на факультетах, Дни открытых дверей, Дни университета в школах, на предприятиях; *внушение, убеждение, педагогическое общение*), с помощью которых осуществляется дидактическое обеспечение педагогического процесса формирования общественного мнения о вузе при позиционировании его на рынке образования.

Третий блок нашей модели – *оценивание*. В него входит *контрольно-оценочный компонент*. Он дает

практическую возможность проконтролировать и оценить, насколько достигнута цель. Содержит уровни сформированности общественного мнения, критерии и показатели оценки эффективности, промежуточное и итоговое исследование общественного мнения, помогает профессорско-преподавательскому составу, руководству вуза выявлять в процессе управления общественным мнением слабые и сильные стороны, учитывать не только динамику общественного мнения, но и некоторые характеристики, отражающие его качественную определенность.

Суть *контрольно-оценочного компонента* заключается в социальном исследовании общественного мнения, задача которого состоит в выяснении установок и мнений людей по поводу определенных объектов.

Отметим, что применительно к общественному мнению установка является устойчивой склонностью людей определенным образом воспринимать объект, проблему. Как утверждается в исследованиях, установка выражает внутреннюю позицию человека, его взгляды, ценности, ориентиры по отношению к событиям, фактам, людям, идеям.

В процессе влияния на установки в контексте управления формированием общественного мнения о вузе важно учитывать направленность установок. По этому признаку различают установки трех видов: *положительные, отрицательные, нейтральные* (отсутствие установки) [7].

Необходимо отметить, что любая модель педагогической системы может быть реализована в практике лишь при наличии определенных условий.

Педагогический подход к разработке модели формирования общественного мнения органами управления вузом привел нас к необходимости выявления и разработки организационно-педагогических условий повышения эффективности формирования общественного мнения о высшем образовательном учреждении.

Под **организационно-педагогическими условиями** мы будем понимать совокупность объективных возможностей содержания обучения и воспитания потребителей информации, методов, организационных форм и материальных возможностей, а также такие обстоятельства взаимодействия органов управления вузом и субъектов информации, которые являются результатом целенаправленного, планируемого отбора, конструирования и применения элементов содержания, методов (приемов) для достижения цели эффективного формирования общественного мнения.

Сложность образовательной деятельности, задач повышения конкурентоспособности вуза, необходимость формирования его эффективного имиджа с помощью формирования компетентного общественного мнения о нем определяют разработку организационно-педагогических условий.

Нами разработан следующий комплекс организационно-педагогических условий формирования общественного мнения высшим образовательным учреждением, касающийся как внутренней, так и внешней среды.

1. Высокий уровень готовности руководителя вуза к продуктивному общению при организации публичных встреч.

2. Наличие в системе управления вузом организационной структуры, занимающейся формированием общественного мнения и эффективно использующей властные основания.

3. Специфическое моделирование действительности при передаче информации населению в системе местного самоуправления.

4. Соответствие модели личностно-деловых качеств руководителя вуза первичной презентации имиджа в ходе реализации наказов коллектива, высказанных при избрании на должность ректора.

Комплекс этих условий включен в разработанную нами модель (рис.), использование которой обеспечивает эффективное формирование общественного мнения о вузе органами его управления.

Список использованной литературы

1. Вайсбург А. А. Формирование общественного мнения в школьном коллективе. Йошкар-Ола, 1973. 77 с.
2. Дуранов И. М. и др. Педагогика воспитания и развития личности учащихся. Магнитогорск: МГПИ, 1996. 315 с.
3. Воеводская Г. К. Целенаправленность в деятельности преподавателя высшей школы: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Л., 1974.
4. Морозова О. П. Целеполагание в структуре профессиональной деятельности учителя. Барнаул: Изд-во БГПУ, 1998. С. 7.
5. Вайсбург А. А. Формирование общественного мнения в школьном коллективе. Йошкар-Ола, 1973. 77 с.
6. Там же.
7. Беликов В. А., Савинков Л. А. Образование: проблемно-ориентированный анализ на основе деятельностного подхода. Магнитогорск МаГУ, 2004. С. 87–88.

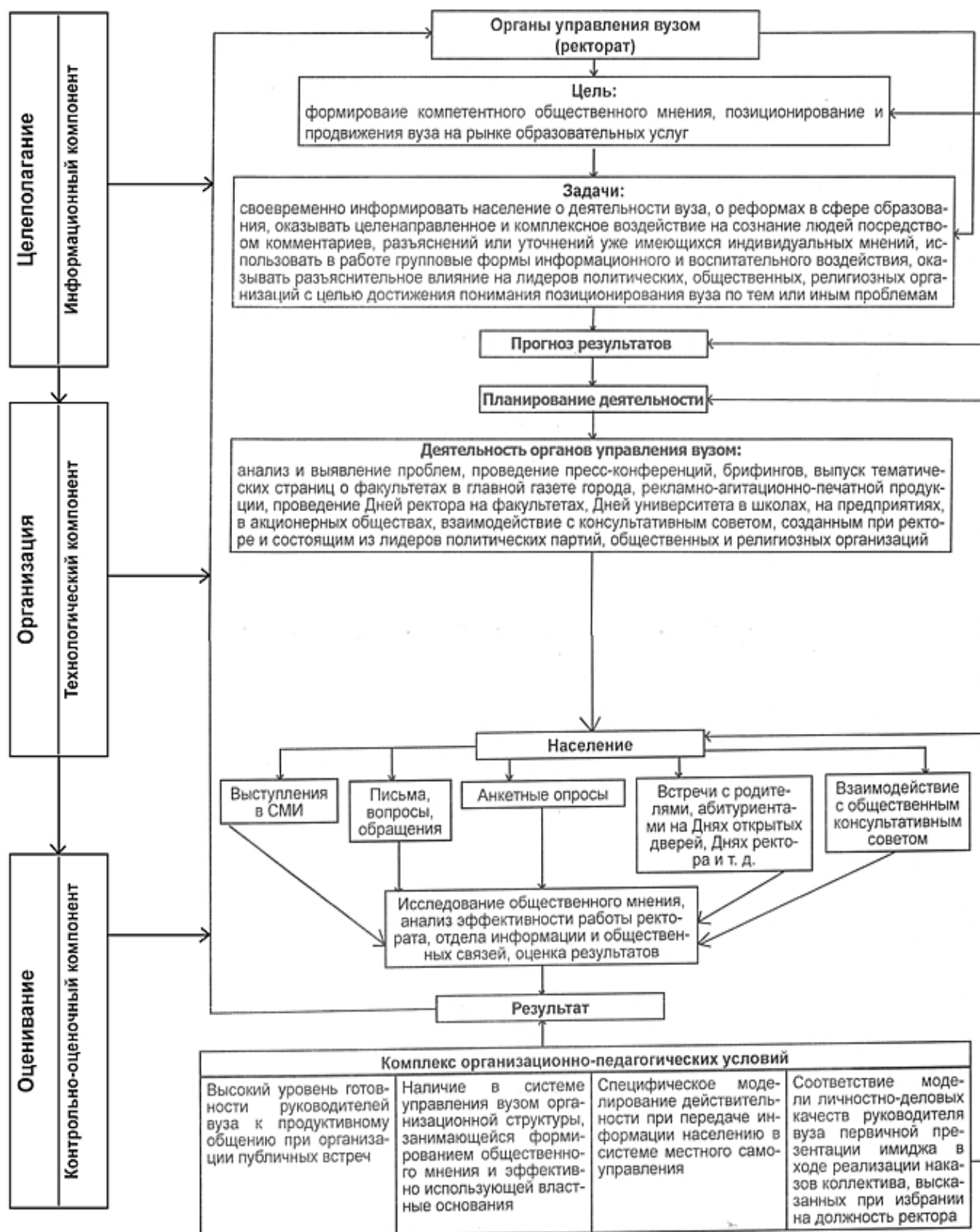

Рис. Педагогическая модель формирования общественного мнения органами управления вузом.

В статье рассматриваются вопросы интеграции целей обучения иностранному языку как учебному предмету и целей обучения информационно-коммуникационным технологиям в младшей школе. Определены содержательные особенности информационной компетенции, информационной грамотности, компьютерной грамотности и ИКТ-грамотности. Выявлены направления и принципы интеграции компонентов элементарной коммуникативной компетенции и ИКТ-грамотности младшего школьника при обучении иностранному языку.

Ключевые слова: ИКТ-грамотность; элементарная коммуникативная компетенция; младший школьник; информационная компетенция; информационная грамотность; компьютерная грамотность.

The article deals with the integration of the objectives of learning a foreign language as a school subject and learning objectives of information and communication technologies in the primary school. The authors defines content features of information competence, information literacy, computer literacy and ICT literacy. The trends and principles of integration of the elementary communicative competence and ICT literacy of primary school children have been revealed.

Key words: ICT-literacy; elementary communicative competence; primary school student; computer literacy; informative competence; informative literacy.

Е. Г. Тарева

Московский городской педагогический университет

E-mail: elenatareva@mail.ru

С. И. Селиванов

ГБОУ СОШ № 1234 г. Москвы

E-mail: s.i.selivanov@gmail.com

ИКТ-грамотность и элементарная коммуникативная компетенция младшего школьника: векторы интеграции

Научная статья

Е. Г. Tareva

Moscow City Teachers' Training University

E-mail: elenatareva@mail.ru

S. I. Selivanov

Moscow School № 1234

E-mail: s.i.selivanov@gmail.com

ICT-literacy and Elementary Communicative Competence of Schoolchildren: Trends of Integration

Scientific article

На сегодня практически утверждено, что цели обучения иностранному языку в различных образовательных условиях трактуются в компетентностных параметрах. Применительно к условиям общего образования подготовка школьников к иноязычному общению нацелена на формирование коммуникативной компетенции, которая специфицируется в зависимости от ступени обучения. В начальной школе

предусматривается формирование **элементарной коммуникативной компетенции (ЭКК)**, которая представляет собой «способность и готовность младшего школьника осуществлять межличностное и межкультурное общение с носителями изучаемого иностранного языка в устной и письменной формах в ограниченном круге типичных ситуаций и сфер общения, доступных для младшего школьника» [1].

В ФГОС НОО и Примерной программе по иностранным языкам определены следующие комплекующие данной компетенции: речевая и языковая компетенции, социокультурная осведомлённость и учебные умения [2]. Несмотря на вполне осязаемые очертания компонентов ЭКК, заявленные в нормативных документах, учёные не перестают вести активные изыскания в области уточнения комплекующих данной компетенции.

В современной научной литературе прежде всего явно прослеживается стремление расширить границы ЭКК за счёт включения в её состав ИКТ составляющей, необходимость которой обусловлена тенденциями информатизации и компьютеризации всех сторон общественной жизни, в том числе образования. Так, в работе Е. В. Солоповой, которая посвящена исследованию иноязычной коммуникативной компетенции младшего школьника (что аналогично элементарной коммуникативной компетенции по ФГОС НОО), утверждается, что, помимо языковой, речевой, социокультурной и личностной компетенций, в иноязычную коммуникативную компетенцию входит **информационная компетенция**. Под нею понимается «уровень овладения умениями осуществлять компьютерную переработку иноязычной информации, дифференцированно ее оценивать, делать выбор и самостоятельно обрабатывать её, пользоваться словарями и справочниками, в том числе и электронными» [3].

Анализ современной научной лингводидактической литературы выявил, что информационная компетенция как компонент коммуникативной компетенции рассматривалась неоднократно. Но большинство посвященных этому работ относятся к уровню профессионального образования (Д. М. Грицков, М. Г. Евдокимова, П. В. Сысоев, М. Н. Евстигнеев, Л. К. Раицкая, А. В. Малаева, И. И. Галимзянова и др.). Учёт мнения авторов позволил выявить ряд важнейших черт информационной компетенции. Эти черты выражаются в совокупности умений, которые «наполняют» данную компетенцию особым содержанием. К таким умениям следует отнести умение поиска информации путем анализа различных источников её предъявления, умение переработки информации, умение использования новых технологий, умение критического отношения к информации. Три из перечисленных умений непосредственно соотносятся с тенденцией информатизации, одно – со стратегией компьютеризации. Тем самым включение информационной компетенции в состав лингвооб-

разовательных целей позволяет «осовременить» процесс обучения иностранному языку, сделать его соответствующим социальному заказу.

В отношении начальной школы вопрос о роли информационной компетенции в составе ЭКК рассмотрению практически не подлежал, он ждет своего осмысления. Первое, что необходимо признать при изучении данного вопроса, это необходимость ограничения объема содержания компетенции, связанной с информатизацией и компьютеризацией, что обусловлено специфической возрастной группой обучающихся. Речь должна идти о смежных с информационной компетенцией понятиях – **информационной грамотности/компьютерной грамотности**. Оба данных понятия присутствуют в научно-методическом тезаурусе Примерной программы [4], причем порой взаимозаменяемо. Это свидетельствует о тождественном восприятию и пониманию данных понятий применительно к начальной школе. Одновременно данное терминопотребление свидетельствует о стремлении единовременной реализации как тенденции компьютеризации, так и тенденции информатизации в целях создания комплексной и интегративной по своему содержанию информационно-образовательной среды начальной школы.

При сопоставлении содержательных компонентов информационной компетенции и информационной/компьютерной грамотности нельзя не признать, что главное отличие заключается в разнообразии смысловых нюансов понятий «**компетенция**» и «**грамотность**».

По мнению И. А. Зимней, компетенция – «это некоторые внутренние, потенциальные, сокрытые психологические новообразования: знания, представления, программы (алгоритмы) действий, систем ценностей и отношений...» [5]. А. В. Хуторской считает, что компетенция включает совокупность взаимосвязанных качеств личности (знаний, умений, навыков, способов деятельности), задаваемых по отношению к определенному кругу предметов и процессов и необходимых для качественной продуктивной деятельности по отношению к ним [6].

Сообразно сказанному информационная компетенция наполняется особым комплексным содержанием, выраженным в терминах сложной комбинации совокупности умений работы с информацией (сведениями). В эту совокупность включаются умения оценивать значимость информации, определять возможные источники и способы поиска информации, осуществлять поиск информации в спра-

вочниках, словарях, энциклопедиях, библиотеках, Интернете, анализировать полученные сведения, организовывать информацию тематически, упорядочивать по алфавиту, по числовым значениям, наращивать свои собственные знания, сравнивая, обобщая и систематизируя полученную информацию и имеющиеся знания, обновляя представления о причинно-следственных связях, создавать свои информационные объекты (сообщения, небольшие сочинения, графические работы), использовать информацию для построения умозаключений, принятия решений, при работе с информацией применять средства информационных и коммуникационных технологий [7].

Из данных определений видно, что компетенция обладает такими составляющими, как знания, умения, навыки, способности, опыт и т. д., которые ориентированы на определенный вид деятельности. Немалый удельный вес при этом придается знаниям, навыкам и умениям, которые ранее, в прежней целеустанавливающей парадигме, составляли цель обучения. Именно совокупность последних в педагогической литературе называется **грамотностью**. В широком своём толковании¹ грамотность интерпретируется «как определенная степень владения знаниями в той или иной области и умениями их применять» [8]. Именно такой смысл закладывается в данный термин С. М. Вишняковой. Она видит грамотность как обладание пониманием, знаниями и умениями, необходимыми для успешной деятельности в какой-либо области [9].

Знаменательно, что в ФГОС НОО компьютерная грамотность и информационная грамотность рассматриваются в ограниченных пределах владения соответствующими знаниями, навыками и умениями – в виде первоначальных представлений и первоначального опыта. Именно в данном ограничении заключается суть дифференциации понятий «компетенция» и «грамотность»: первое предполагает полноценно сформированную готовность человека к деятельности, второе – лишь первые шаги в овладении осваиваемой деятельностью. Если информационная грамотность в большей степени относится к первоначальным знаниям, навыкам и умениям работы с ограниченным массивом информации, то компьютерная грамотность делает акцент на небольшом объеме знаний в области компьютерных возможностей, а также на первоначальных навыках и умениях использовать данные возможности.

¹ В узком смысле слова грамотность подразумевает уровень владения навыками устной и письменной речи [7].

В связи с подобной дифференциацией сфер употребления и смыслообозначения терминов «информационная грамотность» и «компьютерная грамотность» необходимо найти возможность для их органичной интеграции в смысловом значении общего термина. В нём можно было бы свести воедино содержание информационной грамотности и компьютерной грамотности, и его можно было бы органично сочетать (в значении интегрировать) с содержанием составляющих ЭКК младшего школьника, изучающего иностранный язык. В таком качестве может быть использован термин «**ИКТ-грамотность**».

По мнению ряда авторов, ИКТ-грамотность предполагает «использование цифровых технологий, инструментов коммуникации и/или сетей для получения доступа к информации, управления ею, ее интеграции, оценки и создания для функционирования в современном обществе» [10]. М. Н. Евстигнеев включает в состав ИКТ-грамотности «определенные умения идентификации, поиска, доступа, управления, интеграции, оценки, создания и передачи информации» [11]. А. В. Горячев под ИКТ-грамотностью понимает совокупность «умений самостоятельно искать, анализировать, оценивать, организовывать, представлять, передавать информацию <...>, ответственно реализовывать свои планы, квалифицированно используя доступные современные средства информационных и коммуникационных технологий» [12]. Он особенно подчеркивает, что «ИКТ-грамотность предполагает определенные технические навыки» [13].

Таким образом, ИКТ-грамотность соотносится с умениями работать с информацией при помощи информационно-коммуникационных технологий. Иными словами, данная компетенция включает в себя знания, связанные с работой с информацией, её обработкой, анализом, трансляцией, интерпретацией средствами информационно-коммуникационных технологий. Можно заключить, что она включает в себя содержание, присущее как информационной грамотности, так и компьютерной грамотности как явлениям, обеспечивая их интеграцию и способствуя тем самым внедрению тех целевых ориентиров, которые согласуются с тенденциями компьютеризации и информатизации современного образования. В то же время термин «ИКТ-грамотность» свидетельствует о первоначальном овладении субъектом, ею обладающим, соответствующими знаниями, о первом опыте их использования, что говорит о посильности достижения такой грамотности в начальной школе.

Являясь метапредметной (о чем говорится в ФГОС НОО [14]), данная способность «вплетается» в содержание целей всех предметов, изучаемых на начальном этапе, в том числе иностранного языка. ИКТ-грамотность должна вступать во взаимодействие с собственно предметными объектами овладения, в том числе с компонентами ЭКК.

Основания для такого взаимодействия более чем очевидны. По своему характеру элементарная коммуникативная компетенция в составе её составляющих напрямую соотносится с содержанием ИКТ-грамотности. В таблице показано, каким образом компоненты ИКТ-грамотности соотносятся с компонентами ЭКК, описание которых

представлено в ФГОС НОО [15] и Примерной программе по иностранным языкам [16]. Приведенные данные достоверно свидетельствуют о том, что зоны пересечения ЭКК и ИКТ грамотности весьма широки. Данные зоны проявляют себя как в сфере собственно компетентностных характеристик ЭКК (языковая, речевая компетенции), так и в области социокультурной осведомленности и учебных умений. Причем между ЭКК и ИКТ-грамотностью существует не односторонняя, а двусторонняя (прямая и обратная) связь: формирование ЭКК невозможно без наличия у обучающихся ИКТ-грамотности и, напротив, ИКТ-грамотность формируется в процессе освоения ЭКК.

Таблица

Интеграция компонентов ЭКК с компонентами ИКТ-грамотности

Компоненты ЭКК	Компоненты ИКТ-грамотности
Речевая компетенция	↔ Создание своих информационных объектов с помощью специальных средств
Языковая компетенция	↔ Умение использовать компьютерные навыки для осуществления анализа полученных сведений
Социокультурная осведомленность	↔ Нарращивание своих собственных знаний, сравнение, обобщение и систематизация полученной информации и имеющихся знаний, обновление представления о причинно-следственных связях
Учебные умения	↔ Умение критически относиться к информации, осуществлять поиск информации, фиксация информации с помощью различных технических средств, обмен гипермедиа сообщениями с помощью средств ИКТ

Можно заключить, что в современной образовательной парадигме, особый характер которой обусловлен доминированием стратегий информатизации и компьютеризации, является целесообразной интеграция ИКТ-грамотности и элементарной коммуникативной компетенции: первая взаимодействует со всеми компонентами второй (см. схему), обеспечивая их успешное формирование.

Такое взаимодействие ЭКК и ИКТ-грамотности, а значит, совместная реализация соответствующих целей поможет сделать процесс обучения более современным, приближенным к реальным задачам и целям, которые решает и ставит перед собой современный человек. Таким образом, происходит сближение двух учебных предметов – компонентов основной образовательной программы начальной школы, а вместе с тем целей обучения иностранному языку и ИКТ.

Схема. Интеграция ИКТ-грамотности и компонентов ЭКК

Список использованной литературы

1. Примерные программы по учебным предметам: Начальная школа: в 2 ч. Ч. 2. М.: Просвещение, 2010. С. 108.
2. Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования. М.: Просвещение, 2010. 31с.
3. Солопова Е. В. Формирование иноязычной коммуникативной компетенции младших школьников с применением компьютера в процессе обучения: дис. ... канд. пед. наук. Елец, 2008. С. 45.
4. Примерные программы по учебным предметам: Начальная школа. 267 с.
5. Зимняя И. А. Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентного подхода в образовании: авторская версия. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалиста, 2004. С. 12.
6. Горячев А. В. Подходы к формированию ИКТ-грамотности в образовательной системе «Школа 2100» // Информатика и образование. 2006. № 5. С. 3–7.
7. Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования. С. 31.
8. Коджаспирова Г. М., Коджаспиров А. Ю. Педагогический словарь: Для студ. высш. и сред. пед. учеб. заведений. М.: Академия, 2003. С. 28.
9. Вишнякова С. М. Профессиональное образование: словарь: ключевые понятия, термины, актуальная лексика. М.: НМЦ СПО, 1999. С. 73.
10. Бурмакина В. Ф., Зелман М., Фалина И. Н. Большая семерка (Б7): Информационно-коммуникационно-технологическая компетентность. М.: Дело, 2007. С. 20.
11. Евстигнеев М. Н. Методика формирования компетентности учителя иностранного языка в области использования информационных и коммуникационных технологий: дис. ... канд. пед. наук. М., 2012. С. 33.
12. Горячев А. В. Указ. соч. С. 4.
13. Там же.
14. Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования.
15. Там же.
16. Примерные программы по учебным предметам: Начальная школа.

УДК 37.01:007

В статье идет речь о современном состоянии и перспективах развития процесса информатизации образования, в котором можно выделить два основных направления: инструментально-технологическое, связанное с использованием новых возможностей средств информатики и информационных технологий для повышения эффективности системы образования и содержательное, связанное с формированием нового содержания самого образовательного процесса.

Ключевые слова: средства информатики; информационные технологии; мультимедийные средства; телекоммуникационное общение; технологии.

The article deals with the current state of the process of informatization of education and prospects for its development. Two main areas could be distinguished: first – the instrumental technology, related to the use of new information technologies and capabilities of information technology to improve the efficiency of the education system, and second – content-related one, concerned with the new content of the educational process.

Key words: means of computer science; information technologies; multimedia techniques; telecommunication; communication technologies.

Н. М. Черненко

Московский государственный гуманитарный университет им. М. А. Шолохова (Сергиево-Посадский филиал)

E-mail: fielika@mail.ru

Телекоммуникационные технологии как современная форма преподавания

Научная статья

N. M. Chernenko

MGGU named after M. A. Sholokhov (Sergiev Posad Branch)

E-mail: fielika@mail.ru

Telecommunication Technologies as a Modern Form of Teaching

Scientific article

Современный информационный мир развивается с высокой скоростью. Появление новых средств массовой коммуникации (СМК) открывает новые возможности для применения в учебном процессе объемных изображений и мультимедийных средств, а также информационного моделирования многих достаточно сложных, процессов, изучаемых в средней и высшей школе. Иными словами, появилась принципиальная возможность представления знаний в различных формах: текстовой, графической, звуковой, динамической, что, в свою очередь, открывает принципиально новые возможности не только для восприятия этих знаний человеком, но и для развития у него способностей оперировать ими. Ко всему прочему для людей будущего принципиально важным окажется хорошее пространственное мышление, навыки которого должны быть своевременно развиты именно в системе образования.

Основным элементом любого общения является процесс обсуждения какого-либо вопроса.

Отличительной чертой телекоммуникационного общения является удаленность участников обсуждения друг от друга и, как следствие, необходимость использования для организации связи телекоммуникационных технологий. Телекоммуникационное общение бывает двух видов: off-line – не предполагающее личного присутствия участников в момент общения в сети, и on-line – предполагающее личное присутствие участников и существенно расширяющее их познавательные и образовательные возможности.

Процесс участия в телекоммуникационном общении, помимо общения как такового, включает активный поиск решения поставленных целей и задач, создание устойчивых познавательных интересов, выросших на базе ситуативной заинтересованности участника, что в конечном счете и формирует мотивационные установки, развивающие информационную культуру. Достижение участником телекоммуникационного общения поставленных целей требует произвольного

© Черненко Н. М., 2013

внимания на всем его протяжении, но в итоге приносит ощущение свойственной человеку радости от процесса непосредственно коммуникации. Если мы говорим об обучении, то оно становится более эффективным, удовлетворяя потребности и интересы как преподавателей, так и обучаемых. Происходит трансформация образовательного процесса, появление новых средств, которые предлагают обучающимся не информацию в готовом виде, а возможность и необходимость поиска, отбора, анализа и, как результат, более полного усвоения этой информации. Телекоммуникационные технологии позволяют участникам самостоятельно формировать свой взгляд на происходящие события, осознавать многие явления и исследовать их с различных точек зрения, решать возникшие проблемы совместными усилиями, задавать друг другу самые разные вопросы, делиться своими идеями. Использование телекоммуникационных технологий в целом меняет взаимоотношения педагога и ученика. Они становятся партнерскими, направленными на достижение общей цели – организацию такого учебного процесса, в котором роль педагога будет сводиться к корректирующей или управляющей.

На определенных этапах естественным (органичным) будет и заимствование педагогом опыта учащегося. Обучаемый, в свою очередь, получает неограниченную самостоятельность в приобретении новых знаний, их закреплении, возможность самостоятельно контролировать степень усвоения материала и степень своей компетенции. Необходимо отметить, что именно самостоятельность в процессе освоения нового материала является революционным моментом, выводящим личность учащегося на более высокий концептуальный уровень.

С точки зрения вузовского образования средства телекоммуникационного общения помогают приблизить познавательную деятельность студентов к методам исследования науки, создавая «культуротворческую модель образования» [1]. Подготовка к участию и работа в учебном телекоммуникационном общении позволяет индивидуализировать преподавание с учетом интересов студентов, повысить интенсивность их труда, научить анализировать материалы и делать самостоятельные выводы, выносить на общий суд свои размышления, отстаивать свое мнение и дискутировать. Характер деятельности во время учебного телекоммуникационного общения является профессионально-

направленным: приобретенные знания, умения и навыки пригодятся его участникам в их последующей профессиональной деятельности.

В процессе участия в телекоммуникационном общении создается специфическая познавательная среда, основными характеристиками которой являются:

- **интерактивность**, определяемая как активное взаимодействие всех участников обучения друг с другом и с сетевыми информационными ресурсами, поддерживаемое как на техническом, так и на методическом уровне;

- **информативность** – насыщенность среды информацией, организованность и удобство использования данной информационной среды посредством специальных технологических приемов;

- **открытость** – данная учебно-познавательная среда является открытой с точки зрения доступа к информационным сообщениям и общения с другими участниками конференции;

- **оперативность** – высокая скорость обмена информацией, возможность контролировать процесс обучения, поддерживать обратную связь со слушателями, регулярно обновлять информацию о ходе конференции, быстро корректировать ее при необходимости и осуществлять к ней доступ пользователей в любое удобное для них время;

- **интегративность** – возможность интеграции данной среды практически с любой другой системой (образовательной, научной и т. д.) как на уровне содержания, так и на уровне организации.

У участников появляется возможность подготовить более взвешенное, продуманное сообщение по конкретному вопросу, аргументированно обосновать свое мнение и оформить его в наиболее лаконичном виде. В результате чего происходит развитие рефлексивной культуры человека, его критического мышления. Участники начинают критически и конструктивно оценивать свои успехи и затруднения. Происходит развитие самосознания и творчества.

Использование телекоммуникационного общения позволяет значительно активизировать учебную и научную деятельность, побуждает участников к непрерывному творчеству в период подготовки и участия в ней. Одной из форм обозначенного творчества является создание собственного виртуального представительства (сайта) в глобальной сети Интернет, посредством которого можно, например, ознакомить мировую общественность с собственными научными разработками и провести их апробацию.

В ходе нашего эксперимента мы разработали программу учебного курса **«Коммуникативные технологии в связях с общественностью»**. Цель курса – дать комплексное представление о связях с общественностью посредством коммуникативных технологий, поскольку внедрение информационно-коммуникативных технологий в образовательную среду позволяет повышать и стимулировать интерес учащихся, активизировать мыслительную деятельность и эффективность усвоения материала, индивидуализировать обучение, повышать скорость изложения и усвоения информации, а также вести экстренную коррекцию знаний.

Целью данной дисциплины явилось установление и укрепление разнообразных социальных связей между индивидами и группами, что создает вероятностную основу для последующего их взаимодействия. Деятельность посредством коммуникативных технологий осуществляется в своем неизменном виде на любом масштабном уровне современного социума – от глобального уровня коммуникации до коммуникации на уровне малых социальных групп (межгрупповая коммуникация) и коммуникации между конкретными людьми (межличностная коммуникация).

Отсюда формирование персонального умения осуществлять коммуникацию предполагает для учащегося овладение ее средствами и получение навыков применения хотя бы какой-то части из постоянно растущего набора процедур, приемов и способов действия – разработки информационных материалов, их опубликования (обеспечения открытого доступа к ним), сознательного освоения содержания и формы информационных сообщений, что отвечает требованиям медиаграмотности языковой личности [2] и оказания информационного и речевого воздействия на контрагента, приводящего к изменению его точки зрения, намерения, оценки конкретных событий и явлений социальной жизни, распознавания аналогичных информационных воздействий, поступающих извне, сознательного реагирования на них и т. д.

В соответствии с требованиями к освоению коммуникативных дисциплин [3] в процессе прохождения учебного курса учащиеся знакомятся и осваивают набор базовых способов и приемов осуществления коммуникации на межличностном и межгрупповом уровне. В программе курса основной упор делается на овладение технической стороной коммуникации, то есть на формирование умения и навыков коммуникационной работы.

Соответствующие знания и представления передаются учащимся в основном для того, чтобы обеспечить целевую и ценностную осмысленность выполняемых учащимися действий, понимаемых в данном случае как социальные действия.

В задачи курса входило:

1. Научить студентов осознанно и целенаправленно выполнять действия, которые направлены на достижение результата в конкретной социальной ситуации, в частности:

- объективно оценивать положение дел и принимать решение к действию;

- ставить цели и формировать планы действий, осуществляемых в социальной среде;

- формулировать предложения для конкретных адресатов и доносить до них свои намерения и планы действия;

- вступать во взаимодействие с другими людьми и социальными группами с целью осуществления коллективных действий.

2. Сформировать у студентов умения ориентироваться и действовать в специализированной социальной среде (в студенческой среде, в деловой среде, в составе малой социальной группы), а именно:

- анализировать и оценивать свое место и роль в социальной среде и в социальной группе;

- выяснять положение дел и расстановку сил в сложившейся социальной ситуации;

- объективно оценивать положительные и отрицательные факторы, определяющие социальную ситуацию;

- ориентироваться в социальной среде и осуществлять в ней целенаправленные действия персонально и в составе социальной группы.

3. Обеспечить студентам возможности для первичного освоения технологий, используемых для налаживания общения и межличностной коммуникации, организации взаимодействия при коллективной работе, в частности:

- составлять информационные материалы (сообщения), адресованные конкретным индивидам и группам людей;

- оформлять содержание информационных сообщений в таком виде, который будет понятен и приемлем для адресатов;

- понимать содержание полученных информационных сообщений и принимать решения по этому поводу;

- оказывать информационное воздействие на контрагентов в коммуникации с целью изменить их точку зрения на предмет обсуждения.

По окончании курса студенты получили:

- теоретические основы коммуникативных технологий в связях с общественностью;
- концептуальные основы практического и прикладного использования коммуникативных технологий в связях с общественностью;
- понятие сетевой коммуникации и интернет-коммуникации в современном обществе;
- основные виды коммуникативных технологий в различных сферах общества;
- принципы организации и особенности презентации коммуникативных продуктов в разных сферах общения.

В ходе обучения студенты научились:

- свободно ориентироваться в коммуникативных технологиях в связях с общественностью;
- анализировать конкретные коммуникативные

продукты в системе коммуникативных технологий в связях с общественностью;

- проводить экспертную характеристику проверку коммуникативного продукта и коммуникативного события, пользуясь критериями оценки эффективности;
- создавать коммуникативные продукты в соответствии с требованиями и целями коммуникативных технологий.

Список использованной литературы

1. Федоров А. В. Медиаобразование и медиаграмотность. Таганрог: Кучма, 2004. С. 26.
2. Антонова Л. Г. Современные коммуникативные процессы: учеб. пособие. Ярославль: ЯГПУ, 2009. С. 12–13.
3. Там же. С. 53.

В статье освещается проблема выявления педагогических условий эффективности интегрированного обучения предметам гуманитарного и художественно-эстетического циклов. По материалам формирующего эксперимента, проведенного автором, проиллюстрированы возможности интегративно-гуманитарного подхода как основы эстетического воспитания школьников в учреждениях дополнительного образования. Представлены элементы авторской интегрированной эстетической программы «Искусство».

Ключевые слова: эстетическое воспитание; эстетическая эмпатия; дополнительное образование; воспитание; интегративный подход.

The paper highlights the problem of identifying pedagogical conditions for effectiveness of integrated teaching of humanities and Arts. According to the materials of the forming experiment conducted by the author, the possibility of integrative-humanitarian approach as the basis for the aesthetic education in institutions of further education is illustrated. The elements of the author's integrated aesthetic program «Art» are presented.

Key words: Aesthetic education; aesthetic empathy; additional education; training; integrative approach.

Ю. А. Городецкая

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Владикавказский филиал)

E-mail: ugorodeckaya@gmail.com

**Интегративно-гуманитарный подход
как основа эстетического воспитания школьников
в учреждениях дополнительного образования**

Научная статья

J. A. Gorodetskaya

Financial University under the Government of the Russian Federation (Vladikavkaz branch)

E-mail: ugorodeckaya@gmail.com

**Integrative Humanitarian Approach
as a Basis for Aesthetic Education
in Institutions of Additional Education**

Scientific article

В настоящее время существует широкий спектр исследований влияния процессов интеграции на обучение и воспитание школьников. Однако существуют проблемы, требующие дальнейшего изучения. К их числу относится проблема выявления педагогических условий эффективности интегрированного обучения предметам гуманитарного и художественно-эстетического циклов. Теоретический анализ различных подходов к определению понятия «интеграция» показал, что исследователи по-разному трактуют его значение. Так, Н. А. Терентьева обосновывает целесообразность введения интегрированных курсов в практику общеобразовательной школы с точки зрения познания самого искусства, в котором встречаются формы, опосредованные внешними влияниями. Интердисциплинарные взаимодействия внутри самого искусства

образуют обширную область музыкально-изобразительных, музыкально-поэтических, музыкально-сценических параллелей [1].

Эстетическое начало пронизывает все стороны жизни учащихся, играет огромную роль в процессе их обучения. Закономерно, что в последнее время все большим успехом среди школьников пользуются интегрированные занятия по искусству, изучению музыки как части культуры, музыкального фольклора, народного и декоративно-прикладного искусства. Интегрированный эстетический цикл позволяет утверждать, что интеграция предметов искусств – альтернативная система обучения школьников предметам искусств и их эстетического воспитания и развития.

В системе дополнительного образования на основе добровольного выбора занятий по интересам продолжается углубленное формирование у детей

эстетического отношения к искусству и действительности; духовное обогащение их личности; решается вопрос с организацией свободного времени; происходит регулирование восприятия влияний средств массовой информации.

Дополнительное образование позволяет расширить рамки воспитательного процесса, а для ребенка это возможность раскрытия своего творческого потенциала и внутреннего мира. Творчество является основой и фундаментом формирующейся личности. Центры детского творчества (ЦДТ) позволяют строить воспитательный процесс так, что воспитание становится самовоспитанием [2], а дополнительное образование позволяет расширить рамки воспитательного процесса, используя инновационные технологии.

На базе Центра эстетического воспитания «Творчество» г. Владикавказа проводилось экспериментальное исследование, в котором приняли участие 52 воспитанника творческих объединений эстетической направленности. Определение первоначального уровня эстетической эмпатии с помощью диагностирующих методик проводилось на трёх уровнях успешности: низком, среднем и высоком. В нашем случае уровень эстетической эмпатии испытуемых оказался низким. Полученные результаты свидетельствовали о необходимости внедрения авторской интегрированной эстетической программы «Искусство».

Испытуемые были разделены на контрольную и экспериментальную группы. Контрольную группу составили 28 воспитанников в возрасте 9–10 лет, посещавшие творческие объединения центра по различным направлениям (хореографии, музыке, декоративно-прикладному искусству и т. д.). В экспериментальную группу вошли воспитанники центра «Творчество» (24 человека), которые наряду с обучением в выбранных ими творческих объединениях изъявили желание дополнительно посещать интегрированные занятия по предложенной им программе «Искусство».

Общий смысл интегрирования заключается в его синергетическом эффекте, достичь которого воздействием каждого из искусств в отдельности невозможно. Рассмотрим одно из интегрированных занятий, предложенных воспитанникам.

Тема занятия **«Моделирование образа на основе литературного сюжета»**

Цели:

- сформировать способность нравственно-эстетического переживания;

- научить детей чувствовать поэтичность, музыкальность и живописность художественных образов на примере басен И. А. Крылова;

- подвести воспитанников к восприятию понятий «автор», «замысел», «выразительность», «образ», «изобразительность», «интонация».

Материал: басни И. А. Крылова «Осел и Соловей», «Скворец», «Квартет».

Оборудование: иллюстрации Н. Яковлева, Д. Сапожникова, И. Иванова к басням И. А. Крылова; аудиозапись (К. Сен-Санс «Персонаж с длинными ушами», «Королевский марш львов» из цикла «Карнавал животных», Э. Григ «Птичка», Л. Дакен «Кукушка»; О. Респиги «Соловей»); аудиозаписи голосов птиц.

Методы: беседа, игровая импровизация, диалог, наблюдение, сравнение.

Ход занятия

Звучат фрагменты из музыкального цикла К. Сен-Санса «Карнавал животных».

Задание: по характеру музыки определить персонажей и нарисовать их словесные портреты.

Педагог задает вопросы:

1. Кто может назвать имена композиторов, писателей и художников, обращавшихся в своем творчестве к миру животных и птиц?

2. Что вы знаете о великом баснописце И. А. Крылове? (воспитанники демонстрируют свои знания).

Предлагается репродукция Н. Яковлевой к басне «Осел и Соловей».

Задание: узнать персонажей, назвать их, придумать диалог, соответствующие музыкальные интонации; нарисовать словесные портреты героев басни; придумать продолжение басни; изобразить впечатление от пения соловья в красках.

Педагог предлагает вниманию обучаемых басню «Скворец».

Примерные вопросы:

1. Почему автор избрал главным героем басни Скворца?

2. Какими человеческими чертами наделен Скворец в басне?

3. Твое отношение к Скворцу как к герою.

В беседе с детьми необходимо сделать акцент на этической стороне замысла автора.

Педагог заостряет внимание ребят еще на одной басне И. А. Крылова, которая называется «Квартет».

Задание: нарисовать иллюстрации к этому произведению; сочинить музыкальные интонации, характеризующие образы главных героев, исполнить их.

Педагог предлагает воспитанникам составить произвольный квартет, как в басне, используя при

этом невербальные средства общения (пантомима, мимика, жесты и т. д.).

Дети выполняют задание. Занятие окончено.

При проведении повторной диагностики уровня развития эстетической эмпатии после внедрения интегрированной программы данные, полученные в ходе выполнения тестовых заданий, обрабатывались по следующим критериям:

- одним баллом оценивался ответ неправильный (при опознании эмоций испытуемый называл категорию, не входящую в смысловое поле данного эмоционального состояния);

- двумя баллами – ответ частично правильный (косвенная приблизительная характеристика эмоционального состояния);

- тремя баллами – ответ правильный, но не дифференцирующий данную эмоцию по степени выраженности;

- высшим баллом оценивался ответ правильный, точный, полный, аргументированный, составляющий смысловое поле данной эмоции.

Результаты полученных эмпирических данных представлены на рис.

Из диаграммы видно, что использование интегративно-гуманитарного подхода в эстетическом воспитании оказывает влияние на развитие уровня эстетической эмпатии школьников.

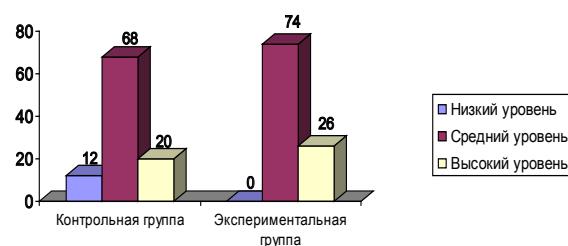

Рис. Динамика уровня развития эстетической эмпатии

Так, у 26 % школьников экспериментальной группы уровень эстетической эмпатии оказался высоким. Низкий уровень у испытуемых контрольной группы составил 12 %, тогда как в экспериментальной группе этот показатель равен нулю. Средний уровень развития эстетической эмпатии в экспериментальной группе выше (74 %), чем в контрольной (68 %). Оценка результатов эксперимента показала его достоверность.

Список использованной литературы

1. Вопросы воспитательной деятельности внешкольных учреждений: сб. науч. тр. / под ред. Б. Е. Ширвиндта, М. Б. Коваль. М., 1980.
2. Дополнительное образование детей / под ред. О. Е. Лебедева. М.: ВЛАДОС, 2000. 256 с.

Развитие новых средств коммуникации и социальная практика создают условия для возникновения новых форм организации гражданской активности, построенных на сетевых принципах. Они получают значительное распространение и демонстрируют свою эффективность. В данной статье рассматривается гражданская кампания против привилегий чиновников в дорожном движении, организованная «Обществом синих ведерок».

Ключевые слова: гражданская активность, сети, политический процесс, политический конфликт, протест.

Development of new media and social practices create the conditions for the emergence of new forms of civic engagement based on the principles of networking. Civil network campaigns are very widespread and demonstrate their effectiveness. This article discusses the civil campaign organized by the «Society of blue buckets» against the privileges of the officials in the traffic,

Keywords: civic engagement, networks, political process, political conflict, protest.

А. В. Соколов, А. И. Веревкин

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail; alex8119@mail.ru

E-mail: verevkin.anton@gmail.com

Сетевые гражданские кампании

(на примере движения «Общество синих ведерок»)*

Научная статья

A. V. Sokolov, A. I. Verevkin Anton

P. G. Demidov Yaroslavl State University

E-mail; alex8119@mail.ru

E-mail: verevkin.anton@gmail.com

Network Civil Campaigns

(by an example of the «Society of blue buckets» movement)

Scientific article

Теоретическая база для развития сетевого подхода в теории организаций была сформирована в работах таких классиков социологии организаций и управления, как М. Кастельс [1], М. Крозье, А. Гоулднер, А. Этциони, У. Мاستенбрука. Значительный вклад в развитие сетевого подхода внесла также и политическая теория, которая сформулировала, наполнила особым содержанием и выдвинула в качестве одного из центральных понятий термин «политические сети». Сформулировали это понятие представители англосаксонской школы Р. Родес и Д. Марш, а также Т. Берцель, Л. Отула и другие. В России изучением сетевых структур занимаются Л. В. Сморгунов [2], А. В. Курочкин [3], А. С. Шерстобитов [4] и другие ученые.

М. Кастельс одним из первых ученых начал заниматься исследованием и анализом сетевых форм организации гражданской активности. «Сетевая структура» является центральным понятием его теории. Оно раскрывается как «комплекс взаимосвязанных узлов», при этом «конкретное содержание каждого узла зависит от характера той конкретной сетевой структуры, о которой идет речь» [1. С. 470]. В своих работах он говорит о значимости информации, которая в сегодняшнее время становится основным ресурсом, и передается посредством коммуникации, то есть сетей.

Среди трактовок понятия «сеть» в американском словаре встречается следующая: «Сеть – это расширенная группа людей со схожими интересами, взаи-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 12-33-01227a1.

© Соколов А. В., 2013

© Веревкин А. И., 2013

модействующих друг с другом и поддерживающих неформальный контакт с целью взаимной поддержки и помощи» [5. С. 1214]. А. Олейник отмечает, что под сетью понимается совокупность устойчивых контактов или сходных с ними социальных отношений между индивидами или группами [6].

Говоря об общем определении сети, К. Клеман, О. Мирясова, А. Демидов указывают, что «это каналы распространения информации. В них постоянно циркулирует разного рода информация: о самом движении, о других подобных инициативах, о конкретных проблемах и опыте их решения, о ценностях и принципах, о той или иной реформе, о политике. Со временем в сетях, и особенно в ходе происходящих в них дискуссий, формируются общие взгляды и общее представление о движениях. А главное, эти сети способны к мобилизации. Время от времени они мобилизуются для проведения общих кампаний под общими лозунгами» [7. С. 83].

Сетевые принципы являются базовыми для организации взаимодействия субъектов во многих гражданских и протестных кампаниях [8]. Среди наиболее известных кампаний можно назвать: протестную кампанию в связи с убийством Е. Свиридова [9], протестную кампанию против строительства скоростной Федеральной трассы «Москва – Санкт-Петербург» через Химкинский лес [10], масштабную протестную кампанию в Калининградской области в 2010–2011 годы [11], интернет-кампанию «За честные выборы» [12], гражданское движение «Мусора.Больше.Нет.» [13], протестную кампанию против строительства ОДЦ «Охта-центр» в Санкт-Петербурге [14].

Одной из наиболее ярких сетевых гражданских кампаний является активность движения «Общество синих ведерок». Для изучения данной кампании был применен комплекс методов:

1. Кейс-стади для изучения сути, базовых характеристик и особенностей кампании, выявления ее субъектов, тенденций;

2. Ивент-анализ, который использовался в первую очередь для анализа кампании по материалам, размещенным в СМИ;

3. Интервьюирование экспертов. Интервью проводилось по топик-гайду, состоящему из 8 тематических блоков, характеризующих составляющие протестной активности. В тематических блоках рассматриваются следующие информационные блоки:

- действующие лица (акторы);

- проблемная ситуация (причина гражданской активности);

- масштаб кампании;

- этапы и периоды активности;

- ресурсы, возможности, ограничения участников кампании;

- методы и формы взаимодействия субъектов;

- характер взаимоотношений между субъектами (актерами);

- состояние дел на сегодняшний день и перспективы развития активности.

Формально объединение различных гражданских инициатив и групп активистов под общим названием «Общество синих ведерок» произошло в апреле 2010 г., когда в Москве прошел первый массовый автопробег (флэш-моб). Целью акции было привлечение внимания жителей Москвы к проблеме неравенства на дорогах, злоупотребления чиновниками своим служебным положением. Активисты и просто равнодушные граждане прикрепили на крыши своих автомобилей синие ведерки и проехали по улицам столицы.

Однако предпосылки возникновения подобного движения имели место в 2005 г. Тогда в результате ДТП погиб губернатор Алтайского края Михаил Евдокимов. Виновником аварии был признан водитель, в которого врезался кортеж губернатора. Это событие вызвало волну возмущения общественности, во многих городах России прошли протестные акции в поддержку незаконно осужденного Олега Щербинского. Впервые проблема взаимодействия на дорогах чиновников и рядовых граждан стала темой, обсуждаемой на федеральном уровне.

Постоянное увеличение количества личного автотранспорта в крупных городах, с одной стороны, и расширение бюрократического аппарата, наделенного формальными и неформальными преференциями на проезжей части, с другой стороны, актуализировали проблему неравенства на дорогах в условиях затрудненного движения, пробок и дорожных заторов. Однако сама по себе эта проблема не является поводом для возникновения протестной активности. Развитие активности во времени показывает, что возникновение организованных гражданских и протестных групп связано прежде всего с появлением информации о ДТП с участием высокопоставленного государственного служащего, чей служебный автомобиль оборудован спецсигналами.

В наиболее абстрактном виде в качестве основной проблемы, лежащей в основе возникновения «Общества синих ведерок», можно рассматривать проблему неравенства на дорогах, вызванного социальным расслоением общества и разницей в реальном правовом статусе государственных служащих и рядовых граждан.

При приближении к конкретной ситуации на дорогах можно выделить ряд проблем, ставших причинами организации граждан в «Общество синих ведерок»:

- злоупотребление высокопоставленными государственными служащими своим служебным положением;

- нарушение принципа равенства всех граждан перед законом при расследовании ДТП с участием чиновников;

- публичное пренебрежение со стороны чиновников общепринятыми правилами поведения на дороге.

Указанные проблемы непосредственно проявляются в следующих ситуациях:

- нарушение автомобилями со спецсигналами (НЕ «скорая помощь, МЧС, «полиция») правил дорожного движения;

- возникновение ДТП с участием автомобилей высокопоставленных чиновников в результате грубого нарушения последними правил дорожного движения;

- хамство по отношению к водителям и рядовым гражданам со стороны водителей автомобилей со спецсигналами, выражающееся в оскорблениях, угрозах, применении физического насилия по отношению к гражданам и активистам;

- использование чиновниками и членами их семей служебного автотранспорта для личных нужд (поездка в магазин, банк, ресторан) часто с грубыми нарушениями правил дорожного движения (парковка в два ряда, на перекрестках и пешеходных переходах).

- перекрытие магистралей для проезда кортежей высокопоставленных чиновников, в результате чего серьезно затрудняется движение и возникают пробки (в том числе, затрудняется движение машин «скорой помощи» и МЧС);

- безнаказанность водителей автомобилей со спецсигналами, грубо нарушивших правила дорожного движения, а также случаи, когда рядовых водителей признают виновными в ДТП с участием автомобиля со спецсигналами в ситуации их очевидной невиновности.

Субъектный состав конфликта характеризуется тем, что, с одной стороны, в нем принимает участие одна протестная группа – «Общество синих ведерок», а с другой стороны, им противостоит неопределенный круг лиц, состоящий из высокопоставленных чиновников, обладающих правом передвигаться на транспорте со спецсигналами.

Различные протестные группы и организации за счет распространения информации о ДТП с участием государственных служащих косвенно принимают участие в протестной кампании, однако непосредственное участие в работе по мониторингу правонарушений на дорогах, а также их расследованию и доведению до суда принимает участие «Общество синих ведерок». Также в качестве субъектов можно выделить «Федерацию автовладельцев России», которая стояла у истоков движения «синих ведерок» и постоянно принимает участие в акциях движения.

На основе анализа гражданской кампании и практики противодействия ей можно выделить основные ресурсы, которыми стороны конфликта обладают и используют в своей деятельности.

Ресурсы «Общества синих ведерок»:

1. Информационный. За период с момента своего зарождения движение «Общество синих ведерок» стало монополистом в информационном пространстве по проблеме нарушений ПДД высокопоставленными чиновниками. Любая ситуация на дороге с участием представителей органов государственной власти возникает в информационном пространстве при активном участии «синих ведерок», движение является основным комментатором (экспертом) в СМИ по данной проблематике.

2. Мобилизационный. Развиваясь с 2010 г. вне рамок какой-либо формальной организационной структуры, «Общество синих ведерок» смогло привлечь в движение значительное число добровольцев и активистов, заинтересованных в установлении порядка на дорогах. Движение строится на принципах краудсорсинга, который предполагает активное участие большого количества людей, напрямую не связанных и не вовлеченных в деятельность «синих ведерок», в фиксации и придании огласке правонарушений чиновников на дороге.

3. Общественная поддержка. Она обеспечивает практически неограниченный волонтерский ресурс для акций движения, фиксирования случаев нарушения ПДД машинами со спецсигналами. Важно отметить, что данный ресурс базируется на сетевых принципах: у волонтерской сети нет структуры, ее

активисты действуют по собственной инициативе и в общих интересах. В результате данный ресурс является одним из важнейших для движения, позволяя ему активно действовать.

Как отмечают эксперты, принявшие участие в исследовании, бюрократический аппарат, высокопоставленные государственные служащие используют главным образом административный ресурс, который проявляется в двух формах:

1) в использовании различных правоохранительных служб – ГИБДД, ФСО, МВД – в целях создания помех для деятельности «Общества синих ведерок». Выражается в привлечении к административной ответственности за «неправильное закрепление груза» – синих ведерок на крыше автомобиля, за нарушение законодательства о массовых мероприятиях, в создании барьеров при регистрации общественной организации;

2) в использовании чиновниками неформальных связей для того, чтобы уйти от ответственности в случае возникновения ДТП, чтобы «замять» конфликт, переложить вину в ДТП на рядовых водителей.

Особенностью конфликта является то, что сторона, выступающая за сохранение привилегий для автомобилей со спецсигналами, не ведет какой-либо организованной и структурированной информационной кампании. Отсутствуют попытки по дискредитации «Общества синих ведерок» в информационном пространстве. Наоборот, комментарии и выступления чиновников в связи с той или иной ситуацией на дороге имеют место только после появления и обсуждения в СМИ этой ситуации. Представители органов власти, как правило, не заинтересованы в распространении информации об инцидентах с участием автомобилей со спецсигналами. В то же время высшие должностные лица неоднократно заявляли о необходимости сокращения круга лиц, имеющих право передвигаться по дорогам со спецсигналами. В ходе предвыборной кампании 2012 г. В. Путин обещал сократить количество машин, оборудованных спецсигналами до нескольких десятков, однако их количество было уменьшено всего на 569 [15].

Можно предположить, что данная проблема для чиновников не является дискуссионной и право на привилегии на дорогах в сознании государственных служащих являются неотъемлемым, не подлежащим обсуждению.

Опрошенные в ходе исследования эксперты не смогли выделить лидеров среди представителей

государственной власти, наиболее часто и активно выступающих за сохранение у чиновников права на использование спецсигналов. Те или иные инциденты комментируются связанными с ДТП чиновниками, но основного спикера, постоянно выступающего от лица бюрократического аппарата по данной теме, нет. Это косвенно подтверждает тезис об отсутствии целостной и спланированной информационной кампании, направленной против «Общества синих ведерок».

Идея, лежавшая в основе движения «синих ведерок», предполагала флэш-моб как основной метод борьбы с машинами чиновников на дороге. Прикрепление синих ведер на крыши личных автомобилей является одним из ключевых флэш-мобов, который, помимо всего прочего, может формировать идентичность в среде сторонников равноправия на дорогах. Однако инструментарий «Общества синих ведерок» этим не ограничивается и включает в себя следующие методы: флэш-мобы; автопробеги; митинги; пикеты; участие в официальных мероприятиях (например, заседания и рабочие группы Общественной палаты РФ и ГИБДД Москвы); обращения в правоохранительные органы (прежде всего ГИБДД); информационные кампании в Интернете; проведение независимых экспертиз; оказание помощи в защите прав автомобилистов.

Для должностных лиц органов государственной власти типичными методами действий являлись:

- административное давление на активистов «Общества синих ведерок» (привлечение к административной ответственности, лишение водительских прав);

- неформальное давление на правоохранительные и судебные органы с целью уйти от ответственности за совершенное правонарушение

В формировании и развитии деятельности «Общества синих ведерок» можно выделить несколько этапов:

1-й этап (август 2005 – март 2006 гг.). Данный период можно охарактеризовать как зарождение протестной активности, связанной с противодействием произволу чиновников на дорогах. Одним из первых поводов для массовой протестной мобилизации послужила авария в августе 2005 г. с участием губернатора Алтайского края Михаила Евдокимова, который скончался от полученных в ДТП травм. Виновным в ДТП был признан водитель О. Щербицкий, в чью машину при обгоне врезался автомобиль губернатора. Это послужило поводом

для протестных акций во многих городах по всей России. Впервые к проблеме неравенства и привилегий чиновников на дорогах было обращено такое внимание.

Тогда же в 2005 г. Алексей Дозоров впервые прикрепил к крыше своего автомобиля синее ведро и проехал с ним вокруг московского Кремля.

2-й этап (2006–2010 гг.). Федерация автовладельцев России начинает работу по привлечению внимания общественности к проблеме неравенства на дорогах. Проходят первые акции под общим названием «Общество синих ведерок», предпринимаются попытки привлечь к ответственности водителей автомобилей со спецсигналами, нарушивших ПДД. На данном этапе наблюдается рост числа сторонников борьбы за равенство. Важной особенностью данного этапа является то, что «синие ведерки» не являлись самостоятельным движением, а были одним из направлений деятельности Федерации автовладельцев России. К концу этапа между руководством ФАР и активистами «синих ведерок» назревает конфликт, который впоследствии приведет к отделению «синих ведерок» от ФАР и созданию самостоятельного движения.

3-й этап (февраль–апрель 2010 г.). Переломный момент в развитии движения. В феврале 2010 г. произошла авария с участием автомобиля вице-президента компании «Лукойл» А. Баркова, в результате которой погибли две женщины – известные в Москве врачи. По одной из версий автомобиль А. Баркова выехал на встречную полосу, грубо нарушив правила дорожного движения. Однако официальное расследование высказало точку зрения, согласно которой виновной в ДТП была водитель «Ситроена». Это вызвало волну возмущения среди активистов и известных людей Москвы. Информация о ДТП и о противоречиях в расследовании стала стремительно распространяться в СМИ и Интернете. Была проведена независимая экспертиза, которая подтвердила фальсификацию доказательств в ходе расследования и обосновала невиновность водителя «Ситроена».

Это событие стало толчком к самоорганизации граждан против неравенства на дорогах. В апреле 2010 г., через два месяца после аварии, официально было объявлено о создании «Общества синих ведерок». Тогда был создан сайт (<http://sineevedro.ru/>) и блог в ЖЖ (<http://ru-vederko.livejournal.com/>), которые с того момента и по настоящее время являются основными площадками, на которых рабо-

тает «Общество синих ведерок» и координирует деятельность своих активистов.

4-й этап (апрель 2010 – весна 2012 гг.). Характеризуется активной деятельностью по фиксации нарушений ПДД автомобилями со спецсигналами, ростом числа сторонников и активистов; проблема неравенства на дороге окончательно закрепляется в повестке дня федеральных СМИ.

5-й этап (весна 2012 г. – по настоящее время). Характеризуется попытками институционализации движения – регистрации общественной организации, расширение направлений деятельности движения (правозащитная деятельность).

Еще раз повторим, что движение «синих ведерок» зародилось в рамках Федерации автовладельцев России и до начала 2010 г. действовало в ее рамках. В результате конфликта между лидерами «синих ведерок» и руководством ФАР в 2010 г. движение отделилось от Федерации и стало действовать самостоятельно.

По мнению экспертов, какие-либо объективные причины конфликта отсутствовали – раскол был связан с субъективным обвинением в попытке захвата движения, которое было выдвинуто активистами «синих ведерок» руководству ФАР. Реальные противоречия имели место среди узкой группы лиц (5–10 активистами «синих ведерок») и руководства ФАР. Основная масса активистов как ФАР, так и «синих ведерок» не видела оснований для конфликта и продолжала сотрудничать друг с другом на различных акциях. Более того, как указывали эксперты, невозможно однозначно разделить активистов ФАР и активистов «синих ведерок». Большое количество автомобилистов участвуют в деятельности и федерации, и «синих ведерок». Это доказывает то, что отсутствовали объективные причины для отделения «Общества синих ведерок» от ФАР и конфликт имел субъективный характер, основанный на противоречиях в межличностном взаимодействии лидеров движения с руководством ФАР. Когда «синие ведерки» набирали популярность, среди лидеров движения и ФАР появились обвинения в «перетягивании одеяла». Необходимо отметить, что, по словам того же эксперта, зачастую это было связано с некорректной работой СМИ, которые при освещении акций ошибочно указывали их организатора, что вело к взаимным обидам со стороны лидеров «синих ведерок» и ФАР.

Опрошенные эксперты выделяли несколько фактов, которые можно рассматривать в качестве причин, повлиявших на принятие решения об отделении

«синих ведерок» от ФАР. Во-первых, деятельность ФАР не ограничивается борьбой «с мигалками» и включает в себя широкий спектр направлений деятельности. По словам одного из экспертов, «синие ведерки» прежде всего были ориентированы на яркие акции, на так называемый «полезный троллинг», выражающийся в организации и проведении массовых акций – флэш-мобов. Деятельность же ФАР предполагает постоянную работу по защите прав автовладельцев, выходящую за рамки организации автопробегов с синими ведрами на крыше автомобилей. Во-вторых, существенным фактором отделения «синих ведерок» стало участие руководителей ФАР в акциях протеста, вовлечение федерации в политическую деятельность, принципиальными противниками которой себя считают активисты «синих ведерок». «Общество синих ведерок» выступает принципиально против участия в политической деятельности, против поддержки каких-либо политических сил и партий, оно подчеркнуто аполитично.

Несмотря на все противоречия между лидерами движения и федерации, данные организации продолжают тесно сотрудничать в сфере защиты прав автомобилистов, организуют совместные акции, активисты участвуют в деятельности как «синих ведерок», так и ФАР. В отличие от руководства этих двух организаций, на уровне рядовых активистов раскол не произошел.

Важным результатом активности «Общества синих ведерок» стало привлечение внимания СМИ и общественности к проблеме неравенства на дорогах, хамства и грубого нарушения ПДД автомобилями высокопоставленных государственных служащих. Публичное давление общественности создало ситуацию, когда должностные лица стали бояться публичной огласки инцидентов на дорогах с участием их автомобилей. Это повлияло на поведение водителей государственных служащих на дорогах, которые сейчас если и нарушают ПДД, то стараются делать это крайне осторожно. Как отмечают эксперты, в настоящее время нередко можно встретить правительственные автомобили, двигающиеся в основном ряду с выключенными спецсигналами.

Наблюдается рост гражданского сознания и активности людей, которые пытаются не только фиксировать правонарушения на дорогах, но и препятствовать им. Как отметил один из экспертов, деятельность «Общества синих ведерок» и противодействие его активности способствует прививанию «классовой нетерпимости» по отношению к владельцам спецсигналов. Имеют место преце-

денты, когда водители автомобилей со спецсигналами привлекались к ответственности в результате проведения гражданской кампании по освещению инцидента в СМИ. Органы власти, Общественная палата России, ГИБДД стали привлекать общественность к участию в советах, рабочих группах и дискуссиях по проблемам защиты прав автовладельцев и улучшению ситуации с движением транспорта. Однако, несмотря на это, почти все эксперты ответили, что проблема, лежавшая в основе возникновения «Общества синих ведерок», не была решена и вряд ли будет решена в ближайшее время. Случаи нарушения ПДД машинами чиновников постоянно фиксируются активистами «синих ведерок» и выкладываются в Интернет.

«Общество синих ведерок» представляет собой очередной пример самоорганизации граждан с целью решения конкретной проблемы, которая затрагивает непосредственно каждого из активистов. Подчеркнутая аполитичность движения лишь подтверждает этот тезис. Проблема неравенства на дорогах актуальна в первую очередь для Москвы, и поэтому протестная активность локализована именно там. «Синие ведерки» – это также и очередной пример сетевых принципов организации гражданской активности, вовлекающей большое количество незнакомых и материально не заинтересованных граждан в решение одной, общей для всех проблемы.

Список использованной литературы

1. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У-Фактория, 2004.
2. Сморгун Л. В. Сетевой подход к политике и управлению // ПОЛИС: Политические исследования. 2001. № 3.
3. Курочкин А. В. Институционализация сетей в управлении российской системой образования // Политэкс. 2005. № 2.
4. Шерстобитов А. С. Коммуникативный подход к анализу политических сетей // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6: Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2010. № 1.
5. The American Heritage Dictionary of the English language. 3-d edition: Houghton Mifflin Company, 2000.
6. Олейник А. Модель сетевого капитализма // Альманах «Восток». 2004. Вып. 4 (16).
7. Клеман К., Мирясова О., Демидов А. От обывателей к активистам: Зарождающиеся социальные движения в современной России. М. : Три квадрата, 2010.

8. Соколов А. В. Особенности коммуникации в протестных кампаниях // Вестник Пермского университета. Серия Политология. 2012. № 3.
9. Соколов А. В. Протестная кампания в связи с убийством Е. Свиридова // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2012. № 2.
10. Соколов А. В. Протестная кампания против строительства скоростной Федеральной трассы «Москва – Санкт-Петербург» через Химкинский лес // Конфликтология. 2012. № 1.
11. Соколов А. В., Веревкин А. И. Протестные выступления в субъектах Российской Федерации: пример Калининградской области // Социология власти. 2012. № 2.
12. Соколов А. В., Кириллова Е. В. Интернет-составляющая проекта «За честные выборы» // Власть. 2012. № 11.
13. Соколов А. В., Соловьева А. В. Сетевые гражданские движения (на примере «Мусора. Больше. Нет.») // Там же. № 12.
14. Веревкин А. И., Соколов А. В. Протестные кампании в субъектах Российской Федерации: пример протестной кампании против строительства ОДЦ «Охта-центр» в Санкт-Петербурге // Политическая экспертиза: Политэкс. 2012. Т. 8, № 2.
15. Шипилов Е., Кондратьев Р. Путин перепутал десятки с сотнями. URL: http://www.gazeta.ru/auto/2012/05/19_a_4593917.shtml

УДК 347.61/.64

В статье рассматриваются вопросы реализации права ребенка на имя в контексте охраны его интересов.
Ключевые слова: ребенок; субъективное право; имя.

In the article questions of realization of the right of the child to his|her name in a context of protection of its interests are considered.

Key words: child; subjective right; name.

Н. Н. Тарусина

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: nant@univ.uniya.ac.ru

О праве ребенка на имя

Научная статья

N. N. Tarusina

P. G. Demidov Yaroslavl State University

E-mail: nant@univ.uniya.ac.ru

On the Right of the Child to His/Her Name

Scientific article

Право ребенка на имя (отчество и фамилию), как отмечал И. А. Покровский, «является обозначением личности, оно отличает человека от других и связывает с собой всю совокупность представлений о внешних и внутренних качествах его носителя» [1]. Разумеется, возможно полное совпадение у нескольких лиц всех трех элементов имени, но, как известно, дополнительно к ним действуют определенные юридические механизмы, фиксирующие, в частности, связь ребенка с матерью, отцом. Ребенок (а также взрослый человек) может иметь имя, данное ему (ей) при крещении, которое может не совпасть со светским, однако указанный вариант развертывания событий юридического значения не имеет.

«Принятый, – размышлял М. М. Агарков, – в современных культурных странах способ наименования развивался исторически, путем долгой бессознательной эволюции, и право должно отнестись к нему как к прочно укоренившейся в народной психологии привычке. В случае надобности оно имеет в своем распоряжении другие способы индивидуализирования. ... Социальное бытие личности достигается только путем обособления от других. ... Поэтому – то личное благо, выражением

которого служит имя – социальное обособление индивидуальности, является основанием, на котором покоится все то, что принято обозначать, как моральное достоинство человека» [2].

(Следует заметить, что, например, с русскими именами случился очевидный гендерный перекоп: в имени ребенка есть указание только на отца. Впрочем, этот перекоп характерен и для других культурологических групп.)

Российское законодательство, в том числе семейное, при официальном закреплении (регистрации) имени ребенка полностью полагается на родителей (в особых случаях – усыновителей, орган опеки и попечительства). Буквальное его толкование, подчеркивают О. Ю. Ильина и И. Г. Король, не дает права органу ЗАГС отказать родителям в присвоении имени по мотивам неблагозвучности, нецелесообразности и т. п. В этой связи авторы приводят яркий пример «непослушания» данного органа, отказавшего в соответствующей регистрации. В семье художника и реставратора родился мальчик, которому в течение полутора лет не было официально присвоено имя, – он отзывался на кличку «БОЧ», которую родители и полагали закрепить в официальном статусе, в чем им было Чертановским ЗАГС

© Тарусина Н. Н., 2013

отказано по мотивам ущемления права ребенка. Отец ребенка обратился сначала в районный суд, а затем и в Московский городской суд, которые последовательно не удовлетворили его заявление. В процесс были привлечены специалисты из Института русского языка РАН, которые признали избранное родителями имя БОЧРВФ260602 («Биологический объект человека рода Ворониных – Федоровых 26.06.2002 г. рождения») аббревиатурой. Судебные инстанции, конечно же, руководствовались интересами ребенка. Однако по смыслу норм ч. 2 и 4 ст. 58 определение имени – абсолютная и исключительная прерогатива родителей [3].

Как показывает практика, подобное нормативное решение следует смягчить, предусмотрев и в СК РФ, и в ФЗ «Об актах гражданского состояния» основания к отказу родителям (другим правомочным лицам) в официальном присвоении имени с учетом главного критерия – «соответствие интересам ребенка». В качестве примерного образца можно принять положение ст. 69 Кодекса о браке и семье Республики Беларусь: в исключительных случаях отказ в присвоении имени возможен, если это противоречит нормам общественной морали, национальным традициям. Предложения о том или ином варианте ограничения «фантазии» родителей¹ высказываются семейноведами [5], однако без результата.

По вопросу неудобного имени не вполне определенной является и позиция Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ). Так, например, в деле по жалобе родителей на отказ французских властей зарегистрировать имя их дочери как «Fleuv de Marie» Суд квалифицировал отказ как посягательство на частную сферу жизни, так как выбор родителями имени ребенка обусловлен личным и эмоциональным моментом. В то же время он не установил нарушения ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, обратив внимание, что дочь заявителей постоянно называли ее именем без приставки «де», что соответствовало и позиции указанных властей [6].

1 Т. В. Шершень, в ряду достаточно известных, приводит и более экзотические примеры. Так, в 20–40-е гг. встречались имена «Революция», «Тракторина», «Лапанальда» (Лагерь папанинцев на льдине) и т. п.; в 2007 г. органами ЗАГС Перми были зарегистрированы «Дантес» и «Принц Макарий», г. Королева – «Виагра» и т. д.; во Вьетнаме – «Оштрафованный на Шесть Тысяч Пятьсот» (именно такую сумму штрафа заплатил отец за рождение пятого ребенка – при демографическом ограничении до двух детей в семье) [4].

В этой же связи, например, О. Ю. Юрченко полагает целесообразным вернуться к практике прошлых лет: Минюстом РСФСР для органов ЗАГС был рекомендован справочник личных имен, разработанный еще в 1957 г. и неоднократно переиздававшийся. Автор также обращает внимание на практику Исландии, где существует официальный список разрешенных имен, составленный комитетом по наименованию; этот же комитет рассматривает иные предложения, например по иностранным именам – на предмет фактической и грамматической совместимости с исландским языком. Если российские родители, продолжает автор, пожелают выбрать для ребенка имя, не включенное в перечень, необходимо рассмотрение вопроса специальной комиссией с правом последующего обжалования в суд [7].

Не в полной мере отвечает указанному критерию и норма ч. 3 ст. 51 СК РФ. Её редакция, как справедливо замечает А. М. Нечаева, вроде бы подразумевает обязанность матери ребенка, рожденного вне брака (при отсутствии признанного или установленного отцовства), дать об имени и отчестве отца «указание», однако на практике данная конструкция иногда толкуется как право [8].

Несколько аморфно сформулированы правила ст. 59 СК РФ относительно права ребенка на защиту своих интересов в части изменения имени. Из смысла нормы ч. 1 ст. 59 следует, что родители правомочны ставить перед органами опеки и попечительства вопрос об изменении имени (фамилии) ребенка до достижения им возраста 14 лет. Однако что происходит дальше? Возникает аналогичное право ребенка?.. По смыслу ч. 1–3 ст. 58 ФЗ «Об актах гражданского состояния» с 14-летнего возраста у гражданина появляется право на перемену любого элемента имени, с согласия родителей, решением органа опеки и попечительства, а при отсутствии согласия – решением суда. В СК РФ, однако, это уточнение отсутствует, что нарушает системность нормы ст. 59. Кроме того, как продемонстрировано ранее, родители могут трактовать свои права относительно рассматриваемых средств индивидуализации ребенка весьма своеобразно. Да и не только имя, но и фамилия может быть неблагозвучной. В соответствии с нормой п. 2 ч. 2 ст. 56 ребенок, без ограничения возраста (то есть по факту осознания нарушения своих прав и/или законных интересов), вправе обратиться за защитой в орган опеки и попечительства. Однако последний не может инициировать (по просьбе ребенка) решение проблемы о его

имени (фамилии), хотя, как показывает административная практика, потребность в этом есть, например в случае особо неблагозвучной фамилии родителей². До 10 лет юридического основания, видимо, нет. Поскольку с 10-летнего возраста ребенку предоставлено право на активное выражение своего мнения (в виде согласия) по роду значимых семейно-правовых актов, возможно, целесообразно задуматься и о его праве ставить вопрос об изменении имени и/или фамилии перед органами опеки и попечительства, а последним – дать право его решать. Конечно, позиция спорная. С одной стороны, неблагозвучных фамилий немало, ребенок должен носить фамилию родителей (отца, матери) и приучаться противостоять насмешкам сверстников. С другой стороны, не высока ли цена этого «стоицизма», не сформируется ли в результате выраженный неврастеник?

Изменение отчества, хотя и подпадает под действие тех же правил ст. 59 СК РФ и ч. 1 ст. 58 ФЗ «Об актах гражданского состояния», имеет очевидную специфику: отчество присваивается по имени лица, зарегистрированного в качестве отца ребенка или фиктивного отца (ч. 3 ст. 51 СК РФ) с применением конструкции фикции.

В связи с проблемой изменения фамилии и отчества Ю. Ф. Беспалов предлагает нашему вниманию изложение позиции Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) в деле «Т. А. Алексеева и другие против Российской Федерации». Заявительница, бабушка-опекун трех несовершеннолетних девочек, родители которых были лишены родительских прав, получила отказ российских судов об изменении фамилии и отчества с тем, чтобы все дети именовались одинаково («Симбирцева» и «Александровна»). Автором дается подробный анализ оснований отказа и позиции ЕСПЧ [9]. Мы же ограничиваемся тремя констатациями. Во-первых, споры об имени и фамилии относятся к области применения ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, даже если она не содержит определенно выраженного предписания по данному вопросу; имя и фамилия

как средства идентификации личности и воссоединения семьи касаются частной и семейной жизни человека (в случае особого аспекта русских имен это распространяется и на отчество). Во-вторых, для принятия решения о принадлежности к биологическим или социальным родителям требуется достичь определенного уровня зрелости (в соответствии с национальным семейным кодексом – возраста 14 лет). В-третьих, трудности переноса изменений документов, удостоверяющих личность, на более поздний срок (то есть до достижения указанного возраста) являются относительно незначительными и обычными для тех, кто ходатайствует об изменениях в актах гражданского состояния, не относящихся к чрезмерным, и их недостаточно, чтобы в более раннем возрасте было предоставлено право изменить отчество.

Список использованной литературы

1. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М., 1998. С. 123.
2. Агарков М. М. Право на имя // Сборник статей по гражданскому и торговому праву: Памяти профессора Габриэля Феликсовича Шершеневича. М.: Статут, 2005. С. 143.
3. Ильина О. Ю. Интересы ребенка в семейном праве Российской Федерации. М.: Городец, 2006. С. 127–128; Король И. Г. Личные неимущественные права ребенка по семейному праву Российской Федерации. М.: Проспект, 2010. С. 125.
4. Шершень Т. В. Актуальные проблемы реализации права на имя и перемену имени // Российский юридический журнал. 2010. № 2. С. 65–71.
5. Ильина О. Ю. Указ. соч. С. 128; Король И. Г. Указ. соч. С. 125; Шершень Т. В. Указ. соч. С. 66–67.
6. Туманова Л. В., Владимирова И. А. Защита семейных прав в Конституционном Суде по правам человека. М.: Городец, 2007. С. 135.
7. Юрченко О. Ю. Реализация родителями права новорожденного на имя // Семейное и жилищное право. 2012. № 2. С. 24–25.
8. Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А. М. Нечаева. М.: Юрайт, 2009. С. 179.
9. Беспалов Ю. Ф. Семейно-правовое положение ребенка в Российской Федерации. М.: Проспект, 2013. С. 69–73.

² Практике известен случай, когда ребенок просил об изменении в фамилии хотя бы одной буквы, так как действующий вариант вызывал постоянные насмешки в школе. При этом родители не считали возможным внести изменения в свою фамилию.

В статье обозначены актуальные проблемы в сфере международного усыновления, рассмотрен вопрос о применимом праве, проанализированы российские коллизионные нормы, а также показано значение международных соглашений РФ, регулирующих вопросы международного усыновления.

Ключевые слова: международное усыновление; применимое право; международные соглашения.

The article notates issues in the field of international adoption. It considered the question of the applicable law, analyzes the Russian juridical norms for conflict resolutions and shows the importance of international agreements regulating international adoption signed by the Russian Federation.

Keywords: international adoption; applicable law; international agreements.

С. П. Казанков

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: sergeykazankov@mail.ru

О некоторых проблемах международного усыновления детей*

Научная статья

S. P. Kazankov

P. G. Demidov Yaroslavl State University

E-mail: sergeykazankov@mail.ru

On the Issues of International Adoption

Scientific article

В настоящее время тема международного усыновления (удочерения) (далее – международное усыновление) является очень актуальной, о чем свидетельствуют многочисленные публикации по этой проблеме [1]. Под международным понимается усыновление детей, являющихся гражданами одного государства, гражданами другого государства либо если акт усыновления имел место за границей.

Международное усыновление – достаточно распространённое явление в мировой практике. В массовом порядке граждане одних государств стали усыновлять детей из других государств после Второй мировой войны. Как отмечают исследователи, за последние 20 лет в мире число случаев международного усыновления существенно выросло [2]. Данные статистики свидетельствуют, что российских детей усыновляют граждане примерно 15 государств, среди которых лидируют США (37%), Испания (22%), Италия (16%), Франция (8%), ФРГ (5%). Причём если в начале рассматриваемого периода чаще усыновляли детей после граждан США граждане Испании, то к концу периода на второе место вышли итальянцы. Среди усынов-

лённых иностранцами российских детей в среднем 4,4% являются детьми-инвалидами, а среди граждан стран, которые усыновляют детей-инвалидов, лидируют США, Италия и Испания¹. Однако за период с 2007 по 2011 гг. наблюдается тенденция к снижению случаев усыновления – с 4536 в 2007 г. до 3400 в 2011 г.

Основным правовым актом, регулирующим усыновление, выступает Семейный кодекс Российской Федерации 1995 г. (далее – СК РФ). Общие правила определены ст. 124 Кодекса: усыновление (удочерение) – приоритетная форма устройства детей, оставшихся без попечения родителей. Усыновление возможно только в отношении несовершеннолетних и только в их интересах. Что касается международного усыновления, то СК РФ устанавливает следующий алгоритм: в первую очередь дети должны передаваться на воспитание в семьи граждан РФ, постоянно проживающих на территории РФ, либо родственникам детей независимо от их гражданства и места жительства;

¹ См.: Распределение усыновлений иностранными гражданами по странам // <http://www.usynovite.ru/statistics/2013/04/23>

* Работа выполнена при поддержке Минобрнауки РФ в рамках НИР ЗН-1054.

во вторую очередь дети передаются на воспитание российским гражданам, постоянно проживающим за пределами территории России, и только потом иностранным гражданам и лицам без гражданства, не являющимся родственниками усыновляемых детей. Таким образом, мы видим, что законодатель отдаёт приоритет усыновлению по двум признакам: по признаку родства и признаку территории проживания. Усыновление российских детей за границу лицами, которые не состоят с ними в родственных отношениях, возможно по истечении шести месяцев со дня поступления сведений о детях, нуждающихся в усыновлении, в федеральный банк данных о детях, оставшихся без попечения родителей.

Представляется важным вопрос о применимом праве при международном усыновлении. Вопрос о праве, подлежащем применению к усыновлению, встает в случаях, когда: 1) ребенок и усыновитель являются гражданами разных государств; 2) усыновление – при одинаковом гражданстве сторон – производится на территории другого государства [3]. Согласно п. 1 ст. 1186 Гражданского кодекса РФ, право, подлежащее применению к гражданско-правовым отношениям с участием иностранных граждан или иностранных юридических лиц либо гражданско-правовым отношениям, осложнённым иным иностранным элементом, в том числе в случаях, когда объект гражданских прав находится за границей, определяется на основании международных договоров Российской Федерации, настоящего Кодекса, других законов и обычаев, признаваемых в Российской Федерации. Данная норма рассматривается как общая при регулировании всех международных частноправовых вопросов, в том числе в сфере международного усыновления, а потому в первую очередь должны применяться нормы международных договоров Российской Федерации, сначала материальные, затем коллизионные. Что касается международно-правового регулирования, то у России имеется ряд договоров, касающихся усыновления, например, с Францией 2011 г. и Италией 2008 г. (договор с США денонсирован и прекратит действие с 1 января 2014 г.). Они предусматривают достаточно жёсткий контроль за жизнью усыновлённых российских детей за рубежом. В них, например, закреплены такие обязательства иностранных государств, как: ставить ребёнка на консульский учёт в российских консульских учреждениях, предоставлять в российские региональные органы

на регулярной основе отчёты об условиях жизни и воспитания усыновлённых детей, получать обязательное предварительное согласие российских компетентных органов на повторное усыновление ребёнка и т. д. Указанные договоры предусматривают правило о том, что усыновлённые дети сохраняют российское гражданство при приобретении ими гражданства иностранного государства, что позволяет эффективнее обеспечивать их защиту и покровительство.

Как заявил министр иностранных дел Российской Федерации С. Лавров, в настоящее время «у нас продолжаются переговоры о заключении соответствующих договоров еще с целым рядом стран. Наиболее продвинутой ситуацией на переговорах с Испанией. Состоялось несколько раундов переговоров с Израилем, Ирландией. Прорабатывается данный вопрос со Словенией, Новой Зеландией, Мальтой, Великобританией и Кипром»².

Национальные коллизионные нормы, позволяющие определить применимое право при международном усыновлении, содержатся в ст. 165 СК РФ, которая устанавливает несколько коллизионных правил. При усыновлении и отмене усыновления ребёнка – гражданина России – на территории РФ применяется закон гражданства усыновителя. Если же усыновитель является лицом без гражданства, то применяется закон domicilio. При этом должны соблюдаться императивные нормы Российской Федерации: положения ст. 124–126, 127 (кроме абз. 8 п. 1), 128, 129, 130 (кроме абз. 5), 131–133. Данные нормы применяются с учётом международного договора. По сути дела, при усыновлении должны соблюдаться почти все нормы СК РФ, регулирующие отношения в сфере усыновления. В связи с этим некоторые авторы делают вывод, что законодатель установил в целях защиты интересов российских детей приоритет норм именно российского права, а коллизионная привязка, закреплённая в абз. 1 п. 1 ст. 165 СК РФ, является не основным, а дополнительным критерием определения применимого права [4].

В случае когда на территории РФ осуществляется усыновление российских детей иностранцами или лицами без гражданства, состоящими в браке с гражданами РФ, такое усыновление будет произведено в соответствии с законодательством РФ, если иное не предусмотрено международным договором Российской Федерации.

² URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/D37C297BC026B93444257B36004436A4/2013/03/24

Семейный кодекс регулирует и обратную ситуацию – когда российские граждане усыновляют иностранного ребёнка на территории России. В этом случае применяться будет российское право как закон гражданства усыновителя, но при этом должны быть соблюдены и дополнительные требования – получение согласия законного представителя ребенка и компетентного органа государства, гражданином которого является ребенок, а также, если это требуется в соответствии с законодательством указанного государства, согласие ребенка на усыновление.

Возможно усыновление ребёнка – гражданина РФ, постоянно проживающего за пределами РФ, произведённое компетентным органом иностранного государства, гражданином которого является усыновитель. В этом случае акт усыновления признаётся действительным в Российской Федерации, если получено предварительное разрешение на усыновление от органа исполнительной власти субъекта РФ, на территории которого ребёнок или его родители (один из них) проживали до выезда за пределы территории России.

Семейный кодекс устанавливает гарантии защиты прав детей, в отношении которых совершена или может быть совершена процедура усыновления. Во-первых, в случае, если в результате усыновления могут быть нарушены права ребенка, установленные законодательством и международными договорами РФ, усыновление не может быть произведено независимо от гражданства усыновителя, а произведённое усыновление подлежит отмене в судебном порядке. Во-вторых, защита прав и законных интересов детей – граждан РФ, усыновлённых иностранными гражданами или лицами без гражданства за пределами территории РФ, осуществляется консульскими учреждениями РФ, в которых указанные дети состоят на учёте до достижения ими совершеннолетия, если иное не предусмотрено международным договором Российской Федерации. Во исполнение данного положения постановлением Правительства РФ № 275 от 29 марта 2000 г. были приняты Правила постановки на учёт консульскими учреждениями Российской Федерации детей, являющихся гражданами Российской Федерации и усыновлённых иностранными гражданами или лицами без гражданства. Международные договоры РФ, как было сказано выше, также предусматривают необходимость постановки на учёт усыновляемых иностранцами российских детей.

Таким образом, и российское национальное законодательство, и международные соглашения РФ позволяют защитить интересы усыновляемых российских детей. Однако имеется ряд нерешённых проблем. Например, не все усыновители ставят на консульский учёт усыновлённых в России детей; при усыновлении в США ребёнку почти всегда и сразу предоставляется американское гражданство, происходит смена имени, что создаёт трудности в отслеживании судьбы такого ребёнка консульским учреждением³; в федеративных государствах, например США, некоторые вопросы регулируются на уровне субъектов Федерации, что также необходимо учитывать как участникам процедуры усыновления, так и России в отношениях с такими государствами в сфере усыновления.

Учитывая, что возрастает число стран, где признаются однополые браки, становится более актуальной проблема усыновления российских детей гражданами этих стран. В конце апреля 2013 г. Президент РФ высказался о необходимости пересмотра Договора с Францией, где был принят закон о легализации однополых браков: «Мы с уважением относимся к нашим партнёрам, но просим с таким же уважением относиться и к нашим культурным традициям, к нашим этическим, законодательным, нравственным нормам. Считаю, что мы вправе вносить какие-то коррективы, изменения»⁴. Однако, как нам кажется, нужно осторожно подходить к этому вопросу. С одной стороны, имеются зарубежные исследования, доказывающие отсутствие влияния воспитания ребёнка в однополый семье на его самоидентификацию. С другой стороны, как справедливо отмечает Е. А. Исаева, имеются основания сомневаться в достоверности результатов таких исследований по причине наличия претензий к проведённой выборке, методологии исследования, обоснованности научных гипотез, положенных в основу исследований, а также по причине того, что большинство детей, воспитывающихся в однополых семьях, ещё не достигли совершеннолетия. Потому однозначные выводы делать пока рано [5].

Наконец, важно совершенствовать механизм обмена информацией и контроля соблюдения прав усыновлённых детей в целом в государстве проживания.

³ URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/D37C297BC026B93444257B36004436A4/2013/03/24.

⁴ URL: <http://www.iarex.ru/news/36145.html/> 2013/05/30

К сожалению, в России нет чёткого представления, нужно ли сохранять возможность усыновления российских детей за рубежом. Для решения этого вопроса должна быть выработана государственная стратегия в данной сфере. При этом мы видим, что проблемы возникают именно при усыновлении детей американскими гражданами. Для урегулирования этого вопроса в 2011 г. было заключено Соглашение между Российской Федерацией и Соединёнными Штатами Америки о сотрудничестве в области усыновления (удочерения) детей, которое вступило в силу 1 ноября 2012 г. (далее – Соглашение). Но его действие прекращено в соответствии с Федеральным законом № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации», так называемым «Законом Димы Яковлева». Данный закон не проникнут, на наш взгляд, заботой о детях. Об этом свидетельствует следующее: 1) он был принят спустя более чем четыре года после гибели Димы Яковлева в ответ на принятие в США «Акта Магнитского», 2) поражает скорость принятия данного закона: через семь дней после принятия Государственной Думой он уже подписывается Президентом и спустя ещё четыре дня вступает в силу... Полагаем, что международное усыновление – это не политический вопрос. Его необходимо решать путём совершенствования норм права и практики их применения.

Список использованной литературы

1. Абрамова С. А. Защита прав и интересов детей – граждан России при их усыновлении иностранными гражданами и лицами без гражданства по законодательству Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008; Лапшова Е. В. Особенности усыновления иностранцами детей – российских граждан // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 1; Михайлова А., Аносов М. Соглашение между Россией и США об усыновлении детей // ЭЖ-Юрист. 2012. № 33. С. 15; Тарасенкова А. Н. Ваш ребёнок и его права: закон и мораль. М.: Библиотечка «Российской газеты», 2012. Вып. 15 и др.
2. Макаева А. А. Двусторонние международные договоры как фактор обеспечения прав ребёнка // Журнал российского права. 2013. № 1. С. 117.
3. Марышева Н. И. Семейные отношения с участием иностранцев: правовое регулирование в России. М.: ВолтерсКлувер, 2007. С. 75.
4. Гришаев С. П. Семейные правоотношения с участием иностранных граждан // СПС «КонсультантПлюс». 2009.
5. Исаева Е. А. Однополые пары и дети: аспекты британского и американского законодательства // Социально-юридическая тетрадь (СЮрТе). Вып. 2: Ребёнок в пространстве права: сб. науч. тр. / под ред. Н. Н. Тарусиной. Ярославль: ЯрГУ, 2012. С. 146–147.

В статье рассматривается семья, которая является основным субъектом жилищной потребности и субъектом реализации права пользования конкретным жилым помещением, но вместе с тем традиционно не признается субъектом правоотношений. Автором предпринята попытка проанализировать отдельные элементы правосубъектности семьи и обосновать целесообразность наделения ее статусом субъекта жилищного права.

Ключевые слова: семья; члены семьи; молодая и многодетная семья; жилищные интересы семьи; правосубъектность.

The article considers the family as the subject of housing needs and the subject of realization of the right to use a concrete home accommodation. However the family traditionally is not acknowledged as a subject of legal relationship. The author has made an attempt to analyse separate elements of the subjectivity right of a family and to prove reasonability of assigning it a status of the subject of the housing right.

Key words: family; family members; young and large family; housing interests of a family; subjectivity right.

О. Г. Миролюбова

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: infidem@mail.ru

О правосубъектности семьи в жилищном праве*

Научная статья

O. G. Mirolyubova

P. G. Demidov Yaroslavl State University

E-mail: infidem@mail.ru

On the Family Subjectivity Right in the Housing Legislation

Scientific article

Семья – одна из ключевых категорий жилищного права. Социологи, как и многие праведы, считают совместное проживание лиц (как элемент общности жизни) существенным признаком семьи как малой социальной группы [1]. Жилищное законодательство нередко оперирует понятиями «семья», «член семьи», «совокупный доход семьи», «среднедушевой доход семьи» (например, в ст. 31, ст. 49, 51, 69–72, 76, 80–83, 85, 88–91, 126, 128, 131, 133, 159 ЖК РФ). А в нормативно-правовых актах различных уровней, регулирующих порядок предоставления субсидий на приобретение или строительство жилья молодым или многодетным семьям, понятие «семья» в принципе является базовым.

Вместе с тем российский законодатель не относит семью к субъектам правоотношений¹. Так, ГК РФ не причисляет семью как группу лиц к объединениям граждан (физических лиц), не наделяет ее статусом

¹ Примером иного законодательного решения служит Кодекс о браке и семье Республики Беларусь, который признает семью самостоятельным субъектом права (Кодекс о браке и семье Республики Беларусь от 08 июля 1999 г. № 278-3 // СПС Гарант).

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 12-03-00521-а.

реализуются законными представителями, и юридического лица, от имени которого действуют его органы. На наш взгляд, следует согласиться с авторами, которые полагают, что семья как коллектив (объединение) людей является полноценным участником общественных отношений и должна признаваться субъектом правоотношений, возникающих между семьей как единым целым и третьими лицами, в том числе государством. Сказанное тем более справедливо в отношении жилищно-правового статуса семьи, поскольку признак совместного проживания и ведения общего хозяйства является одним из существенных для определения общенаучного и легального понятия семьи. Поэтому именно в жилищных правоотношениях семья нередко может выступать как единое целое.

Например, нормой ч. 3 ст. 31 ЖК предусмотрена солидарная ответственность собственника и всех дееспособных и ограниченно дееспособных членов его семьи по обязательствам, вытекающим из пользования данным жилым помещением. Таким образом, любой из дееспособных или ограниченно дееспособных членов семьи собственника несет обязательства перед третьими лицами за всю семью, включая недееспособных и несовершеннолетних ее членов, в частности по оплате содержания и ремонта жилья, коммунальных услуг, по деликтным и иным обязательствам. Аналогичные правила содержатся в ч. 2 ст. 69 ЖК РФ для членов семьи нанимателя по договору социального найма. В соответствии со ст. 70, 72, 76, 80 ЖК РФ правом на вселение в жилое помещение новых членов семьи, поднанимателей, временных жильцов, на обмен жилого помещения наделяется наниматель, однако он не может осуществить свое право без согласия всех остальных членов своей семьи. Таким образом, в отношениях с вселяемыми им лицами наниматель действует от лица семьи как ее представитель.

При прекращении права собственности на жилое помещение право пользования им утрачивает вся семья бывшего собственника (п. 2 ст. 292 ГК РФ, ч. 5 ст. 31 ЖК РФ); при расторжении (прекращении) договора социального найма по основаниям, предусмотренным ст. 83 ЖК РФ, из жилого помещения выселяется вся семья нанимателя, а при прекращении членства в жилищном кооперативе в соответствии со ст. 133 ЖК РФ из жилого помещения также подлежит выселению вся семья бывшего члена кооператива. И хотя в случае возникновения судебного спора о выселении, взыскании задолженности по плате за содержание, ремонт жилья и коммунальные услуги, о взыскании возмещения вреда и др. все члены семьи привлекаются

к участию в деле как самостоятельные субъекты правоотношений, фактически мы можем наблюдать своеобразное единство (тождество) прав и обязанностей всех членов семьи по отношению к третьим лицам. Однако такого единства нет в спорах между членами семьи. Поэтому можно предположить, что в случае единства (тождества) прав и интересов членов семьи в отношениях с третьими лицами эти права и интересы принадлежат именно семье как группе (коллективному субъекту), а отдельные члены семьи их лишь представляют, осуществляют и защищают, т. е. восполняют отсутствие дееспособности семьи своими действиями.

При постановке на учет граждан в качестве нуждающихся в предоставлении жилого помещения по договору социального найма имущественное положение граждан, претендующих на предоставление им жилья, определяется с учетом дохода, приходящегося на каждого члена семьи, и стоимости имущества, находящегося в собственности членов семьи и подлежащего налогообложению. Критерий обеспеченности жильем также применяется к гражданам, претендующим на получение жилого помещения, с учетом существующих жилищных прав всех членов семьи. При предоставлении жилого помещения его общая площадь рассчитывается исходя из нормы предоставления на всех членов семьи, а также учитывается ее состав.

Во всех указанных случаях жилищные права отдельных граждан неотделимы от интересов их семьи, но семья как субъект права на предоставление жилого помещения в жилищном кодексе не фигурирует. Поэтому возможны ситуации, когда семья как группа лиц, связанных браком и родством, нуждается в предоставлении жилого помещения, но при этом каждый из ее членов сам по себе не может быть признан нуждающимся и поставлен на учет. Например, такая проблема возникнет в случае, если оба супруга проживают и зарегистрированы по месту жительства своих родителей и в каждом из этих жилых помещений на одного человека приходится общей площади более учетной нормы, но при этом родители каждого из супругов не дают согласия на вселение зятя (снохи) в свою квартиру.

В системе жилищного законодательства есть нормативно-правовые акты, в которых субъектом права на улучшение жилищных условий названа именно семья. К ним относятся, в частности, акты, регулирующие предоставление государственной поддержки молодым и многодетным семьям в форме субсидий на приобретение или строитель-

ство жилья². Государственная поддержка молодых семей в сфере жилищных отношений осуществляется в рамках подпрограммы «Обеспечение жильем молодых семей» Федеральной целевой программы «Жилище» на 2011–2015 гг. Заметим, отдельные граждане приобретают право на субсидию исключительно на основании членства в молодой семье, фактически их право производно от права семьи.

Вместе с тем при осуществлении права на получение социальной выплаты молодые семьи сталкиваются с рядом проблем. В первую очередь правила признания молодой семьи нуждающейся в жилом помещении отсылают к правилам ст. 51 ЖК РФ об основаниях признания граждан нуждающимися в жилых помещениях, предоставляемых по договорам социального найма. Молодая семья определяется в нормативных актах подпрограммы «Обеспечение жильем молодых семей» как семья, состоящая из молодых супругов (до 35 лет) без детей, молодых супругов, имеющих ребенка или детей, или одинокого молодого родителя с ребенком (детьми). Однако при постановке на учет уровень обеспеченности жилым помещением определяется не исходя из наличия или отсутствия жилья именно у молодой семьи, а исходя из количества квадратных метров на каждого из супругов совместно с членами их семей. Например, если каждый из молодых супругов зарегистрирован в жилом помещении своих родителей, то в соответствии со ст. 51 ЖК РФ он считается членом их семьи и может быть признан нуждающимся в жилом помещении только при условии, если обеспеченность жильем составляет менее учетной нормы на одного человека. В то же время жилые помещения родителей каждого из супругов могут быть недостаточными по размеру, количеству комнат и другим условиям для проживания в них сразу двух семей. При таких обстоятельствах у молодой семьи мало шансов приобрести свое жилье и действительно создать семью.

² Постановление Правительства РФ от 17.12.2010 № 1050 «О федеральной целевой программе "Жилище" на 2011–2015 гг.»; Постановление Правительства Ярославской области от 26.01.2011 № 9-п «Об утверждении региональной программы "Стимулирование развития жилищного строительства на территории Ярославской области на 2011–2015 годы"»; Постановление Правительства Ярославской области от 17.03.2011 № 171-п «Об утверждении Положения о порядке предоставления молодым семьям социальных выплат на приобретение (строительство) жилья»; Постановление мэра г. Ярославля от 26.04.2011 № 1073 «О долгосрочной целевой программе "Обеспечение жильем молодых семей"».

Так, одним из районных судов г. Магнитогорска было признано законным исключение семьи Т., состоящей из супругов и двоих детей, из программы «Молодая семья». Каждый из молодых супругов вместе с одним ребенком был зарегистрирован по месту жительства своих родителей (а также других родственников), хотя фактически после регистрации брака муж переехал жить к жене (также проживающей с родителями) и перестал быть членом семьи своих родителей. Суд определил обеспеченность жильем каждого из членов молодой семьи с учетом площади жилых помещений, в которых они зарегистрированы, и отклонил довод супругов о том, что после вступления в брак и рождения детей они фактически прекратили членство в семье своих родителей [4].

Таким образом, признавая именно семью субъектом жилищной потребности и права на получение жилищной субсидии в рамках подпрограммы «Обеспечение жильем молодых семей», законодатель не предусматривает специального механизма реализации этого права, а использует тот, который рассчитан на осуществление права постановки на учет отдельным гражданином. Полагаем, что первым шагом на пути решения проблемы было бы признание семьи субъектом правоотношений.

Список использованной литературы

1. Социология / под ред. В. Н. Лавриненко. М., 1998. С. 214; Яковлев А. М. Социальная структура общества и право. М.: Норма, 2009. С. 196; Кравченко А. И. Социология. М.: Проспект, 2005. С. 275.
2. Данилин В. И. Реализация и охрана брачно-семейных прав. Уфа, 1989. С. 16; Нечаева А. М. Семья как самостоятельный объект правовой охраны // Государство и право. 1996. № 12. С. 104; Гражданское право / под ред. А. П. Сергеева. Т. 3. М., 2009. С. 371.
3. Королев Ю. А. Семья как субъект права // Журнал российского права. 2000. № 10. С. 62–63; Тарусина Н. Н. Семья – топ-менеджер общественной жизни или юридическое ничто? // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2012. № 3 (21). С. 73–76; Ее же. Российский семейный закон: между конструктивностью и неопределенностью: монография. Ярославль: ЯрГУ, 2012. С. 120–125; Романовская О. В. «Семейные» объединения граждан в российском праве // Правоведение. 2009. № 5. С. 125–126; Иванов В. И., Харитонов Ю. С. О субъектах права по законодательству России // Гражданское право. 2012. № 3. С. 27–33.
4. URL: <http://magprav.chel.sudrf.ru> (дата обращения 10.05.2012).

УДК 349.2

В статье проанализированы формы дискриминации, запрещенные законодательством Великобритании: прямая дискриминация, дискриминация по ассоциации, дискриминация по восприятию, косвенная дискриминация.

Ключевые слова: прямая дискриминация; дискриминация по ассоциации; дискриминация по восприятию; косвенная дискриминация.

The article analyzes the forms of discrimination prohibited by the laws of the United Kingdom: direct discrimination, discrimination by association, discrimination based on perception, indirect discrimination.

Key words: direct discrimination; discrimination by association; discrimination based on perception; indirect discrimination.

Е. А. Исаева

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: Elenia2000@mail.ru

Запрещенные формы дискриминации в трудовом праве Великобритании*

Научная статья

Е. А. Isaeva

P. G. Demidov Yaroslavl State University

E-mail: Elenia2000@mail.ru

Prohibited Forms of Employment Discrimination in Great Britain

Scientific article

Проблема предотвращения дискриминации в трудовых отношениях в различных ее аспектах является на сегодняшний день одной из актуальных в науке трудового права не только России, но и многих зарубежных стран.

Острота темы исследования обусловлена в первую очередь следующими причинами: отсутствием нормативно закрепленного определения понятия дискриминации в Российской Федерации, недостаточной разработанностью, несовершенством нормативных правовых актов России, закрепляющих запрет дискриминации в трудовых отношениях, отсутствием специализированных органов по рассмотрению и разрешению именно данной категории дел, незначительным объемом судебной практики, рядом других причин. Все это актуализирует изучение зарубежного опыта.

Попытка его адаптации к российской действительности при решении проблемы дискриминации в трудовых отношениях, на наш взгляд, является необходимой. Международные нормы и стандарты, а также зарубежный опыт помогли бы наметить российскому законодателю вектор создания и развития антидискриминационного законодательства в нашей стране.

В отечественной науке трудового права до сих пор остаются неразработанными такие аспекты, как понятие, формы, виды и основания дискриминации в трудовых отношениях, механизмы доказывания факта дискриминации в суде и др.

В настоящей статье мы обратимся к опыту Великобритании, проанализируем формы дискриминации, запрещенные зарубежным законодателем. С 1 октября 2010 г. в Великобритании вступило в силу большинство положений Акта о равноправии, ознаменовав тем самым начало новой эпохи антидискриминационного законодательства [1]. Данный закон заменил практически все специальные нормативные акты, направленные на искоренение дискриминации в британском обществе [2].

Достойным уважением аспектом политики Великобритании в сфере применения антидискриминационного законодательства является разъяснение положений Акта о равенстве 2010 г. для правоприменителей, в частности для судов, трибуналов, которые, по мнению британского законодателя, должны на примерах четко понимать, был ли совершен акт дискриминации в отношении работника, входит ли данный субъект в «защищенную группу». Разъясне-

* Работа выполнена при поддержке Минобрнауки РФ в рамках НИР ЗН-1054.

ния норм Акта, распространяющихся на трудовые отношения, даны в Кодексе практики в сфере труда, который обрел силу закона 11 апреля 2011 г. [3].

Акт о равноправии 2010 г. в Великобритании выделяет и запрещает прямую, комбинированную и косвенную дискриминацию.

Под **прямой дискриминацией** исходя из положений раздела 13 второй главы Акта [4] понимается ситуация, когда гражданин А дискриминирует гражданина В на основании запрещенного законом признака; гражданин А обращается с гражданином В хуже, чем он обращается или будет обращаться с другими лицами. Кодекс практики Великобритании по применению Акта о равенстве 2010 г. разъясняет в пункте 3.4 термин «обращается хуже, чем с другими», указывая, что сравнение должно производиться при обращении с лицом, находящимся в такой же ситуации. Кодекс иллюстрирует это на примере найма персонала: если при трудоустройстве наиболее квалифицированная претендентка, указав на наличие однополого сексуального партнера, получила отказ, а на должность была принята менее квалифицированная, имеющая гетеросексуальные отношения, то это с очевидностью является ситуацией прямой дискриминации [5].

Кодекс выделяет **прямую дискриминацию по ассоциации** лица с кем-то, кто попадает в защищенную категорию. То есть само дискриминируемое лицо не является инвалидом, лицом нетрадиционной сексуальной ориентации и т. д. Дискриминация по ассоциации не относится к таким основаниям, как брак или гражданское партнерство, беременность и материнство. В случае дискриминации по ассоциации с лицами, включенными в перечисленные защищенные категории, возможна защита от дискриминации по половому признаку. Дискриминация по ассоциации может иметь множество проявлений. К примеру, отец, воспитывающий ребенка-инвалида, часто отпрашивается с работы для ухода за ним, отлучается с рабочего места для походов с ребенком к врачу. В итоге работодатель увольняет данного работника. Факт увольнения демонстрирует прямую дискриминацию по запрещенному основанию инвалидности, по причине ассоциации работника с его ребенком-инвалидом. В качестве второго примера для данного вида дискриминации Кодекс практики в пункте 3.19 содержит положение о том, что если работодатель начинает относиться хуже к женщине традиционной сексуальной ориентации, которую он видел в компании лица нетрадиционной сексуальной ориентации,

то это также прямая дискриминация по признаку сексуальной ориентации по ассоциации [6].

Дискриминация по восприятию – это разновидность прямой дискриминации, которая основана на том, что работодатель ошибочно относит лицо к защищенной законом категории. Указанное основание неприменимо к дискриминации по признаку материнства, беременности, замужеству или гражданскому партнерству. Данный вид прямой дискриминации может проявиться, к примеру, в случае, когда работодатель отвергает анкету претендентки на должность по причине того, что ее фамилия является созвучной с распространенными фамилиями афроамериканцев. Работодатель, ошибочно полагая, что имеет дело с афроамериканкой, не рассматривает ее анкету, совершая акт прямой дискриминации по расовому признаку. Аналогично квалифицируется ситуация, когда при собеседовании работодатель, заподозрив, что женщина на самом деле транссексуал, откажет ей, несмотря на высокий балл. Это является прямой дискриминацией по признаку смены пола.

Косвенная дискриминация предполагает, что работодатель применяет формально нейтральное условие, критерий или практику, которые ставят представителей защищенной категории в явно неудобное положение. Действия работодателя можно считать дискриминационными, если соблюдены 4 положения [7]:

- работодатель применяет или применил бы условие, критерий или практику одинаково ко всем работникам в пределах соответствующей группы, включая работника, входящего в защищенную группу;
- условие, критерий или практика ставят или поставили бы людей, входящих в защищенную группу, в невыгодное положение по сравнению с другими работниками;
- условие, критерий или практика поставили или поставили бы работника в затруднительное положение;
- работодатель не может доказать, что условие, критерий или практика – пропорциональное средство, направленное на достижение законной цели.

Российский подход, в отличие от британского, заключается в том, что судам на откуп отдано определение факта отсутствия или наличия дискриминации в трудовых отношениях при рассмотрении конкретного дела. Нечеткость определения дискриминации в трудовом законодательстве Российской Федерации приводит к невозможности дать опре-

деление разнообразным формам дискриминации, существующим на практике. При этом попыток законодателя или специально уполномоченного государственного органа разъяснить судам, какой смысл вкладывался в то или иное основание или форму дискриминации и когда факт дискриминации действительно имеет место, к сожалению, в России не предпринято.

Список использованной литературы

1. Goldman A. L., Corrada R. L. Labour law in the USA. Netherlands. Wolters Kluwer, 2011. P. 184.

2. Исаева Е. А. Антидискриминационное законодательство: этапы становления и современные тен-

денции развития (сравнительный аспект) // Вестник Ярославского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. 2012. № 1 (19). С. 82–85.

3. Исаева Е. А. Проблема защиты от дискриминации в трудовых отношениях: позитивный опыт Великобритании // Историческая и социально образовательная мысль. 2012. № 3. С. 266–269.

4. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2010/15/section/13>

5. URL: <http://www.official-documents.gov.uk/document/other/9780108509735/9780108509735.pdf>

6. Ibid.

7. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2010/15/section/19>

В статье анализируются сформировавшиеся в научной литературе взгляды ученых на структуру правового статуса.
Ключевые слова: правовой статус; правовое положение; правосубъектность; права; обязанности.

The article analyzes views of scientists displayed in scientific works on the structure of legal status.
Key words: legal status; legal position; subjectivity right; rights, duties.

О. И. Сочнева

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: sochneva76@rambler.ru

Дискуссионные проблемы структуры правового статуса

(общетеоретический аспект)*

Научная статья

О. I. Sochneva

P. G. Demidov Yaroslavl State University

E-mail: sochneva76@rambler.ru

Debatable Problems of Legal Status Structure

(general theoretical aspect)

Scientific article

Категория «правовой статус» является относительно новой в юридической науке. Только с 70-80-х гг. прошлого века она начала использоваться в качестве базовой характеристики субъекта права и стала предметом общетеоретического и конкретноотраслевого научного интереса в работах таких ученых как С. С. Алексеев, Н. В. Витрук, Е. А. Лукашова, Н. В. Малеин, Г. В. Мальцев, Р. О. Мананкова, Н. И. Матузов, В. С. Нерсесянц, В. А. Патюлин и других. В настоящее время отдельные аспекты правового статуса человека и его проявлений в различных сферах правовой действительности продолжают оставаться одними из дискуссионных в юридической науке.

Наряду с неоднозначным применением понятия «правовой статус» в нормотворческой практике¹,

¹ Анализ действующего законодательства позволяет говорить о достаточно широком употреблении термина «правовой статус» в наименовании правовых актов. См., например: Закон РФ «О статусе столицы Российской Федерации» № 4802-1 от 15.04.1993 г. // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1993. № 19, ст. 683; Письмо ФТС РФ от 10.07.2006 г. № 01-06/24200 «О статусе иностранных денежных знаков» // Таможенный вестник. 2006. № 15, авг;

отсутствием среди ученых единодушия относительно терминологической определенности (о разграничении / отождествлении правового статуса и правового положения), о соотношении статусов правового и социального, спорным является вопрос о «наборе» структурных элементов, которые образуют содержание правового статуса.

Единственным общим моментом высказанных по этому поводу мнений является признание прав и обязанностей «ядром» правового статуса. В остальном же предложенные трактовки отличаются значительным разнообразием. Ряд авторов (Н. Г. Александров, Е. А. Лукашова, В. С. Нерсесянц) рассматривают правовой статус исключительно как совокупность общих (конституционных) прав и обязанностей гражданина, а также

Постановление объединенной администрации г. Рыбинска и Рыбинского района от 23.01.1995 № 70 «О придании строящемуся дому по ул. Кирова статуса "Специального дома для ветеранов войны"» (с изм. и доп. от 05.03.2010) // Рыбинские известия. 2010. № 16; Письмо Минфина РФ от 24.02.2010 г. № 03-04-05/10-67 «По вопросу статуса письменных разъяснений Минфина РФ» // Еженедельник бухгалтера. 2010. № 9.

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ №12-03-00521-а.

свобод личности (Я. С. Михалёк [1]), определяющих содержание правосубъектности [2]. С. С. Алексеев, В. В. Долинская, И. А. Михайлова относят к содержанию правового статуса правосубъектность [3]. Некоторые авторы, напротив, рассматривают правовой статус в качестве элемента правосубъектности [4]. Исследуя гражданско-правовой статус физических лиц, Ш. Х. Заман видит его содержание в правах и обязанностях, считая при этом, что в системе элементов, необходимых для его раскрытия, следует указывать гражданство, правоспособность, дееспособность, имя гражданина, место жительства индивида [5]. Рассматривая правовой статус в качестве элемента правового положения, В. В. Груздев в его содержание включает права, свободы и обязанности, а к элементам правового положения, в свою очередь, относит также и правовое состояние как «естественное и нормативное свойство человека, которое является условием существования прав, свобод и обязанностей» [6]. А. Б. Венгеров характеризует правовой статус как «совокупность прав, обязанностей и ответственности» [7].

По мнению Н. В. Витрука, в состав правового статуса входят права и свободы, законные интересы и обязанности личности. При этом права, свободы и обязанности являются основными структурными элементами, а законные интересы дополнительными. Кроме того, автор полагает необходимым различать в структуре правового положения личности, наряду с правовым статусом, предстатусные (правосубъектность, гражданство) и послестатусные (юридические гарантии) его элементы [8]. Разделяя взгляды Н. В. Витрука, В. И. Абрамов (напомним, что оба автора являются сторонниками разграничения категорий «правовой статус» и «правовое положение») предлагает сложную теоретическую конструкцию: в правовом положении личности он выделяет 1) предстатусные элементы (правовые принципы, гражданство, общую правоспособность, законные интересы); 2) правовой статус (права и обязанности); 3) послестатусные элементы (систему гарантий, юридическую ответственность) [9].

Понимая под правовым статусом все виды правовых связей, Р. О. Халфина к его элементам относит: 1) социальные блага (неприкосновенность личности, жилища, тайну переписки, свободу слова, печати, собраний, другие конституционные права и свободы граждан); 2) права и обязанности в реальных правоотношениях; 3) правосубъектность [10].

По мнению Н. И. Матузова, в качестве структурных элементов правового статуса следует выделять: 1) соответствующие правовые нормы; 2) правосубъектность; 3) общие для всех субъектов права, свободы и обязанности; 4) законные интересы; 5) гражданство; 6) юридическую ответственность; 7) правовые принципы; 8) правоотношения общего (статусного) характера [11]. Встречаются и более пространные определения. Так, например, Б. Б. Тишаев в исследованиях экономико-правового статуса индивида рассматривает правовое положение как комплексную категорию, которая включает в себя правовой статус, а также взаимодействия лица, характеризующие его расположение в механизме правового регулирования. При этом к элементам экономико-правового статуса автор относит права, свободы, обязанности, юридические гарантии, материально-правовые и процессуально-правовые ограничения, а в широком его понимании – объем правосубъектности, гражданство, статус в узком смысле, субъективные экономические права и обязанности, правоотношения в сфере экономики [12].

Как видим, в вопросе о структуре правового статуса мнений ровно столько, сколько ученых, их высказывающих. В целом сформировано три основных концепции: 1) отождествление правосубъектности и правового статуса, 2) взгляд на правосубъектность как на элемент правового статуса и 3) трактовка правового статуса как составной части правосубъектности.

На первый взгляд может показаться, что вопрос о структуре правового статуса – вопрос сугубо формального свойства, однако он имеет принципиальное значение. Согласно законам диалектики любое определяемое понятие находится в постоянном развитии, при этом оно должно точно отображать определяемое им явление. В этом смысле прав Н. И. Матузов, полагая, что правовой статус гражданина «не может быть чем-то навсегда данным, неизменным, он развивается и укрепляется вместе с развитием общества и государства» [13]. Вместе с тем нельзя согласиться с автором в том, что с изменением предмета должно изменяться и само понятие [14]. Вопрос о структуре правового статуса, на наш взгляд, – это вопрос об адекватном отражении данным понятием реальной правовой действительности, поэтому его дефиниция должна обладать такой степенью общности и постоянства в составе своих структурных элементов, чтобы ее можно было как модель одинаково использовать для

характеристики любого правового статуса с учетом конкретно-исторических условий и индивидуальных особенностей личности. Как справедливо отмечено В. Н. Карташовым, дефиниции должны позволять отличать «одни явления и процессы правовой системы общества от других, устанавливая связи между ними, отношения эквивалентности, соподчиненности (иерархичности)» [15].

В этой связи полагаем, что включение в правовой статус таких феноменов, как правовые нормы, принципы, гарантии реализации прав и гражданство, безусловно, характеризуют правовой статус гражданина, однако по отношению к правовому статусу они являются не элементами, а предпосылками его формирования. Следует согласиться и с мнением Н. С. Братуся о недопустимости включения в структуру правового статуса таких разнопорядковых явлений, как субъективные права и обязанности, правовые отношения и юридическая ответственность [16]. Правовой статус как относительно общая категория должен включать в себя только права и обязанности, закрепленные в законе, т. е. права и обязанности в объективном смысле. В то время как объем субъективных прав, обязанностей (в том числе, и ответственности²) у разных лиц различен. В приобретении и осуществлении субъективных прав и обязанностей (в том числе, и юридической ответственности) через юридические факты происходит реализация правосубъектности в конкретных правоотношениях.

В свете сказанного для последующей характеристики правового статуса в его отраслевой интерпретации полагаем возможным очертить его содержание правами и обязанностями (в объективном смысле) и правосубъектностью.

Список использованной литературы

1. Нерсисянц В. С. Проблемы общей теории права и государства. М., 2006. С. 225–227; Теория государства и права: учебник / под ред. А. И. Денисова. М., 1980. С. 326.

² В этом смысле мы придерживаемся классических представлений о природе юридической ответственности как о разновидности юридической обязанности.

2. Лукашова Е. А. Права человека. М., 2010. С. 98; Теория государства и права. М., 1974. С. 587.

3. Алексеев С. С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. М., 1999. С. 70; Долинская В. В. Правовой статус и правосубъектность // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 2; Михайлова И. А. Соотношение гражданской правосубъектности со смежными правовыми категориями // Гражданское право. 2008. № 1.

4. Нерсисянц В. С. Указ. соч. С. 373.

5. Заман Ш. Х. Гражданско-правовой статус физических лиц в Германии, Италии, Франции и России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 15.

6. Груздев В. В. Теория правового состояния личности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Новгород, 2012. С. 14.

7. Венгеров А. Б. Теория государства и права: учебник для юридических вузов. 3-е изд. М., 2000. С. 503.

8. Витрук Н. В. Общая теория правового положения личности. М., 2008. С. 100, 224, 229–254.

9. Абрамов В. И. Правовой статус ребенка // Современное право. 2005. № 9.

10. Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении. М., 1974. С. 123–128.

11. Матузов Н. И. Правовая система и личность. Саратов, 1987. С. 59.

12. Тишаев Б. Б. Основные подходы к классификации экономико-правового статуса индивида // История государства и права. 2008. № 18; Его же. Экономико-правовой статус личности: структурно-содержательный анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань. 2011. С. 9–10.

13. Матузов Н. И. Указ. соч. С. 60.

14. Там же.

15. Карташов В. Н. Юридические дефиниции: некоторые методологические подходы, виды и функции // Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические и практические проблемы: материалы международного «круглого стола» (Черновцы, 21–23 сент. 2006 г.) / под ред. В. М. Баранова, П. С. Пацуркивского, Г. О. Матюшкина. Новгород, 2007. С. 585.

16. Братусь С. Н. Юридическая ответственность и законность (очерк теории). М., 1976. С. 114–115.

УДК 349.3

В статье рассматриваются вопросы реформирования системы обязательного пенсионного страхования России.
Ключевые слова: формула расчета; трудовая пенсия по старости; страховой стаж.

The article covers issues of reforming the system of mandatory pension insurance in Russia.
Key words: formula for calculating; labor retirement pension; insurance experience.

Н. В. Рощенко

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: nvr@mail.ru

Права граждан в распределительной составляющей пенсионной системы России: новации и проблемы

Научная статья

N. V. Roshepko

P. G. Demidov Yaroslavl State University

E-mail: nvr@mail.ru

Rights of Citizens Regarding Distributing Component of the Russian Pension System: Novations and Problems

Scientific article

В настоящее время продолжается поиск модели национальной системы пенсионного страхования, отвечающей интересам общества и социально-экономическому положению государства. Подтверждение тому – Стратегия долгосрочного развития пенсионной системы Российской Федерации (далее – Стратегия)¹. Реформа пенсионного обеспечения, начавшаяся с 90-х гг. XX в., предусматривала прежде всего совершенствование государственной пенсионной системы с учетом развития новых форм обеспечения – корпоративного и добровольного пенсионного страхования. В этой связи обоснованно говорить о преемственности формирования современной пенсионной системы. Однако состояние последней на сегодняшний день свидетельствует о крайней непоследовательности проводимых реформ, которые зачастую были обусловлены изменчивой социально-экономической обстановкой в стране [1]. Попытка приспособить изжившую себя систему государственного пенсионного обеспечения к новым реалиям не дала результатов. В итоге многие из проблем пенсионной системы России сохранили свою актуальность.

¹ Распоряжение Правительства РФ от 25.12.2012 г. № 2524-р // Справочная правовая система «Консультант-Плюс».

© Рощенко Н. В., 2013

Сказанное касается дефицита бюджета Пенсионного фонда РФ, преодоление которого Правительство видело в обеспечении более позднего выхода на пенсию застрахованных лиц. С этой целью Стратегия предусматривает увеличение продолжительности и в целом изменение роли страхового стажа. В рамках «совершенствования формирования пенсионных прав граждан в распределительной составляющей пенсионной системы»² планируется изменить формулу расчета трудовой пенсии по старости. Применяемая сейчас эквивалентная формула исключает возможность корректировки объема пенсионных обязательств в зависимости от демографической нагрузки, состояния бюджета фонда, допуская лишь «отсрочку» их исполнения в связи с выходом на пенсию в более позднем возрасте. В ходе реализации Стратегии предлагается решить обозначенную проблему путем введения механизма, при котором обязательства пенсионной системы должны балансироваться с ее текущими доходами. Роль этого механизма призваны выполнять коэффициенты макроэкономической и демографической нагрузки, которые станут одним из элементов новой пенсионной формулы. Формула должна предусматривать и определение

² Там же.

размера пенсии в зависимости от отношения имеющегося у лица страхового стажа к нормативной его продолжительности (35 лет), а также учитывать размер заработка в течение трудовой жизни. При этом минимальный страховой стаж наряду с возрастом останутся в качестве условий возникновения права на трудовую пенсию по старости. В числе новелл – отказ от перерасчета пенсии работающих пенсионеров. Применительно к лицам, вышедшим на пенсию при страховом стаже менее нормативной продолжительности и не имеющим соответственно «полных» пенсионных прав, это означает, что даже последующая трудовая деятельность не позволит им приобрести эти права. Только отказавшись от получения пенсии и продолжая работать с целью доведения страхового стажа до нормативного, гражданин может рассчитывать на назначение пенсии с коэффициентом замещения утраченного заработка до 40%. Согласно Стратегии новый механизм – это эффективный стимул к выходу на пенсию в более позднем возрасте.

Повышение минимального страхового стажа, соответствующая дифференциация размера пенсий являются мерами необходимыми. Установленный в настоящее время страховой стаж в 5 лет не стимулирует к активной трудовой деятельности, ведет к перераспределению средств пенсионного страхования в пользу лиц, внесших минимальный вклад в систему [2]. Однако в то же время кардинальное изменение пенсионной формулы, введение нормативной продолжительности страхового стажа в 35 лет представляются мерами достаточно резкими, требуется переходный период, позволяющий гражданам адаптироваться к изменению условий и норм назначения пенсий. Кроме того, данные новеллы могут быть распространены только на лиц, чьи пенсионные права находятся на стадии формирования. Иное противоречит принципу поддержания доверия граждан к закону и действиям государства, предполагающему сохранение разумной стабильности правового регулирования³.

Хотелось бы отметить, что именно отсутствием «разумной стабильности правового регулирования»⁴ и отличается действующая система социального страхования. Если говорить о предлагаемом изменении пенсионной формулы, то это будет уже третья формула за последние тридцать лет. Более того, за основу ее разработки взята формула, существ-

вовавшая до 2002 г. и основанная на учете стажа работы, среднемесячного заработка застрахованного лица. Ввиду необходимости преодоления уравнивательных тенденций в пенсионном обеспечении ее применение было признано неэффективным. Пришедшая на смену эквивалентная формула также не дала ожидаемых результатов в части вывода заработной платы из «тени», поскольку сам механизм финансирования социального страхования вплоть до 2010 г. носил налоговый характер.

Стратегия предполагает частично вернуться к традициям пенсионного страхования и восстановить значение размера среднего заработка [3]. Но будет ли при этом изложенный механизм выполнять стимулирующую функцию, которая ему отводится? Это возможно лишь при достаточно серьезной дифференциации пенсии лиц, не имеющих страхового стажа, равного нормативной продолжительности, и лиц, принявших решение работать после достижения пенсионного возраста. В отношении последних Стратегия предусматривает возможность установления трудовой пенсии в более высоком размере за счет льготного порядка перерасчета пенсионных прав. Но в любом случае в рамках системы обязательного пенсионного страхования будет обеспечиваться коэффициент замещения до 40 % при нормативном страховом стаже и средней заработной плате. В этой связи предлагаемые стимулы длительной трудовой деятельности весьма сомнительны, особенно если вспомнить, что одним из элементов новой формулы должны стать коэффициенты нагрузки на пенсионную систему. Последние будут ежегодно пересматриваться с учетом возможностей бюджета Пенсионного фонда РФ.

Обусловленность не только права, но и размера трудовой пенсии по старости страховым стажем усугубляет и проблему эффективности контроля за уплатой взносов на обязательное социальное страхование. Как известно, сами застрахованные лица не вовлечены в систему правоотношений по формированию средств внебюджетных фондов, а потому не располагают возможностями контролировать надлежащее исполнение работодателем обязанности по уплате страховых платежей. Данная проблема была затронута и Конституционным Судом РФ⁵, однако гарантии обеспечения пенсионных прав на случай неуплаты (не полной уплаты) страхователем взносов до настоящего времени законом не установлены. Все это фактически обес-

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 24.05.2001 г. № 8-П // Собрание законодательства РФ. 2001. № 22, ст. 2276.

⁴ Там же.

⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 10.07.2007 № 9-П // Российская газета. 13.07.2007. № 150.

ценивает конституционное право граждан на пенсионное обеспечение, поскольку включение тех или иных периодов работы в страховой стаж, а значит, и размер трудовой пенсии всецело будет зависеть от добросовестности работодателя. Извещения Пенсионного фонда РФ данную проблему не решают, они содержат только информацию о сумме фактически поступивших по итогам года взносов. Необходимо нормативное закрепление обязанности страхователей, производящих выплаты физическим лицам, письменно извещать каждого из них о суммах начисленных и уплаченных взносов на обязательное пенсионное страхование. Применительно к лицам, работающим по трудовым договорам, такая информация должна содержаться в расчетном листке, выдаваемом при выплате заработной платы. Однако форма последнего требует унификации. Только в этом случае у застрахованных лиц появится возможность располагать полной информацией о ходе исполнения страхователем обязанности по уплате страховых платежей. Вместе с тем предпочтительнее был бы возврат к практике определения размера пенсии исходя из трудового стажа лица, поскольку страхователи традиционно оценивают обязательные страховые взносы как дополнительное фискальное бремя. Отсюда их стремление минимизировать последнее, в том числе средствами, не соответствующими закону.

Как представляется, столь масштабное преобразование пенсионных прав граждан в течение относительно короткого периода времени, является не чем иным, как дискредитацией государственной политики и подрывом доверия граждан к пенсионной системе в целом. Предлагаемая реформа, как и ранее проводимые, во многом носит перераспределительный характер и направлена на уменьшение дефицита бюджета Пенсионного фонда РФ. Примечательно, что последний связывается исключительно с недостаточностью средств для обеспечения системы обязательного пенсионного страхования. Однако названный внебюджетный фонд производит и целый ряд выплат не страхового характера. В частности, речь идет о выплате пенсий в рамках государственного пенсионного обеспечения (пенсий за выслугу лет, социальных пенсий и др.), оказание адресной социальной помощи. Безусловно, согласно нормам действующего законодательства финансовое обеспечение данных расходов осуществляется за счет средств федерального бюджета, посредством

межбюджетных трансфертов бюджету Пенсионного фонда РФ. Вместе с тем возникают обоснованные сомнения в фактическом выполнении государством данных обязательств: расходы внебюджетных фондов подчинены правилам бюджетного процесса и в нарушение принципов социального страхования представители застрахованных лиц, представители страхователей лишены полномочий по контролю за целевым использованием средств социального страхования.

Проведенный анализ Стратегии позволяет говорить о тенденции к снижению уровня обязательств государства, о предоставлении в рамках обязательного пенсионного страхования только минимально необходимого уровня страхового обеспечения с ориентацией на прожиточный минимум пенсионера. Следствием этого является утрата пенсией функции страхования потери заработка в связи с достижением пенсионного возраста и трансформация ее в социальное пособие [4], размер которого во многом будет определяться текущими доходами пенсионной системы. В этой связи обоснованно говорить о сущностном сближении социального страхования с системой государственного социального обеспечения.

Список использованной литературы

1. Лушникова М. В., Лушников А. М. Курс права социального обеспечения. 2-е изд., доп. М., 2009. С. 221.
2. Захаров М. Л. Социальное страхование в России: прошлое, настоящее и перспективы развития (трудовые пенсии, пособия, выплаты пострадавшим на производстве): монография. Москва: Проспект, 2013. С. 102–130.
3. Захаров М. Л., Тучкова Э. Г. Современное состояние пенсионной системы России, основные этапы ее реформирования и перспективы дальнейшего развития // Современное состояние законодательства и науки трудового права и права социального обеспечения: материалы Международной научно-практической конференции / под ред. К. Н. Гусова. М.: Проспект, 2010. С. 516–517.
4. Федорова М. Ю. Современные тенденции развития системы социального страхования // Современные тенденции в развитии трудового права и права социального обеспечения: материалы Международной научно-практической конференции / под ред. К. Н. Гусова. М.: Проспект, 2007. С. 599–603.

УДК 159.947.5

В статье рассматриваются причины возникновения конфликтов в спортивной среде, а также изучаются стратегии поведения в конфликте и связи стратегий поведения в конфликте с индивидуальными особенностями спортсменов. Задачи заключаются в определении личностных особенностей спортсменов, связанных с типом реагирования и стратегиями поведения в конфликте спортсменов.

Ключевые слова: стратегии поведения; конфликт; сензитивность; конформность.

The article deals with the causes of conflict in sports environments. We study strategies of behavior in conflict and correlation of the strategies with the individual characteristics of athletes. The objectives are to identify personality characteristics of athletes associated with the type of response and behavior strategies in conflict.

Key words: strategy of behavior; conflict; sensitivity; conformity.

М. М. Кашапов, А. М. Воскресенский

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: smk007@bk.ru

E-mail: voskresensky309@mail.ru

Связь стратегий поведения в конфликте с индивидуальными особенностями спортсменов*

Научная статья

М. М. Kashapov, A. M. Voskresensky

P. G. Demidov Yaroslavl State University

E-mail: smk007@bk.ru

E-mail: voskresensky309@mail.ru

Correlation of Behavior Strategies in Conflicts with the Individual Characteristics of Athletes

Scientific article

Проблема конфликтности как во взаимодействии с другими людьми, так и с социальной средой, а также необходимость оптимально разрешать и управлять конфликтами имеет актуальное значение. Социальное благополучие общества на различных уровнях его организации влияет на проявление конфликтности во взаимоотношениях всех его членов. Недостаток социальных умений и навыков способствует обращению людей к наиболее распространенным, но не всегда конструктивным моделям поведения. Наряду с социальными факторами и недостатком компетент-

ности в общении, межличностные конфликты обусловлены спецификой личностных качеств.

Практика показывает, что в ситуации конфликта во взаимодействии между людьми преобладают деструктивные тенденции. Зачастую вместо анализа проблемы и поиска оптимальных путей ее решения субъект пытается директивным способом повлиять на объект противоречия и производит действия, ведущие к эскалации деструктивного конфликта. Такой тип реагирования на конфликт связан прежде всего с недостатком коммуникативной и социальной компетентности личности или группы.

* Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ, проект 6.4569.2011. Тема проекта «Психолого-педагогическое сопровождение спортивной деятельности» и при финансовой поддержке РФФИ (проект № 13-06-00707а).

© Кашапов М. М., 2013

© Воскресенский А. М., 2013

Проблема исследования общепсихологических механизмов конфликтности во взаимодействии является одной из фундаментальных в современной психологии, поскольку, зная, во-первых, этиологию и генезис конфликта; во-вторых, специфику реагирования на конфликт, обусловленную средовыми и личностными факторами; в-третьих, оптимальные средства профилактики и разрешения конфликта, субъект способен адекватно понимать и управлять разнообразными конфликтными явлениями.

Исследователи проблемы конфликтности в психологии разрабатывали вопросы, касающиеся его структуры (А. Я. Анцупов, А. И. Шипилов, Л. А. Петровская), функций (Н. В. Гришина), возможности конструктивного проявления (Д. Г. Скотт). Существенным результатом этих исследований явилось понимание того, что конфликтность есть неотъемлемая часть деятельности человека, зачастую играющая позитивную роль в развитии личности и любой социальной системы. Исследователи Д. Аткинсон, У. Томас, Дж. Скотт, Р. Фишер, У. Юри и др. разрабатывали методы исследования конфликтности в процессе разрешения конфликтов. Установлено, что завершение конфликта заключается через переход от конфликтного взаимодействия к поиску решения проблемы и прекращению конфликта. Основными формами завершения конфликта являются: разрешение (А. П. Алексеев, Л. А. Петровская), урегулирование (Б. Хилл), преодоление (В. П. Галицкий, Н. Ф. Феденко), устранение (Р. Акофф, Ф. Эмери), угашение (А. Б. Добрович), приглашение (А. Рапопорт), затухание (В. Бойко, А. Ковалев), саморазрешение (А. Я. Анцупов), улаживание (А. Гозман) и др. Конфликтность предусматривает определенный уровень психической напряженности, который может быть различным, что связано с уровнем психологической устойчивости человека. Психически стойкие и психически нестойкие люди в сложных ситуациях ведут себя по-разному. У психически неустойчивых подростков отсутствуют эффективные способы преодоления преград, поэтому иногда наблюдается явление самоиндукции негативного эмоционального напряжения: дезорганизованное поведение усиливает стрессовое состояние, которое еще больше дезорганизует поведение, что ведет к возникновению «волны дезорганизации» (А. А. Рояк).

Можно отметить, что исследование конфликтности длительное время ограничивалось в основном феноменологическим, декларативно-описательным подходом. Поэтому до сих пор недостаточно четко

определено содержание конфликтности, слабо изучены общепсихологические механизмы ее связи с характеристиками субъекта (например, с мышлением, эмоциями, волей); не исследованы виды, уровни, особенности этиологии и генезиса конфликтности; не раскрыта перспективность исследования креативной конструктивной конфликтности; практически отсутствуют надежные и валидные методы диагностики конфликтности.

Существуют различные определения конфликта, но все они подчеркивают наличие противоречия, которое принимает форму разногласий, если речь идет о взаимодействии людей. Конфликты могут быть скрытыми или явными, но в основе их всегда лежит отсутствие согласия. Поэтому конфликт определяют как отсутствие согласия между двумя или более сторонами — лицами или группами.

А. Я. Анцупов и А. И. Шипилов под конфликтом понимают наиболее острый способ разрешения значимых противоречий, возникающих в процессе взаимодействия, заключающийся в противодействии субъектов конфликта и обычно сопровождающийся негативными эмоциями [1].

В разработанной М. М. Кашаповым структурно-функциональной концепции конфликта под конфликтом понимается столкновение тенденций, примерно равных по силе, но противоположных по направленности намерений, средств и целей субъектов взаимодействия [2]. В данной концепции представлено обобщенное понимание закономерности становления конфликтологической культуры профессионала, описанной следующими параметрами: направлениями, детерминантами, факторами, условиями стадиями, этапами, уровнями конфликтологической культуры профессионала.

К факторам становления конфликтологической культуры профессионала относятся:

- объективный – внешняя среда: общество (группа, человечество), социообразовательная среда учреждения или организации – это фактор, во взаимодействии с которым профессионал обретает свою конфликтологическую культуру;

- субъективный – внутренняя среда человека, его индивидуальные, личностные, субъектные качества.

Метод динамического моделирования (М. М. Кашапов) позволяет установить механизм функционирования надситуативного уровня профессионального мышления в условиях конфликтного взаимодействия. Актуализация этого механизма обуславливает выход на продуктивные виды деятельности. Метод основан на процессе распозна-

вания и классификации конфликтных ситуаций. Реализация данного метода позволила впервые выявить и описать следующие общепсихологические механизмы функционирования конфликтности: операционные (каким образом?); функциональные (для чего?); диагностические, преобразовательные (как?), уровневые (каковы параметры – актуальные, перспективные – осмысления ситуации?); личностные (кто?); деятельностные (что?).

Конфликты личности и межличностные конфликты представлены аналитически в терминах категориальной структурно-функциональной концепции конфликта. Согласно данной концепции, конфликт представляет возможность для роста и возрождения. В этом случае конфликт рассматривается не как угроза, а как подарок энергии, которую можно использовать как творческую силу.

В рамках данной концепции осуществлен компетентностный подход. Конфликтная компетентность профессионала характеризуется прежде всего умением реализовать превентивную стратегию, которая помогает избежать ссор, раздражения и чувства вины неизбежных при неадекватных действиях и последующих безуспешных попытках наладить расстроившиеся взаимоотношения [3]. Данная стратегия ориентирована на создание конструктивного конфликта, который необходим, поскольку без него невозможно реализовать полноценную цель. Конфликт позитивен, если он мобилизует возможности во многих видах спортивной и интеллектуальной конкуренции. Такой конфликт основывается на радости становления. Конструктивный конфликт позволяет человеку актуализировать и реализовать собственные позиции и тем самым создать условия для их рефлексии и дальнейшего развития. Именно конструктивная активность человека является опосредованной сознательными усилиями и поведением, направленным на преобразование ситуации в соответствии с субъективными потребностями.

Конфликты в спортивной среде возникают постоянно. Они возникают не только между спортсменами, но также между болельщиками, спортсменом и тренером. Спорт представляет собой соревновательную деятельность, в которой каждый спортсмен хочет превзойти соперников, стать победителем [4]. Можно сказать, что спорт является конфликтом. Конкуренция среди спортсменов становится источником конфликтов между болельщиками, спортсменами, тренерами. Иногда в спортивные конфликты включаются целые государства.

Поводом для конфликтной ситуации могут послужить различные причины: некомпетентное или предвзятое судейство, несогласие в вопросах дисквалификации, договорные матчи. Такие конфликты разрастаются до огромных размеров, становясь источниками этнической неприязни. Спорт, обладающий огромным зарядом эмоций и нервного напряжения, способен оказывать на людей как положительное, так и отрицательное воздействие. Поэтому минимизация негативных всплесков и недопущение разрастания негативных проявлений – задача чрезвычайно важная и практически значимая.

Теоретико-методологической основой работы являются психологические исследования конфликта (А. Я. Анцупов, Н. В. Гришина, А. А. Ершов, К. Левин, К. У. Томас, Л. А. Петровская), в том числе в спортивной деятельности (Г. В. Парамонова, Ю. А. Коломейцев, Ю. Л. Ханин); исследования, отражающие формирующее влияние спорта на личность (Г. Д. Горбунов, Б. Д. Кретти, А. Н. Николаев).

Целью нашей работы являлось изучение связей стратегий поведения в конфликте с индивидуальными особенностями спортсменов.

Исследование проводилось на выборке хоккеистов молодёжного хоккейного клуба «Локомотив», студентов ЯрГУ им. П. Г. Демидова первых курсов, курсантов высшего зенитно-ракетного училища. Выборку составили 94 человека. Из них: спортсмены – 31 человек, студенты – 33 человека, курсанты – 30 человек. Возраст испытуемых составил 18–22 года. В ходе исследования использовались следующие методики: Методика диагностики ведущего типа реагирования (М. М. Кашапов, Т. Г. Киселёва), Оценка особенностей реагирования в конфликтной ситуации (К. Томас, Н. В. Гришина), Сокращённый многофакторный опросник для исследования личности (сокращённый вариант Миннесотского многомерного личностного перечня ММРП), Индивидуально-типологический опросник (ИТО) (Л. Собчик).

В ходе исследования нами был проведен анализ различий трех групп по F-критерию Фишера (различие дисперсий) и t-критерию Стьюдента (различие средних). t-критерий Стьюдента справедлив при предположении о примерном равенстве дисперсий в группах.

Распределение признака подчиняется нормальному распределению.

Для того чтобы выяснить, есть ли связь между типами реагирования в конфликтной ситуации, выбором той или иной стратегии поведения в кон-

фликтной ситуации и личностными особенностями спортсменов был проведён ранговый корреляционный анализ Спирмена.

Мы выявили, что с типом поведения в конфликтной ситуации «Соперничество» у спортсменов есть отрицательная умеренная корреляция с депрессией. Человек, дающий высокие показатели по шкале «Депрессия», не способен принять решение самостоятельно, у него нет уверенности в себе, при малейших неудачах он впадает в отчаяние, следовательно, он объективно не может дать адекватный отпор в ситуации конфликта, а значит и не может соперничать.

С типом поведения в конфликтной ситуации «Компромисс» у спортсменов есть отрицательная средняя корреляция с депрессией. Находясь в состоянии депрессии, спортсмен не может дать адекватную оценку происходящему; пессимистический взгляд на жизнь, присущий такому состоянию, влияет на отказ от понимания другой стороны, что выражается нежеланием идти на компромисс.

Со стратегией поведения в конфликтной ситуации «Уход» у спортсменов есть положительная умеренная корреляция с депрессией и истерией. Чувствительные, сенситивные, склонные к тревогам, робкие, неуверенные, неспособные принять решение самостоятельно (признаки депрессии) либо склонные к неврологическим защитным реакциям конверсионного типа, решающие проблемы уходом в болезнь, поверхностные люди в условиях спортивной команды в конфликтной ситуации не могут или не хотят отстаивать свои интересы и предпочитают уступить более сильной личности соперника, который может быть более сильным морально или физически. Что касается связи «ухода» с истерией, то данная личностная особенность сама по себе уже включает различные виды ухода, как то: избегание ответственности, уход в болезнь через соматические расстройства.

С типом поведения в конфликтной ситуации «Сотрудничество» у спортсменов есть положительная умеренная корреляция с интроверсией, а значит, степень ухода такого человека в себя напрямую связана с готовностью приходить к взаимовыгодному решению, сколько бы времени на это ни потребовалось.

Интроверт, попавший в спортивную команду, при возникновении ситуации конфликта с некоторой долей вероятности будет отстаивать собственные интересы, согласовывая их с нуждами и желаниями другой стороны. Возможно, это связано с тем, что такой человек сравнивает себя с командой, пытается извлечь выгоду из такого сотруд-

ничества и сам готов жертвовать для достижения собственных результатов.

С типом поведения в конфликтной ситуации «Приспособление» у спортсменов есть положительная средняя корреляция с сензитивностью и положительная умеренная корреляция с зависимостью и конформностью. Оценивая ситуацию в пессимистическом ключе, нуждаясь в защите и покровительстве, опираясь на общепринятые социальные нормы окружения, такой человек с лёгкостью будет приспосабливаться под соперника в конфликтной ситуации.

Спортсмен с таким набором индивидуально-типологических свойств, не уверенный в себе, ориентированный на социальную среду и защиту со стороны более сильной личности, склонный к уходу в себя и в мир идеалов, будет по мере возможности приспосабливаться под ситуацию, избегать невыгодных для него концовок, искать наиболее щадящую для него нишу в обществе. На спортсмена будет оказывать влияние авторитет соперника, и он будет стараться приспособиться к ситуации, чтобы избежать невыгодных для себя ситуаций.

С типом поведения в конфликтной ситуации «Соперничество» у спортсменов есть положительная умеренная корреляция со спонтанностью, неконформностью и конфликтностью, отрицательная умеренная корреляция с сензитивностью. Спортсмены, имеющие такое сочетание личностных свойств, будут стремиться удовлетворить собственные интересы пусть даже в ущерб другой стороне. Возможно, для них важнее индивидуальные достижения, чем результат команды. Соперничество/конкуренция используется человеком, обладающим сильной волей, достаточным авторитетом, властью, не очень заинтересованным в сотрудничестве с другой стороной и стремящимся в первую очередь удовлетворить собственные интересы. Его действия носят, как правило, непродуманный характер, он устанавливает свои рамки, что в результате приводит к сильному конфликтному столкновению.

С типом поведения в конфликтной ситуации «Компромисс» у спортсменов есть отрицательная умеренная корреляция с конфликтностью. Корреляция, в очередной раз доказывающая, что конфликтный человек не пойдёт на компромисс.

Со стратегией поведения в конфликтной ситуации «Уход» у спортсменов есть положительная умеренная корреляция с интроверсией. Замкнутые на своем внутреннем мире, спортсмены не стараются разрешить конфликт, уходя от конфликтной ситуации.

На стратегию поведения в конфликтной ситуации «Агрессия» у спортсменов сильно и значимо влияет

такое индивидуально-типологическое свойство, как неконформность (прямое влияние).

Установлено, что интегральные метахарактеристики конфликтности, опираясь на базовые процессы, формируют принципиально новые механизмы познания, поведения и регуляции личности, которые не могут быть сведены к простой сумме познавательных процессов или процессов эмоционально-волевой регуляции. Индивид, обладающий метакогнитивными характеристиками, переходит на иной уровень жизнедеятельности, обеспечивающий сознательный переход из ассоциированного в диссоциированное состояние. Благодаря механизмам интеллектуальной саморегуляции, входящим в метакогнитивный опыт, субъект более эффективно решает как профессиональные, так и жизненные конфликтные ситуации. Таким образом, конфликтность личности определяется совокупностью многоуровневых психологических характеристик.

Спортсмен с развитой тенденцией к отвержению общепринятых норм (что при низком уровне развития или при патологии ведёт к антисоциальным формам поведения) в ситуации межличностного конфликта будет выбирать стратегию агрессии – осуществлять действия, направленные на нанесение физического или психологического вреда/ущерба. Возможно, такое поведение связано с тем, что спортсмены привыкли разрешать конфликты агрессией, так как спорт можно расценивать как конфликтную ситуацию, решением которой может послужить проявление силы.

Результаты проведенного исследования позволили нам сделать следующие выводы:

1. Выбор стратегии поведения в конфликтной ситуации связан с личностными особенностями спортсменов. Так, при выборе стратегии «Ухода» на спортсмена оказывают влияние депрессия и истерия. А неконформность влияет на выбор стратегии «Агрессии». Тип реагирования в конфликтной ситуации связан с личностными особенностями спортсменов.

2. У спортсменов выявлена связь между типом реагирования «Сотрудничество» и личностной особенностью «интроверсия», между типом реагирования «Приспособление» и личностными особенностями «сензитивность», «зависимость», «конформность», а также между типом реагирования «Соперничество» и личностными особенностями «спонтанность», «неконформность» и конфликтность.

3. Проблема, на которой мы остановились в данной работе, изучена не до конца. Исследованы лишь некоторые личностные особенности, влияющие на выбор стратегии и тип реагирования в конфликтной ситуации в спорте.

Список использованной литературы

1. Анцупов А. Я. Эволюционно-междисциплинарная теория конфликтов // Конфликт и личность в изменяющемся мире. Ижевск, 2000.
2. Кашапов М. М., Башкин М. В. Психология конфликтной компетентности: учеб. пособие. Ярославль: ЯрГУ, 2010. 128 с.
3. Там же.
4. Гогунов Е. Н., Мартянов Б. И. Психология физического воспитания и спорта. М.: АКАДЕМИА, 2000.

В статье дается описание исследования коммуникативной толерантности среди студентов творческих и нетворческих специальностей (дизайнеров и экономистов). Результаты исследования показали доминирование крайних показателей – низкой и высокой коммуникативной толерантности среди студентов-дизайнеров и преобладание среднего уровня выраженности исследуемого качества у студентов-экономистов. Выявлены и проанализированы причины низкой толерантности к различным ситуациям в обеих группах, что позволило сделать вывод о доминировании инфантильных позиций у творческих личностей и более адаптивных форм поведения у экономистов в процессе общения. Психологическая незрелость творческих личностей, на наш взгляд, позитивно отражается на самом творческом процессе, предоставляет больше свободы самовыражению и способствует созиданию, однако в коммуникациях склонна приводить к установлению деструктивных взаимоотношений.

К л ю ч е в ы е с л о в а : толерантность; творческая личность; коммуникация; инфантильная позиция.

The article displays the research on communicative tolerance among the students of creative and non-creative (designers and economists) specialties. Research results, reveal prevailing of extreme indexes - subzero and high communicative tolerance among students-designers, students-economists in most cases show a middle level of expression of the investigated quality. Reasons of subzero tolerance to different situations are found and analysed in both groups, that allowed to draw a conclusion about predominance of infantile positions in the process of communication - for creative personalities and more adaptive forms of behavior - for economists. Infantile position for creative personalities, in our view, positively affects creative process, because it assists self-realisation creation, but in communications – it inclines to set destructive relations.

К e y w o r d s : tolerance; creative personality; communication; infantile position.

В. В. Козлов

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: kozlov@zi-kozlov.ru

Н. Г. Санникова

Казахский гуманитарно-юридический университет

E-mail:

Диагностика коммуникативной толерантности среди студентов творческих и нетворческих специальностей

Научная статья

V. V. Kozlov Vladimir

P. G. Demidov Yaroslavl State University

E-mail: kozlov@zi-kozlov.ru

N. G. Sannikov

Kazakh Humanitarian Law University

E-mail:

Diagnosis of Communicative Tolerance among Students of Creative and Non-Creative Specialties

Scientific article

В условиях современного мира толерантное отношение к людям приобретает особую значимость, так как способствует сохранению психологического климата в коллективах, благоприятствует инновационному развитию и социальному комфорту

в целом. По определению Г. Асмолова, «толерантность – это искусство жить в мире непохожих людей и идей». Она, по мнению ученого, обеспечивается наличием признания, принятия и понимания [1]. Толерантность в современной научной литературе

© Козлов В. В., 2013

© Санникова Н. Г., 2013

рассматривается как признание равенства и уважение, отказ от доминирования и насилия, признание многомерности и многообразия человеческой культуры, норм поведения. Коммуникативная толерантность представляет собой такую характеристику отношений личности к другим людям, которая показывает степень индивидуальной переносимости неприятных или неприемлемых психических состояний и поступков партнеров по взаимодействию. В. В. Глебкин в своей статье «Толерантность и проблема понимания: толерантное сознание как атрибут *homo intellegens*» считает, что миф об андрогинах, изложенный в «Пире» Платона, «... удачно выражает основную установку толерантного сознания: восприятие самого себя как принципиально незавершенного существа, открытого опыту Другого...» [2]. Автор считает, что проблема принятия и понимания Другого тесно связана с пониманием и принятием прежде всего самого себя.

Коммуникативная толерантность в психологии рассматривается как стержневая характеристика личности, так как в значительной мере определяет ее деятельность и жизненный путь, поэтому ее уровень свидетельствует о психическом здоровье, способности к самоконтролю либо, напротив, дисгармонии и неспособности контролировать свои эмоциональные переживания. Уровень коммуникативной толерантности отражается непосредственно на взаимоотношениях личности с окружающими: высокая толерантность сдерживает негативные чувства, низкая – сопряжена с беспрепятственным выходом негативной энергии вовне. В. В. Бойко считает, что демонстрация низкого уровня коммуникативной толерантности выступает показателем негибкости или лености ума и мешает выходу из затруднительных ситуаций [3]. Отсутствие толерантности приводит к неспособности человека конструктивно жить и действовать в многообразном мире.

Учитывая тот факт, что коммуникативная толерантность представляет собой собирательное понятие и отражает присущие личности свойства и особенности, мы предположили, что ее уровень может отличаться у представителей разных профессиональных направлений. Особый интерес у нас возник к толерантности творческих личностей. Это обусловлено ее характерологическими особенностями и способами самореализации в мире. Мы считаем, что, с одной стороны, творческая личность, реализуя свой собственный потенциал, терпимо относится к различным проявлениям других, даже если это есть их слабости и нестандартные формы поведения. Однако, с другой стороны,

доминирование эмоционально-волевой сферы во взаимоотношениях, склонность к импульсивности, желание выразить себя и выделиться из общей массы может конкурировать с социальными нормами и ограничениями и, как следствие, негативно отразиться на отношении к другим людям и их проявлениям.

Эти противоречия и послужили целью нашего исследования, которую мы сформировали так: выявление уровня коммуникативной толерантности среди студентов творческих и нетворческих профессий.

Выборка исследования состояла из студентов факультетов «Экономика» и «Дизайн». Были сформированы две группы: первую составили студенты-дизайнеры, вторую – студенты-экономисты. Группа студентов-экономистов послужила в качестве контрольной, так как данная профессия, в противовес дизайнерскому мастерству, на наш взгляд, требует большей организованности, исполнительности, эмоциональной устойчивости, склонности к рутинной и скрупулезной работе.

Исследование проводилось с помощью методики В. В. Бойко «Диагностика коммуникативной толерантности», которая позволила нам выявить общий уровень терпимости в определенных аспектах взаимоотношений с людьми, а также рассмотреть некоторые поведенческие тенденции, доминирующие у представителей творческих и нетворческих профессий в процессе коммуникации.

В результате исследования коммуникативной толерантности у студентов факультета «Дизайн» были получены следующие данные: неумение скрывать свои неприятные впечатления при столкновении с некоммуникабельными людьми (47 %) и неспособность уступать и уживаться с людьми в некоторых ситуациях (43 %), 40 % не умеют понимать и принимать индивидуальность партнера, обидчивы и ранимы, не умеют прощать партнерам их слова и поступки, аналогичное количество испытуемых способно подгонять партнеров под себя и делать их удобными, 23 % категоричны в своих оценках по отношению к окружающим, 18 % нетерпимо относятся к дискомфортным состояниям других.

Результаты диагностики коммуникативной толерантности у студентов-экономистов показали: доминирование среднего уровня коммуникативной толерантности – у 60 % испытуемых, у 37 % отмечается ее высокий уровень, они способны сопереживать, умеют выслушать собеседника и понять его психологические свойства, принять окружающих такими, какими они являются. У 3 % соответственно уровень коммуникативной толерантности низкий; они избегают контактов со странными, необычными людьми,

им трудно ладить с лицами с тяжелым характером, испытуемые не всегда умеют уступить, склонны перевоспитывать окружающих и подстраивать их поведение под желаемое для себя, сами при этом меняться несклонны. Доминирующее число испытуемых второй группы (27 %) способны подгонять партнеров под себя и делать их удобными, 17 % умело переделывают партнеров, 13 % испытуемых студентов-экономистов обидчивы, не умеют прощать партнерам их поступков и склонны к проявлению своих неприятных впечатлений при столкновении с некоммуникабельными людьми, 10 % склонны оценивать людей, исходя из собственного «Я», и 7 % не умеют понимать и принимать индивидуальности других, категоричны в своих оценках в адрес окружающих.

Таким образом, доминирующее число студентов творческих профессий несклонны скрывать своего неприятного впечатления при общении с некоммуникабельными людьми, не умеют понимать и принимать индивидуальность других, стремятся оказывать влияние на окружающих, их переделывать и перевоспитывать, что свидетельствует о выраженном желании доминировать в отношениях, занимать значимые позиции. Их ранимость и обидчивость как следствие негативного реагирования окружающих на такое влияние в совокупности с желанием управлять и неспособностью к конструктивным способам взаимодействия служит, на наш взгляд, признаком социальной незрелости творческой личности и говорит о преобладании инфантильных позиций в общении.

Полученные в результате исследования студентов-экономистов показатели свидетельствуют о наличии почти у трети испытуемых способности подгонять партнеров под себя и делать их удобными. В совокупности с умением переделывать партнеров у пятой части испытуемых и низкой категоричностью в адрес окружающих полученные результаты свидетельствуют о хороших адаптационных способностях во взаимодействии с людьми. Низкий процент испытуемых, склонных к проявлению своего неприятного впечатления при общении с некоммуникабельными людьми, обидчивости и ранимости, свидетельствует об умении студентов-экономистов управлять своей эмоциональной сферой.

Сравнительный анализ результатов оценки уровня коммуникативной толерантности в обеих группах показывает, что среди студентов-дизайнеров преобладают крайние уровни толерантности – высокий

и низкий, что свидетельствует о наличии двух прямо противоположных тенденций в коммуникациях – одна часть испытуемых проявляет зрелые и адаптивные формы поведения, другая – демонстрирует инфантильные, незрелые позиции в общении.

Студенты-экономисты в большинстве своем проявляют себя как достаточно толерантные в общении личности, способные управлять своей эмоциональной сферой и идти на компромисс. Анализ ситуаций, в которых проявляется низкая толерантность испытуемых, показывает доминирование количества дизайнеров с низкой толерантностью по всем категориям ситуаций, при этом большая часть лиц не умеет скрывать негативные впечатления при столкновении с некоммуникабельными людьми, что свидетельствует об их эмоциональной открытости, склонности демонстрировать свои переживания.

Представители творческих профессий плохо приспосабливаются к характерам, привычкам и установкам других людей, склонны их переделывать и перевоспитывать. В этом прослеживается их желание доминировать и привлекать внимание, что свидетельствует о незрелой личностной позиции многих испытуемых.

У студентов-экономистов имеет место склонность подгонять партнеров под себя, делать их удобными, умение приспосабливаться к характерам, привычкам и установкам других людей, терпимость к дискомфорту, что говорит об их высокой толерантности к различным ситуациям, исполнительности, умении контролировать себя.

На наш взгляд, данные качества являются необходимыми для профессионального роста в математической специальности. Доминирование незрелых инфантильных позиций творческих личностей, по нашему мнению, способствует процессу созидания, но в коммуникациях приводит к установлению деструктивных взаимоотношений с окружающими.

Список использованной литературы

1. Асмолов А. Г., Солдатова Г. У., Шайгерова Л. А. О смыслах понятия «толерантность» // Век толерантности: научно-публицистический вестник. Ч. 1. М.: Изд-во МГУ, 2001. С. 8–18.
2. На пути к толерантному сознанию / отв. ред. А. Г. Асмолов. М.: Смысл, 2000. 255 с.
3. Бойко В. В. Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и на других. М., 1996.

В статье показана связь когнитивного стиля рефлексивность/импульсивность и результативной стороны мнемических способностей. Целью исследования явилось изучение эффективности и качественного своеобразия запоминания невербального бессмысленного материала испытуемыми 35–40 лет.

К л ю ч е в ы е с л о в а : когнитивный стиль; рефлексивность; импульсивность; мнемические способности.

The contribution shows the relation between cognitive style reflection/impulsivity and effective side of mnemonic skills. The aim of the research was the study of effectiveness and qualitative diversity of memorizing nonverbal meaningless material by testees aged 35–40.

К e y w o r d s : cognitive style; reflection; impulsivity; mnemonic abilities.

С. А. Дюпина

Московский государственный областной гуманитарный институт

E-mail: DyupinaSvetlana@yandex.ru

**Когнитивный стиль импульсивность/рефлексивность
как фактор эффективности и качественного своеобразия
мнемических способностей**

Научная статья

S. A. Dyupina

Moscow State Regional Institute of Humanities

E-mail: DyupinaSvetlana@yandex.ru

**Cognitive Style Impulsivity/Reflexivity
as a Factor of the Efficiency and Qualitative Uniqueness
of Mnemonic Abilities**

Scientific article

Актуальность данного исследования обусловливается недостаточной полнотой исследования места когнитивных стилей в структуре мнемических способностей. Под когнитивным стилем подразумеваются относительно устойчивые способы познавательной деятельности, познавательные стратегии, заключающиеся в своеобразных приемах получения и переработки информации, а также приемы ее воспроизведения и способы контроля [1]. Когнитивный стиль импульсивность/рефлексивность был выделен Дж. Каганом (1965) при изучении интеллектуальной деятельности, когда в условиях неопределенности надо было принимать решение и требовалось осуществить правильный выбор из некоторого множества альтернатив [2]. В теории интеллекта Г. Айзенка в качестве основного выступало положение о том, что скорость переработки информации является основным фактором успешности интеллектуальной деятельности в ситуации решения задач. М. А. Холодная (1992) обращает

внимание на то, что в ряде исследований выявлено: представители рефлексивного когнитивного стиля в отличие от представителей импульсивного когнитивного стиля характеризуются большей интеллектуальной продуктивностью [3]. Ч. Носал полагает, что критерием контроля на полюсе рефлексивности является целостная понятийно дифференцированная модель ситуации, тогда как на полюсе импульсивности решение строится индуктивным путем с использованием стратегии проб и ошибок. М. А. Холодная (2002, 2004) переходит от традиционного понимания когнитивного стиля как биполярного измерения к пониманию его как квадрупольного измерения. Полюс импульсивности расщепляется на «быстрых/точных» и «быстрых/неточных», полюс рефлексивности на «медленных/неточных» и «медленных/точных». Фактический критерий «расщепления» полюсов когнитивного стиля импульсивность/рефлексивность – это показатель «количество ошибок» [4].

© Дюпина С. А., 2013

Мнемические способности как средства мнемической активности и мнемической деятельности определяют качественное своеобразие и эффективность любого мнемического результата. Запоминая информация проходит специфическую обработку на уровне восприятия, иначе говоря, когнитивно-стилевое своеобразие обязательно проявится в результатах запоминания и воспроизведения [5]. Мнемические способности реализуются системой функциональных, операционных и регулирующих механизмов.

Функциональные механизмы мнемических способностей – это генотипически и врожденно обусловленные свойства функциональных систем мозга кодировать и декодировать информацию, имеющую индивидуальную меру выраженности, проявляющуюся в эффективности процессов запоминания, сохранения и воспроизведения. Функциональные механизмы – это природная основа процессов ввода информации в систему психического содержания. Операционные механизмы – это условные связи, которые отсутствуют в функциональных механизмах и не заложены генотипически. Операционные механизмы – это действия, которые могут иметь и перцептивное, и мнемическое, и интеллектуальное, и речемоторное происхождение. Когнитивные стили человека, как и прочие приемы организации информации, выступают в качестве составляющих операционных механизмов мнемических способностей [6]. Операционные механизмы – это главное условие разворачивания ментального мнемического пространства, когнитивные стили являются составляющими этого пространства. Следовательно, при разворачивании ментального мнемического пространства происходит и проявление когнитивного стиля интеллектуальной деятельности.

Цель исследования: изучение эффективности и качественного своеобразия запоминания невербального бессмысленного материала испытуемыми при расщеплении когнитивного стиля рефлексивность/импульсивность.

Гипотеза: быстрые/точные и рефлексивные испытуемые эффективнее обрабатывают сложный для запоминания материал, у них высокая скорость включения операционных механизмов в процесс запоминания.

Методики исследования. Для изучения соотношения особенностей проявления когнитивного стиля импульсивность/рефлексивность и уровня сформированности мнемических способностей были выбраны следующие методики: «Сравнение похожих рисунков» Дж. Кагана (1966) и метод разворачивания мнемической деятельности Л. В. Черемошкиной (2009).

Показатели импульсивности/рефлексивности в тесте Дж. Каган «Сравнение похожих рисунков»

(1966): 1) латентное время первого ответа (сумма); 2) общее количество ошибок. Для оценки проявления мнемических способностей применялся метод разворачивания мнемической деятельности Л. В. Черемошкиной (2009). Данный метод направлен на изучение эффективности памяти, уровня ее развития, качественного своеобразия мнемических приемов и способов их регуляции. (Выявлена сильная корреляционная связь между тестом «Сравнение похожих рисунков» и методом разворачивания мнемической деятельности $r = 0,78$.) В данном исследовании с помощью метода разворачивания мнемической деятельности оценивались 2 показателя:

1) продуктивность запоминания с опорой на функциональные механизмы, для этого использовалась карточка № 2.

2) эффективность запоминания благодаря функциональным и операционным механизмам, для этого использовалась карточка № 3.

Следовательно, в качестве показателей рассматривалось время запоминания карточек № 2, 3, скорость включения операционных механизмов в процесс запоминания. Для получения дополнительной информации применялся опрос по 30 вопросам, рекомендованным в методике диагностики мнемических способностей. Подробное описание метода приведено в работах Черемошкиной (1990, 2009) [7].

Испытуемые. В исследовании приняли участие 40 испытуемых (20 женщин и 20 мужчин) 35–40 лет. Выборка была сформирована случайно, в нее вошли испытуемые с высшим, средним и средне-специальным образованием.

Результаты и их обсуждение

При определении импульсивности – рефлексивности в выборке 35–40-летних испытуемых было выявлено: 15 (37,5 %) обследованных проявляют медленный/неточный когнитивный стиль, 5 человек (12,5 %) являются рефлексивными, 14 (35 %) импульсивных и у 6 (15 %) испытуемых обнаружен быстрый/точный когнитивный стиль.

Показатели эффективности запоминания простого и усложненного бессмысленного материала в выделенных группах рефлексивных, быстрых/точных, медленных/неточных и импульсивных испытуемых позволяют заключить: эффективность запоминания с опорой на функциональные и операционные механизмы мнемических способностей рефлексивными и быстрыми/точными испытуемыми значительно выше, чем медленными/неточными и импульсивными испытуемыми. Среднее время запоминания простого бессмысленного материала (карточки № 2) в группе рефлексивных составляет всего 4,8 секунд. Данный

показатель в группе быстрых/точных обследованных составляет 5,5 секунд. В группах медленные/неточные и импульсивные среднее время запоминания с опорой на функциональные механизмы составляет в среднем 11,5 и 9,1 секунд соответственно. При запоминании усложненного бессмысленного материала (карточки № 3) в группе быстрые/точные среднее время почти не изменяется. Данный показатель составляет в среднем всего 5,6 секунд. Группа рефлексивных испытуемых справляется с заданием в среднем за 6,8 секунд. Следовательно, при запоминании усложненного бессмысленного материала рефлексивным и быстрым/точным испытуемым 35–40 лет требуется всего лишь на 0,1 или на 2 секунды больше времени, чем при запоминании простого бессмысленного материала. При запоминании усложненного бессмысленного материала медленными/неточными и импульсивными обследованными среднее время запоминания с опорой на функциональные и операционные механизмы составляет 22 и 17 секунд соответственно. Разница между запоминанием карточек № 2 и 3 у медленных/неточных испытуемых наиболее существенна и составляет 10,5 секунд.

Опрос испытуемых, проведенный после окончания эксперимента, позволяет заключить: операционные механизмы рефлексивных и быстрых/точных испытуемых включаются в процесс запоминания очень быстро. Операционные механизмы импульсивных и медленных/неточных испытуемых включаются в процесс запоминания значительно медленнее. Представители первой группы дают более точные ответы о времени включения операционных механизмов. Например: «Поняла, что фигура сложная с первого предъявления». В отличие от них, импульсивные и медленные/неточные испытуемые не могут ответить, когда именно в запоминание включаются операционные механизмы. Например: «Обратила внимание на эту часть фигуры примерно с 8–10 раза, точно не скажу».

Таким образом, по результатам запоминания карточек № 2 и 3 и с учетом показателей времени включения операционных механизмов в процесс запоминания нами выделены две группы испытуемых 35–40 лет. Первую составляют рефлексивные и быстрые/точные обследованные (11 человек и 27,5 %), у которых значительно развиты мнемические способности. Во вторую вошли представители импульсивного и медленного/неточного когнитивного стилей, чьи мнемические способности развиты слабее (29 человек и 72,5 %).

Результаты опроса взрослых испытуемых двух выделенных нами групп позволяют зафиксировать значительные различия в преобладающих операци-

онных механизмах, применяемых этими людьми при запоминании. В первой группе у испытуемых преобладают: схематизация – 11 человек (100 %) и структурирование – 7 обследованных (64 %). Операционные механизмы перекодирования и группировки применяются ими значительно реже прочих. Так, перекодирование не применяли при запоминании 9 испытуемых (82 %), а группировку не используют 6 человек (55 %). Во второй группе испытуемые использовали при запоминании операционные механизмы: группировки (20 человек и 69 %), опорного пункта (15 человек и 52 %) и перекодирования (10 человека и 34,5 %). В отличие от представителей первой группы, ими менее других операционных механизмов применялась схематизация (24 испытуемых и 83 %) и структурирование (14 испытуемых и 48 %).

Выводы:

1. В обследованной нами выборке 35–40-летних испытуемых представители быстрого/точного и рефлексивного когнитивных стилей (11 человек и 27,5 %) эффективно обрабатывают простой и усложненный материал, обнаруживают высокую скорость включения операционных механизмов в процесс запоминания, отдают предпочтение операционным механизмам схематизации и структурирования.

2. Представители импульсивного и медленного/неточного когнитивных стилей (29 человек и 72,5 %) менее эффективно обрабатывают простой и усложненный материал, обнаруживают более низкую скорость включения операционных механизмов в процесс запоминания, преимущественно используют операционные механизмы группировки, опорного пункта и перекодирования.

Список использованной литературы

1. Ильин Е. П. Психология индивидуальных различий. СПб., 2011. С. 701.
2. Kagan J. Reflection-impulsivity: The generality and dynamics of conceptual tempo // *Magazin of Abnormal Psychology*. 1966. № 71. С. 17–24.
3. Холодная М. А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. СПб., 2004. С. 384.
4. Там же.
5. Черемошкина Л. В. Психология памяти. М., 2009. С. 319.
6. Дюпина С. А., Черемошкина Л. В. Когнитивный стиль в структуре мнемических способностей женщин // *Психологическая наука и образование*. 2012. № 1. С. 100–110.
7. Черемошкина Л. В. Указ. соч. С. 319.

УДК 316.64

В статье описаны результаты исследования, целью которого было изучение влияния семейной истории на формирование материнского отношения. Представлен анализ структур семейных связей женщин с адекватным и отклоняющимся от адекватного типом материнского отношения.

К л ю ч е в ы е с л о в а : материнское отношение; семейная история; структура семейных отношений.

The article displays findings of the research, which targeted at studying the influence of a family history on formation of the maternal relation. The author represents the analysis of structures of family relations of women with adequate type of maternal relation and deviating maternal relation.

К e y w o r d s : maternal relation; family history; structure of family relations.

И. Н. Малькова

Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского

E-mail: innamalkova86@yandex.ru

Глубинные основы формирования материнского отношения

Научная статья

I. N. Malkova

Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky

E-mail: innamalkova86@yandex.ru

Deep Foundation of Maternal Relation Formation

Scientific article

Является ли человек самостоятельным автором своей судьбы, своей жизни? На протяжении всей истории существования психологической науки, а до нее в философии идет спор относительно свободы человека: от первых идей З. Фрейда о детерминированности всех проявлений человеческой активности мощными инстинктивными силами до представлений экзистенциально-гуманистических теорий, в которых человек рассматривается как активный творец собственной жизни, постоянно осуществляющий свободный выбор. И между этим – огромное число теорий, концепций, направлений и подходов, в которых еще больше попыток объяснить природу человека, причины единства и разнообразия его проявлений. А соответственно, до тех пор, пока нет единого представления на этот счет, проблема свободы – детерминизма остается актуальной относительно любой стороны человеческой жизни.

Работа посвящена исследованию факторов формирования материнского отношения. Под материнским отношением мы понимаем комплекс поведенческих, когнитивных и эмоционально-оценочных компонентов, которые в совокупности проявляются как отношение женщины к ребенку. Как показывают исследования второй половины XX в., мате-

© Малькова И. Н., 2013

ринское отношение является важнейшим фактором в становлении и реализации материнско-детского взаимодействия и лежит в основе всего материнского поведения [1]. Несмотря на полувековую историю исследования, сегодня эта проблема по-прежнему остается актуальной, поскольку, несмотря даже на улучшение уровня жизни, рост медицинского и психологического сопровождения материнства, общество постоянно сталкивается с проблемами девиантного проявления родительства, в частности материнства.

В работе мы достаточно широко рассматриваем материнское отношение и его отклонения, понимая под девиантным материнством все разнообразие проявлений отклонения – от малоосознаваемых или неосознаваемых негативных тенденций по отношению к ребенку до отказа от ребенка на любом из этапов его развития.

Имеющиеся в литературе данные свидетельствуют, что материнское отношение не возникает одномоментно и сразу после рождения ребенка. Оно проходит определенный путь развития на протяжении жизни женщины, начиная от взаимодействия с собственной матерью до взаимодействия с собственным ребенком и образованием привязанности

и любви к ребенку как к личности [2]. Вслед за многими исследователями вопроса формирования материнского отношения в качестве особенно важного этапа мы выделяем период беременности. Этот этап является необыкновенно сложным и наполненным множеством аспектов. Среди них как осознаваемые, такие как собственный детский опыт, игровой опыт, актуальная семейная обстановка, так и неосознаваемые, глубинные аспекты, уходящие своими корнями в истоки семейной истории.

В нашей работе мы предположили, что семейная история оказывает влияние на формирование материнского отношения, в частности на его эмоционально-оценочный и когнитивный компоненты. Исследование проводилось на базе дневного стационара и родильного отделения больницы № 9, клинической больницы № 2, женской консультации поликлиники № 5. В общей сложности в исследовании приняли участие 122 женщины детородного возраста (от 18 до 42 лет).

Для исследования семейной истории и семейных механизмов мы использовали следующие методы: геносоциограмму, полуструктурированное интервью, методику «Семейная социограмма», рисунок своей семьи, незаконченные предложения. Для исследования системы отношений женщины в период беременности – цветовой тест отношений, тест отношений беременной, тест «Анализ семейной тревоги», тест «Личностная шкала проявлений тревоги» (Дж. Тейлор), полуструктурированное интервью.

Математическая обработка результатов включала в себя корреляционный анализ Спирмена, факторный анализ, сравнительный анализ по критерию Хи-квадрат Пирсона и U-критерию Манна-Уитни, структурографический анализ.

Исследование включает в себя две основные части. В первой из них мы статистически подтвердили выдвинутую нами гипотезу о влиянии семейной истории на формирование эмоционально-оценочной и когнитивной составляющих материнского отношения, а также выделили и описали латентные факторы материнского отношения: трансляции нарушенного материнского отношения в роду, потенциальной материнской девиации и незрелого материнства. Данные результаты представлены нами в работах «Трансляция семейного опыта как фактор формирования материнского отношения» [3] и «Семейная история и потенциальная материнская девиация» [4]. В ходе анализа результатов исследования мы разделили выборку на две группы. В первую группу вошли женщины с адекватным типом материнского

отношения (37 человек), во вторую – с отклоняющимся от адекватного (тревожно-амбивалентным и эмоционально-отстраненным) типом материнского отношения (84 человека). Во второй части исследования мы проанализировали структуру семейной истории, личностные структуры женщины, сложившиеся к моменту рождения ребенка, и непосредственно структуру материнского отношения.

Для исследования семейной истории и семейных связей мы использовали метод геносоциограммы и интервью. В ходе анализа данных субъективные показатели были объективированы, что позволило произвести статистический анализ. Для исследования организации межпоколенных семейных отношений нами использовался метод структурографического анализа. Данный метод опирается на анализ матрицы интеркорреляций, на основе которых строится структурограмма.

Согласно значениям, полученным при вычислении степени организованности структур семейных отношений, мы пришли к следующему выводу. Система семейных отношений женщин с адекватным типом материнского отношения является значимо более интегрированной и согласованной структурой, чем система семейных отношений женщин с отклоняющимся от адекватного типом материнского отношения (табл. 1).

Таблица 1

Система семейных отношений женщин

Группы	Индексы организованности структур		
	ИКС	ИДС	ИОС
Женщины с адекватным материнским отношением	165	36	201
Женщины с отклоняющимся от адекватного материнским отношением	80	29	109

Рассмотреть качественные различия структур семейных связей женщин с адекватным и отклоняющимся от адекватного материнским отношениям можно на рисунках 1 и 2.

На каждой структурограмме линиями обозначены прямые (черные) и обратные (серые) корреляционные связи между показателями, значимые на уровне 99 % (полужирные сплошные линии), 95 % (сплошные линии) и 90 % (пунктирные линии).

Параметрами, имеющими наибольший вес в структуре семейных отношений женщин с адек-

ватным типом материнского отношения, являются *нарушенные отношения с родительской семьей, нарушенные отношения матери и отца, нарушенные отношения с матерью, нарушенные отношения с отцом, нарушенные отношения с мужем.*

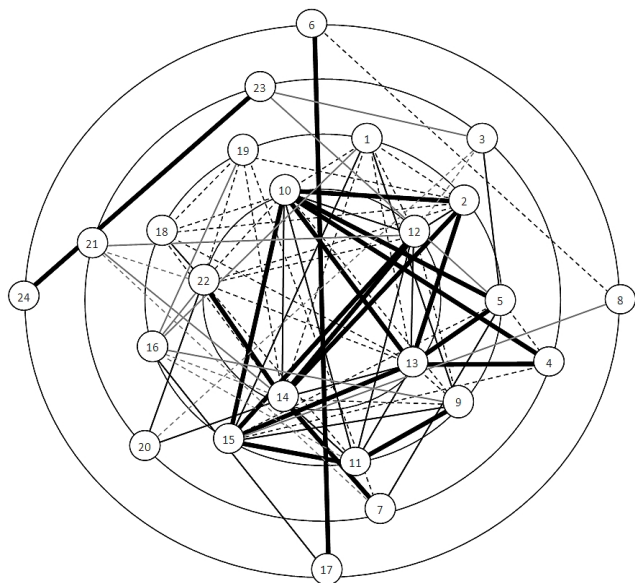

Рис. 1. Структурограмма семейных связей женщин с адекватным типом материнского отношения

При рассмотрении структурограммы (рис. 1) видно, что ведущими являются параметры собственных отношений женщины. А поскольку исследование семейной истории в нашей работе строилось именно на субъективном ее восприятии, то высокая организованность структуры семейных связей и определяющая в них позиция отношений самой женщины свидетельствует о высокой степени личной включенности в структуру и осознании и принятии всего многообразия семейных отношений и их влиянии друг на друга. Таким образом, можно сделать вывод, что глубокая связь с родом, осознание внутрисемейных и родовых отношений являются основой для формирования у женщины адекватного материнского отношения.

Параметрами, имеющими наибольший вес в структуре семейных отношений женщин с отклоняющимся от адекватного типом материнского отношения, являются *разводы в поколении родителей, нарушенные отношения с родительской семьей, нарушенные отношения матери и бабушки, нарушенные отношения матери и отца.* В структурограмме (рис. 2) видно, что параметры семейной истории не образуют единого плотного пространства, где все компоненты оказываются взаимовлияющими друг на друга. Напротив, структура

семейных связей женщин с отклоняющимся типом материнского отношения характеризуется, во-первых, меньшей согласованностью и малым числом связей на уровне 99 %, во-вторых, образованием отдельных подсистем взаимозависимых параметров. Одну из таких подсистем образуют следующие параметры: *физическое насилие в семье родителей, нарушенные отношения с родительской семьей, нарушенные отношения матери и отца, нарушенные отношения с отцом.*

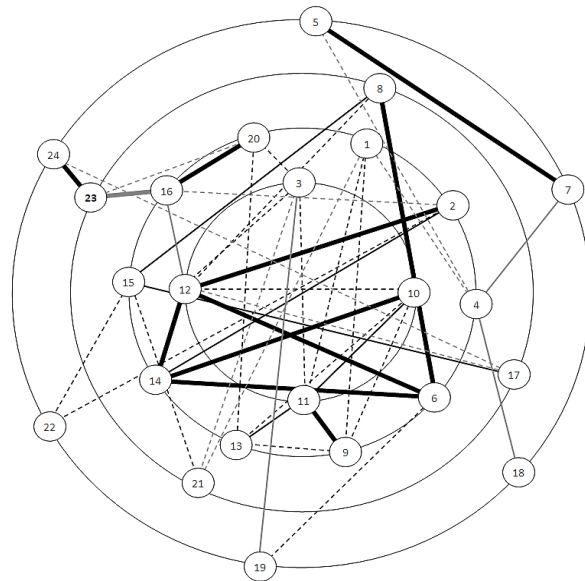

Рис. 2. Структурограмма семейных связей женщин с отклоняющимся от адекватного типом материнского отношения:

1 – разводы в поколении прародителей, 2 – разводы в родительской семье, 3 – разводы в поколении родителей, 4 – разводы собственные, 5 – физическое насилие в семье в поколении прародителей, 6 – физическое насилие в семье родителей, 7 – алкоголизм в поколении прародителей, 8 – алкоголизм в поколении родителей, 9 – нарушенные отношения по женской линии, 10 – нарушенные отношения с родительской семьей, 11 – нарушенные отношения матери и бабушки, 12 – нарушенные отношения матери и отца, 13 – нарушенные отношения с матерью, 14 – нарушенные отношения с отцом, 15 – нарушенные отношения с мужем, 16 – одинокие женщины в поколении прародителей, 17 – одинокие женщины в поколении родителей, 18 – аборт/выкидыши в поколении прародителей, 19 – аборт/выкидыши в поколении родителей, 20 – аборт/выкидыши у женщины, 21 – старшие сиблинги, 22 – младшие сиблинги, 23 – грудное кормление у бабушки, 24 – грудное кормление у матери.

Важно, что эти параметры семейных отношений не связаны с отношением женщины с матерью, а включены в другую подсистему, а именно подсистему, образованную такими параметрами семейной истории, как: *нарушенные отношения матери*

и бабушки, нарушенные отношения по женской линии, нарушенные отношения с родительской семьей, нарушенные отношения с матерью. В центре этой подсистемы находятся *нарушенные отношения между матерью и бабушкой*, они притягивают к себе остальные параметры подсистемы. Таким образом, можно сделать вывод о межпоколенной трансляции нарушенных отношений между женщинами рода, которые лежат в основе формирования отклоняющегося от адекватного материнского отношения и которые с большой вероятностью будут переданы женщиной и ее детям.

Структурографический анализ позволил нам наглядно представить особенности семейных связей у женщин с адекватным и отклоняющимся от адекватного типом материнского отношения. Существенные различия представленных структур позволяют сделать вывод, что формирование материнского отношения имеет глубинные основы, представленные

в степени интегрированности структур семейных и межпоколенных отношений, осознанности женщины в восприятии собственных семьи и рода.

Список использованной литературы

1. Винникот Д. В. Маленькие дети и их матери. М.: Класс, 1997. 98 с.
2. Филиппова Г. Г. Психология материнства. М.: Изд-во института психотерапии, 2002. 240 с.
3. Малькова И. Н., Жедунова Л. Г. Трансляция семейного опыта как фактор формирования материнского отношения // Ярославский педагогический вестник: Психолого-педагогические науки. 2011. Т. 2, № 3. С. 223–227.
4. Малькова И. Н., Жедунова Л. Г. Семейная история и потенциальная материнская девиация // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2012. № 3. С. 130–134.

УДК 316.64

Статья посвящена проблеме отношения женщин фертильного возраста к аборту. Приводятся данные проведенного исследования, целью которого было выявление связи между ценностно-смысловой сферой женщин фертильного возраста и их отношением к аборту.

Ключевые слова: аборт; отношение к аборту; ценностно-смысловая сфера; фертильный возраст.

This article is devoted to the problem of women's attitude of fertile age to abortion. We present data of conducted research, which targeted to determine the relation between value-semantic sphere of women of fertile age and their attitude to abortion.

Key words: abortion; attitude to abortion; value-semantic sphere; fertile age.

Н. В. Клюева, Е. Г. Руновская

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: nadejda@uniyar.ac.ru

E-mail: erunovskaya@bk.ru

Особенности ценностно-смысловой сферы женщин фертильного возраста с различным типом отношения к аборту

Научная статья

N. V. Kluyeva, E. G. Runovskaya

P. G. Demidov Yaroslavl State University

E-mail: nadejda@uniyar.ac.ru

E-mail: erunovskaya@bk.ru

Features of the Value-Semantic Sphere of Women of Fertile Age with Different Attitudes to Abortion

Scientific article

Женщина, принимающая решение о сохранении или прерывании беременности, часто находится в ситуации очень сложного для нее выбора. В литературе по беременности и материнству [1, 2, 3] в основном указываются социально-психологические причины аборта и его последствия для женщины. На наш взгляд, мало освещен вопрос отношения женщин фертильного возраста к аборту в связи с его ценностно-смысловой сферой.

По мнению многих авторов (Ж. Годфруа, И. Кон и др.), материнство не является состоянием, полностью обеспеченным врожденными механизмами. Материнство – это одна из социальных женских ролей. Даже если потребность быть матерью и заложена в женской природе, общественные ценности и нормы оказывают определяющее влияние на становление материнского отношения. В случаях нежелательной беременности женщина может испытывать переживания, связанные с принятием решения в отношении ребенка, которые затрагивают такие универсальные данности человеческого существо-

вания, как свобода, конечность человека (отношение к смерти), экзистенциальная вина, осознанность, возможность выбора, возможность действия.

По нашему мнению, важно исследовать отношение женщин к аборту с экзистенциальной точки зрения. Реализованный нами подход позволяет понять глубинные причины решения женщины в ситуации репродуктивного выбора: какие ценности являются ведущими и регулируемыми ее жизнедеятельностью, какой психологический смысл несет в себе феномен аборта, что становится решающим в ситуации принятия решения о сохранении/прерывании беременности.

В 2012 г. нами было проведено исследование ценностно-смысловых аспектов отношения женщин к аборту.

Цель исследования: выявить связь между ценностно-смысловой сферой женщин фертильного возраста и их отношением к аборту.

Выборка: 285 женщин в возрасте от 18 до 49 лет, в том числе 85 женщин, имеющих в своем опыте аборт.

© Клюева Н. В., 2013

© Руновская Е. Г., 2013

Для исследования отношения женщин к аборту мы использовали следующие *методы*: анкетирование, метод незаконченных предложений, проективная методика исследования личности «Must-тест», качественный анализ материала (в рамках идеографического подхода), метод экспертных оценок.

Математическая обработка результатов включала в себя факторный анализ, кластерный анализ, N-критерий Крускала-Уоллиса.

Общей *гипотезой* исследования является предположение о том, что существует связь между ценностно-смысловой сферой женщин фертильного возраста и их отношением к аборту.

Результаты и их анализ

Женщинам было предложено продолжить фразу «аборт – это...». Полученные ответы объединились в следующие смысловые группы:

1. *Эмоциональное неприятие аборта* («нет, нельзя, неприемлемо», «это ужасно», «плохо», «страшно», «зло» и др.);

2. *Аборт как лишение жизни, убийство* («убийство», «убийство самой себя внутри себя же», «смерть», «убийство ребенка», «лишение жизни», «грех» и др.);

3. *Аборт – это ситуация выбора, основанная на рациональных аргументах* («выбор», «ситуация дилеммы для женщины, часто неразрешимой и очень "больной", тяжелой, трудной», «осознанный выбор в пользу своей свободы», «потеря частички себя, но бывают ситуации, при которых ты не можешь оставить ребенка: отсутствие или дефицит финансовых ресурсов, болезнь, нежелательная беременность», «это вынужденная мера женщины оградить себя от последствий насилия, бедности и воспитания ребенка в нищете», «выход из трудной ситуации, независимо от причин финансовых, моральных или физиологических» и др.);

4. *Аборт – это медицинская процедура* («искусственное прерывание беременности», «операция по прерыванию беременности у женщины по разным причинам», «искусственное прерывание беременности, не более того», «удаление нежелательного плода операционным путем», «прерывание беременности в сроке до 22 недель» и др.).

На основании данных ответов выделены **четыре типа отношения женщин фертильного возраста к аборту**:

- 1) неприятие аборта на эмоциональном уровне,
- 2) неприятие аборта на когнитивном уровне (отношение к аборту как к убийству),

3) возможность аборта в зависимости от обстоятельств (отношение к аборту как к очень сложному и тяжелому выбору),

4) условное принятие аборта (отношение к аборту как к медицинской процедуре).

При описании полученных результатов исследования и для удобства в оформлении материала мы использовали краткую форму записи для обозначения типа отношения к аборту в соответствии с вышеуказанными типами: первый тип – «эмоциональное неприятие», второй тип – «убийство», третий тип – «выбор», четвертый тип – «медицинская процедура».

Для определения ценностей женщин фертильного возраста нами была использована авторская модификация Must-теста: «Как женщина я непременно должна...», «Для меня как для женщины ужасно, если...» и «Как женщина я не могу терпеть...». Для обработки данных, полученных с помощью этого теста, не существует ни стандартизированной процедуры, ни набора базовых ценностей, в соответствии с которыми анализируется полученный в ходе исследования материал. В основу набора базовых ценностей мы взяли методику ЦО–36 (ценностные ориентации – 36 позиций) В. Н. Куницыной [4] и после анализа ответов респондентов добавили в нее группу «женские ценности». Таким образом, список ценностных ориентаций включает в себя 45 позиций и подразделяется на следующие группы:

Семейные ценности: ценности безопасности (защита семьи, забота о себе, здоровье), ценности традиции (уважение традиций, полезность, религиозность), ценности межличностных отношений (настоящая дружба, понимание и доверие в семье, зрелая любовь), ценности нормативного и конформного поведения (уважение старших, терпеливость, вежливость).

Женские ценности: ценности женских ролей (жена, домашняя хозяйка, хранительница домашнего очага, мать), ценности женственности (женственность, привлекательность, мудрость женская), ценности равноправия (отсутствие половой дискриминации).

Индивидуальные ценности: ценности достижения (достижение успеха, личностный рост, честолюбие, интеллект), ценности власти, влияния (социальное признание, благосостояние, авторитетность), ценности гедонизма (потакание себе, наслаждение жизнью, удовольствие), ценности

активности и стимулирования (отвага, интересная жизнь, разнообразие жизни).

Общечеловеческие и нравственные ценности: ценности независимости (самоуважение, независимость, выбор собственных целей), ценности нравственной направленности (социальная справедливость, честность, ответственность, другие нравственные качества), ценности толерантности (внутренняя гармония, широта взглядов, терпимость), ценности духовные (мир прекрасного, смысл жизни, мудрость).

При обработке полученного материала по методике Must-тест мы учитывали то, что только ответы на выражение «Как женщина я непременно должна...» носят прямой характер и являются ценностями – целями. Ответы на выражения «Для меня как для женщины ужасно, если...» и «Как женщина я не могу терпеть...» выявляют страхи женщин и неприятие ими чего-либо, поэтому ценностью будет являться обратное значение-утверждение. Например, если женщина терпеть не может ложь, то для нее ценностью будет честность.

Для более объективной оценки данных, полученных по этой методике, был использован метод экспертных оценок. В группу экспертов вошли психологи, в том числе экзистенциального направления. Перед экспертами была поставлена задача соотнести высказывания женщин со списком ценностей, представленным выше. Экспертами было установлено, что существуют категории, имеющие в своей основе одну ценность (например, если женщина «не может терпеть хамства», то ценностью для нее выступает «вежливость»), и категории, имеющие в основе несколько ценностей (например, если женщина «терпеть не может насилие», то для нее ценностью будут «защита семьи» и «самоуважение»).

Наиболее значимыми ценностями для всех женщин фертильного возраста являются следующие: женская роль матери, защита семьи и самоуважение. Ценность «мать» – одна из женских ролей и включает в себя непосредственно деторождение, заботу о ребенке, воспитание ребенка, быть для него образцом для подражания, иметь хорошие отношения, основанные на взаимопонимании. Ценность «защита семьи» относится к группе ценностей безопасности и включает в себя обеспечение безопасности родных и тех, кого любим. Ценность «самоуважение» означает уверенность в ценности своей личности и ее достоинстве.

В данной выборке такие ценности, как «религиозность» (вера в высшие силы, приверженность

определенной вере), «авторитетность» (право вести за собой, руководить, отдавать распоряжения), «разнообразие жизни» (новизна, изменение, вызовы судьбы) и «широта взглядов» (способность видеть и соотносить разные точки зрения, опираясь на обширные знания) не представлены.

На основании анализа данных проведенного исследования нами были выявлены особенности ценностно-смысловой сферы в группах женщин фертильного возраста с различным типом отношения к аборту. Наиболее выраженными ценностями во всех группах по типу отношения к аборту являются следующие:

- женская роль матери (родить ребенка/детей, воспитание и забота о ребенке, быть для него примером);
- защита семьи (безопасность родных и тех, кого любим);
- самоуважение (уверенность в ценности своей личности, достоинство);
- зрелая любовь (глубокая эмоциональная и духовная близость);
- вежливость (хорошие манеры);
- женская роль «домашней хозяйки или хранительницы домашнего очага» (стирать, готовить, убирать, заниматься домашним хозяйством).

Такой набор ценностей показывает, что женщины ориентированы на семью, рождение ребенка, реализацию себя в качестве любящей женщины и заботливой супруги. Практически не представлены ценности, связанных с карьерой, профессиональной деятельностью. Эти данные показывают, что, несмотря на то что в России происходят серьезные трансформационные процессы, касающиеся, в том числе, и ценностей и смыслов жизни, женщины до настоящего времени являются носителями традиционных смысловых установок.

Разницы в распределении наиболее выраженных ценностей (мать, защита семьи, самоуважение, зрелая любовь, вежливость, домашняя хозяйка) во всех типах отношения женщин к аборту не выявлено, что свидетельствует о том, что влияющими и **определяющими отношение женщины к аборту являются менее значимые ценности.**

С помощью H-критерия Крускала-Уоллеса были установлены ценности, оказывающие влияние на формирование отношения женщины к аборту:

- на тип отношения «выбор» и «медицинская процедура» влияют ценности: «отсутствие половой дискриминации» ($H = 13,14, p = 0,004$); «выбор собственных целей» ($H = 10,45, p = 0,01$); «интересная жизнь» ($H = 8,34, p = 0,04$);

- на тип отношения «эмоциональное неприятие» влияет ценность «терпеливость» ($N = 9,59$, $p = 0,02$).

На основании кластерного анализа были выявлены следующие ядерные образования ценностей, формирующие у женщины тип отношения к аборту.

Дендрограмма отношения к аборту «эмоциональное неприятие» показала, что ценность «терпеливость» (спокойствие, выносливость, самообладание) объединяется в первичный кластер с ценностью «интеллект» (логика, мышление). Этот первичный кластер выступает ядерным образованием для группы, в которую входят такие ценности, как «женственность» (эмоциональность, нежность, искренность, мягкость, чуткость, уступчивость), «привлекательность» (красота, внешняя привлекательность, сексуальность), «социальное признание» (одобрение и уважение со стороны других), «ответственность» (надежность, верность делу и слову) и формирует отношение по типу «эмоциональное неприятие».

Мы предполагаем, что у женщин, обладающих вышеперечисленными характеристиками, **в основе отношения к аборту «эмоциональное неприятие» лежит желание признания другими разных сторон ее «Я» (женственность, материнство, интеллект, возможно в профессиональной деятельности), а также страх осуждения, общественного порицания за проведенный аборт.**

Дендрограмма отношения к аборту «убийство» показала, что выделяются две группы кластеров, имеющие равную значимость. Первая группа находится практически в одном семантическом пространстве ценностно-смысловой сферы женщин данного типа отношения к аборту с группой ведущих ценностей. Первичный кластер состоит из ценностей «полезность» (стремление приносить пользу другим людям) и «женственность» (эмоциональность, нежность, искренность, мягкость, чуткость, уступчивость) и притягивает к себе такие ценности, как «забота о себе» (внимание к своему статусу, интересам, здоровью, внешности), «привлекательность» (красота, внешняя привлекательность, сексуальность), «настоящая дружба» (близость, дружеская поддержка) и «благополучие» (деньги, материальное благополучие, хорошие условия для проживания). Такие характеристики скорее усиливают по своему значению ведущую группу ценностей, являются дополнением к женским ролям матери и домашней хозяйки, наполняют эмоциональностью отношения с близкими людьми.

Вторая группа состоит всего из трех компонентов. Первичный кластер составляют ценности «честность» (искренность, избегание лжи и обмана по отношению к другим людям) и «ответственность» (надежность, верность делу и слову); к нему притягивается ценность «наслаждение жизнью» (получать удовольствие от еды, любви, отдыха, физического комфорта и т. д.). По нашему мнению, именно эти ценности являются формирующими **отношение к аборту как к «убийству»**. **В основе этого отношения лежит чувство «чистоты внутри и снаружи», жизненная позиция – все должно быть надежно, честно и чисто, в том числе и в отношениях. При такой позиции тема аборта может вызывать переживание экзистенциальной вины.**

Дендрограмма отношения к аборту «выбор» показала, что ценности, оказывающие влияние на формирование отношения по данному типу (отсутствие половой дискриминации, выбор собственных целей и интересная жизнь), находятся в одном близком семантическом пространстве ценностно-смысловой сферы. Первичный кластер составляют ценности «интересная жизнь» (захватывающие приключения) и «удовольствие» (удовлетворение желаний), которые притягивают к себе ценности равной степени выраженности – «смысл жизни» (наличие жизненных целей) и «мудрость» (зрелое, выстраданное понимание и отношение к жизни и людям). Такой набор ценностей обрамляется ценностью равноправия «отсутствие половой дискриминации» и ценностью независимости «выбор собственных целей». Объединяя данные характеристики, можно предположить, что **в основе отношения к аборту «выбор» лежит стремление женщины жить осознанно и удовлетворять свои желания.**

На формирование типа отношения к аборту «медицинская процедура» оказывают влияние три ценности: выбор собственных целей, интересная жизнь, отсутствие половой дискриминации. Они образуют три группы кластеров. Центральным ядерным образованием выступает ценность «интересная жизнь» (захватывающие приключения), которая притягивает к себе ценности «женская мудрость», «отвага» (стремление к риску, поиск приключений) и «религиозность» (вера в высшие силы, приверженность определенной вере). Учитывая тот факт, что ценность «религиозность» имеет в данной выборке крайне низкую выраженность, можно ее интерпретировать как отсутствие данной ценности. На дендрограмме она занимает центральное место в семанти-

ческом пространстве ценностно-смысловой сферы. Мы считаем, что в данном кластере **основой, формирующей отношение к аборту как к медицинской процедуре, является атеистическая жизненная позиция и стремление женщины к интересной жизни, сопряженной с риском и приключениями.**

Вторая ценность, регулирующая отношение «выбор собственных целей» (самостоятельность в выборе), объединяется в первичный кластер с ценностью «понимание и доверие в семье» (стремление поддерживать доверительную атмосферу в семье) и вместе они притягивают ценность «социальное признание» (одобрение и уважение со стороны других). В основе этого кластера лежит **стремление женщины к независимости, самостоятельности и самореализации при базовом сохранении ценности семьи.**

Третья ценность, регулирующая отношение «отсутствие половой дискриминации», объединяется в кластере с ценностью «забота о себе» (внимание к своему статусу, интересам, здоровью, внешности). Они притягивают к себе группу таких ценностей, как «уважение традиций» (сохранение обычаев), «достижение успеха» (стремление к достижению целей, преуспеванию), «смысл жизни» (наличие жизненных целей) и «ответственность» (надежность, верность делу и слову). В основе данного типа отношения лежит **стремление женщины к достижению поставленных целей, основанное на независимости и равноправии.**

Таким образом, полученные данные о том, какие ценности лежат в основе каждого типа отношения женщин фертильного возраста к аборт, позволяют разработать направления психологического сопровождения женщины и ее семьи в ситуации

репродуктивного выбора, что будет способствовать снижению негативных последствий сохранения нежелательной беременности и формированию осознанного родительства.

Нами выделяются следующие направления психологического сопровождения женщины и ее семьи в ситуации репродуктивного выбора:

- индивидуальное консультирование женщины, основанное на экзистенциальном подходе, который ориентирован на актуализацию ответственности женщины за принятие решения о прерывании беременности, акцент в работе с женщиной на ценности и смыслы, которые она придает беременности;
- выстраивание позитивных отношений женщины с её ближайшим окружением, в частности с семьей;
- повышение психологической компетентности медицинского персонала, взаимодействующего с женщиной и ее семьей в ситуации репродуктивного выбора.

Список использованной литературы

1. Добряков И. В. Перинатальная психология. СПб.: Питер, 2010.
2. Куценко О. С. Аборт или Рождение? Две чаши весов: пособие для психологов и других специалистов, работающих с женщиной и ее семьей в ситуации репродуктивного выбора. СПб., 2011. 375 с.
3. Филиппова Г. Г. Психология материнства: учебное пособие. М.: Изд-во Института психотерапии, 2002.
4. Куницына В. Н. Методы изучения семейных ценностей и взаимодействия внутри семьи (ЦО-36, ПиН) // Семья в современном мире / сост. и науч. ред. В. Н. Куницына. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2010. 232 с.

УДК316.473, 316.276, 316.74:001

В статье поднимается проблема социальной обусловленности познания в социологии. В частности, анализируется соответствие знаний субъектов о социальных явлениях и процессах нормативному, идеальному, стратификационному и интеракционному измерениям структуры общества. Рассматриваются социально-когнитивные механизмы, обеспечивающие подобное соответствие: социальное сравнение, эмпатия, рефлексия и каузальная атрибуция.

Ключевые слова: социальное познание; социальная структура; эмпатия; рефлексия; каузальная атрибуция; социальное сравнение.

In the article the problem of social determination of cognition in sociology is under consideration. In particular, the correspondence of subjects' knowledge about social phenomena and processes to the normative, ideal, stratification and interaction dimensions of social structure of society is analyzed. It is argued that socio-cognitive mechanisms of social comparison, empathy, reflection and causal attribution provide correspondence of knowledge to the social structure of society.

Key words: social cognition; social structure; empathy; reflection; causal attribution; social.

А. Г. Смирнова

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: agsmirnova2001@mail.ru; agsmirnova@univ.uniyl.ac.ru

Социальное познание: взаимосвязь процессов микро- и макроуровней

Научная статья

A. G. Smirnova

P. G. Demidov Yaroslavl State University

E-mail: agsmirnova2001@mail.ru; agsmirnova@univ.uniyl.ac.ru

Social Cognition: Interconnection of the Processes on the Macro- and Micro-Levels

Scientific article

В статье поднимается проблема социальной обусловленности познания в социологии. В частности, анализируется соответствие знаний субъектов о социальных явлениях и процессах основным измерениям структуры общества. Кроме того, рассматриваются социально-когнитивные механизмы, обеспечивающие подобное соответствие.

Актуальность обращения к поставленной проблеме объясняется тем, что, несмотря на ее значимость, она не получила систематического исследования, в том числе и в силу специфики определения предмета социальной психологии и социологии, к компетенции которых относится изучение социального познания.

Истоки психологии социального познания можно найти в работах Дж. Брунера [1] и Ф. Хайдера [2]. В то время как Дж. Брунер продемонстрировал значимость прошлого опыта субъекта, его целей, намерений, важности ситуации в процессе восприятия объектов, то есть сделал вывод о социальной обусловленности познания предметного мира,

Ф. Хайдер изучил восприятие других людей и их поведение. Иначе говоря, Дж. Брунер использовал прилагательное «социальный» для обозначения особой категории факторов, определяющих протекание познавательных процессов, которые рассматриваются в общепсихологическом смысле. В свою очередь, Ф. Хайдер применил его для описания разновидности познавательных процессов, возникающих в результате осмысления социальной реальности.

Данное направление социального познания получило развитие прежде всего в социальной психологии. Согласно определению Г. М. Андреевой, термин «социальное познание» акцентирует факт социального происхождения познания. Во-первых, оно возникает и поддерживается социальным взаимодействием, решающая роль в котором принадлежит процессу коммуникации. Во-вторых, социальный характер познания обусловлен тем, что оно имеет дело с социальными объектами. В-третьих, социальное познание социально разделено, то есть его результаты

являются общими для членов определенного общества или группы [3]. Приведенное определение позволяет заключить, что социальное познание обладает спецификой направленности, условий возникновения и механизмов. В частности, Г. Москович понимает социальное познание как совокупность ментальных процессов, вовлеченных в восприятие, внимание, вспоминание, мышление, придание смысла людям в нашем социальном мире [4]. Таким образом, применение термина «социальное познание» указывает на существование *специфического объекта данного процесса*, в качестве которого выступают другие люди.

Приведенные характеристики социального познания позволяют определить специфику понимания данного процесса в психологии и тем самым установить отличия в трактовке социального познания в социологии. Так, говоря о влиянии социальных факторов на восприятие реальности, психологи рассматривают человека не как элемент социального целого, а как «самостоятельную систему, включающую подструктуру социальных отношений» [5]. Социальная структура «встраивается» в когнитивную систему субъектов, находит отражение в мыслях людей, а также в их действиях, образуя соответствующую – социальную – подструктуру личности, которая представлена знаниями об общественных процессах, социальном опыте. При этом важно отметить, что психология не уделяет внимание существующей социальной структуре как таковой, а делает акцент именно на том, как она репрезентирована в системе значений индивида. Подобные знания и опыт при определенной доле типичности будут иметь индивидуально-специфичный характер и находить отражение в образе мира, свойственном данному субъекту. Следовательно, в центре внимания психологических исследований социального познания оказывается индивид, воспринимающий других людей или социальные группы, с которыми он взаимодействует в процессе общения и деятельности, сквозь призму накопленных им знаний об общественных процессах и сформированного социального опыта.

Фактически подход к изучению социального познания в психологии предполагает анализ данных процессов на микроуровне. Этому есть несколько объяснений.

Первое связано с определением предмета социальной психологии. Как подчеркивает Г. М. Андреева, социальная психология направлена на «изучение закономерностей поведения и деятельности людей, обусловленных включением их в социаль-

ные группы, а также психологические характеристики самих этих групп» [6]. Исходя из приведенного определения, объектом социально-психологического исследования познания становится личность, действующая в социальном окружении и приобретающая такие свойства, которые обеспечивают развитие и использование социальных способностей (социальной перцепции, воображения, интеллекта) [7].

Второе объяснение связано со спецификой познания как процесса целенаправленного активного отображения действительности в сознании человека. В то же время в психологии выделяется особая категория познавательных процессов на групповом уровне, которая, однако, не является традиционной в исследованиях [8].

Изучение социального познания на микроуровне вызывает критические замечания. Как справедливо отмечают Д. Л. Морган и М. Л. Швалбе, «ограничивая свое внимание исключительно проблемами мышления индивида, исследования социального познания стали поразительно асоциальными» [9]. Иначе говоря, психология уделяет внимание особенностям познания индивида, обусловленным присутствием в его окружении других людей, включенностью в совместную с ними деятельность и общение. Однако их нельзя считать исчерпывающими. Процессы, происходящие в группах, детерминированы более широкой системой общественных отношений. В частности, группы представляют собой элементы структуры общества, образующие связи, которые составляют разные ее изменения. Поэтому важно раскрыть связи познавательных процессов и основных измерений структуры общества и ответить на вопросы: как структуры отражены в системе репрезентаций отдельных субъектов? как структуры поддерживаются (или трансформируются) в результате познавательной деятельности членов общества и как когнитивные репрезентации социальных структур влияют на формирование социальных процессов? Фактически, отвечая на поставленные вопросы, исследователь получает возможность изучать процессы социального познания не только на микро-, но и на мезо- и макроуровнях.

Социология, оперирующая понятиями «социальная структура» и «личность», создает теоретико-методологические основания для решения этой задачи. В социологических теориях знания представлены различные подходы к рассмотрению проблемы социальной обусловленности познания, того, как социальная структура находит отражение в содержании и функционировании мышления человека.

Среди них необходимо выделить фундаментальные исследования в области социального конструирования реальности П. Бергера и Т. Лукмана [10], социологии знания К. Манхейма [11], М. Шелера [12], социологии мышления К. Р. Мегрелидзе [13], когнитивной социологии А. Сикурела [14], Э. Зерубавела [15], Ю. М. Плотинского [16], теории символического интеракционизма [17], этнометодологии [18].

Отмеченные теории оставляют концептуальное пространство для интеграции в них и собственно когнитивных процессов, которые, однако, традиционно не входят в предметное поле социологического исследования. В результате когнитивная и социальная стороны этих процессов оказываются оторванными друг от друга. Познавательные процессы рассматриваются в «структурном вакууме» [19], не учитывающем все многообразие форм воздействия общественной среды. В связи с этим важно выработать интегративный подход, который позволил бы описать связи познавательных процессов и социальной структуры общества.

Для этого необходимо обратиться к понятию структуры.

Определение понятия «социальная структура»

Определение социальной структуры может быть дано в широком и узком смыслах. Социальная структура в широком смысле слова означает «совокупность отношений между различными социальными группами (классами, общностями, организациями) и социальными институтами, обеспечивающими стабильность в обществе. В узком смысле – взаимосвязанный набор социальных позиций (статусов), каждая из которых обладает определенными правами и обязанностями, необходимыми для выполнения социальных ролей. Социальная структура обеспечивает устойчивость социальной системы, ее нормальное воспроизводство» [20]. Фактически структура может быть определена как совокупность связей между элементами.

Однако в социологии существуют разные точки зрения относительно характера этих связей. Например, в рамках структурно-функционалистского подхода сложилось понимание структуры в качестве системы законов, управляющих поведением членов общества [21]. Согласно теории структуризации Э. Гидденса, социальную структуру образует совокупность правил и ресурсов, способствующая «производству/воспроизводству социальных институтов» [22]. В теориях социального конструктивизма [23] и культуральной социологии Дж. Алек-

сандера [24] структура рассматривается в качестве системы интересубъективных значений. Структуралистские теории предполагают изучение структуры общества посредством анализа глубинных лингвистических структур [25]. Структура рассматривается также с точки зрения отношений дифференциации и стратификации [26].

Многообразие определений обуславливает постановку вопроса о возможности выработать единую концепцию и даже объединить существующие трактовки. С одной стороны, подобная задача выглядит трудноразрешимой [27], поскольку отмеченные подходы подчас позволяют сделать взаимоисключающие выводы о социальной структуре. С другой стороны, неверно было бы полностью отказываться от этой возможности. Теоретико-методологическую основу для решения задачи интеграции разных подходов к определению социальной структуры составляют исследования «строения» самой структуры, согласно которым она образована взаимосвязанными измерениями, скрепленными метаструктурой, «структурой структур» [28].

Один из примеров подобной интерпретации социальной структуры представлен в работе П. Штомпки. Она определяется как многомерное образование, складывающееся из четырех измерений. Идеальное измерение представлено совокупностью идей, убеждений, взглядов, разделяемых членами общества. Нормативное измерение социальной структуры – сеть характерных для общества норм, ценностей и институтов. Интеракционное измерение представлено типичными для социальной общности паттернами взаимно ориентированных действий. Четвертое измерение связано с распределением интересов и доступа к общественным благам. На макроуровне формирование структур осуществляется посредством четырех процессов, которые соответствуют основным ее измерениям: институционализации, артикуляции идеальной структуры, связанной с возникновением стандартных убеждений, взглядов на мир, экспансии социальной структуры, кристаллизации структуры интересов, то есть возникновения прочной социальной иерархии. На микроуровне структура воспроизводится в социальной позиции личности, определенной по четырем названным измерениям [29].

Определение социальной структуры как многомерного образования создает значимые теоретико-методологические основания для изучения связей когнитивных процессов и социальной структуры общества. В частности, выделение идеального

измерения позволяет рассматривать познание не только в контексте мыслительной деятельности индивида, но и как процесс, образующий комплексные связи с нормативным, идеальным, стратификационным и интеракционным измерениями.

Взаимосвязи познавательных процессов и основных измерений структуры общества

Наиболее очевидные и видимые взаимосвязи познавательные процессы образуют с *идеальными структурами*. Они раскрываются посредством обращения к постструктуралистским теориям и культуральной социологии Дж. Александера. Обосновано утверждение, что процессы сбора и обработки информации трансформируются под воздействием *культуры* [30]. Иначе говоря, познавая реальность, субъект опирается на понятия, в которых отражен опыт предшествующих поколений. Усвоенные понятия позволяют постигать мир не с «чистого лица», а использовать знания, которые уже апробированы и закреплены в культуре.

Связи когнитивной сферы и *стратификационного измерения* социальной структуры раскрыты в социологии знания К. Манхейма [31] и когнитивной социологии Э. Зерубавела [32]. Отмеченные теории уделяют внимание проблеме дифференциации групп на основании содержания знаний и типов мышления. Иначе говоря, члены разных социальных общностей отличаются по содержанию знаний, истории когнитивной социализации, особенностям когнитивных процессов. Вместе с тем сложившиеся и циркулирующие в обществе знания служат не просто основанием для дифференциации, но также отражают отношения социального неравенства. В обществе знания обладание информацией напрямую связано с доступом к власти. В результате пересечение идеального и стратификационного измерений структуры служит основанием для возникновения социальных процессов, содержание которых связано с конкуренцией различных социальных групп за утверждение своего взгляда на жизнь в обществе.

Связи когнитивных процессов и *нормативного измерения* социальной структуры имеют двоякий характер. С одной стороны, как подчеркивают неoinституционалисты [33] и сторонники теории социального конструктивизма, институты представляют собой внешнюю манифестацию убеждений индивидов. С другой стороны, институты определяют содержание знаний и стилей мышления. В частности, Дж. Найт и Д. Норт определили познание в качестве процесса, который опирается как

на содержание индивидуального ума, так и на культурные ресурсы социума [34]. Последние представлены различными формами конвенциональных знаний, которые, с одной стороны, получили институционализацию, например, посредством отражения в различных документах, научных теориях, образовательных программах, а с другой стороны, оформились в виде верований, обыденных представлений.

Связи *когнитивных процессов и интеракционного измерения* структуры рассматриваются в микросоциологических теориях, прежде всего в теории символического интеракционизма и этнометодологии. На макроуровне подобные связи раскрыты в социологии мышления К. Мегрелидзе [35]. Перечисленные теории подчеркивают значимость социального взаимодействия и совместной деятельности, в процессе осуществления которых происходит усвоение систем знаков и интерпретационных решеток, а также выработка значений, которые применяются в процессе социального познания.

Отмеченные связи когнитивных процессов и основных измерений структуры общества позволяют рассматривать познание социальной реальности как ее конструирование, то есть как процесс перевода субъективных значений в устойчивые формы поведения и взаимодействия в социуме, которые закрепляются институтами, воспроизводятся в отношениях социальной дифференциации и социального неравенства, находят отражение в коллективных представлениях. В то же время связь когнитивных процессов и социальной структуры неверно было бы рассматривать как однонаправленную. Сложившиеся правила и нормы, привычные паттерны взаимодействия и коммуникации, распределение материального, социального и культурного капитала среди членов общества, ментальные модели выступают в качестве пред-конструкций, на которые опираются субъекты, познавая реальность.

Фактически процесс социального конструирования реальности воплощает тезис о взаимном учреждении агентов и социальной структуры. Как подчеркивает К. Уайт, агенты и социальные структуры представляют два полюса, между которыми установлены отношения напряжения [36]. Социальные структуры воспроизводятся и трансформируются посредством деятельности агентов. Однако верно и другое: ресурсы, которыми они располагают, когнитивные конструкции, правила и нормы, которым они следуют, определяются существующей структурой.

Вместе с тем, несмотря на обоснованные тезисы о взаимном учреждении агентов и структуры и соот-

ветствии деятельности индивида социальной структуре, когнитивные процессы на индивидуальном уровне вбирают в себя содержание процессов на макроуровне. Не только содержание знаний, но и характер когнитивных процессов, а также принципы их формирования соответствуют содержанию основных измерений структуры общества. В качестве теоретико-методологической основы изучения связей когнитивных процессов и социальной структуры выступает интегративная модель Дж. Александера, которая устанавливает отношения микро- и макро-связей, отдавая приоритет коллективно-нормативному уровню. Ученый полагает, что «общий абрис социальной теории может быть выведен только из коллективистской перспективы» [37]. Подобный подход к решению проблемы интеграции микро- и макроуровней изучения социального познания часто подвергается критике за недооценку значимости процессов на микроуровне. Однако это ограничение снимается самой природой социально-когнитивных процессов и механизмов, лежащих в их основе.

Механизмы социального познания

Познавая социальную реальность, субъекты пытаются найти ответы на следующие вопросы: кто я? кто мой партнер по взаимодействию? как он относится ко мне? как я выгляжу в его глазах? каковы причины моих и его действий? Источником ответа на эти вопросы может стать индивидуальный опыт субъекта. Однако даже в этом случае он вынужден соотносить свои суждения с основными аспектами структуры общества. Социально-когнитивными механизмами, устанавливающими соответствие когнитивных процессов и измерений структуры общества, выступают: социальное сравнение, рефлексия, эмпатия и каузальная атрибуция.

Соответствие устанавливается прежде всего благодаря социальной категоризации – отнесению объектов к определенной категории на основе сходств и отличий. При этом важно подчеркнуть, что социальная категоризация предполагает «упорядочивание социального окружения в терминах группировки личностей способом, который имеет смысл для индивида» [38]. Можно предположить, что таковыми, как правило, являются те характеристики, которые позволяют субъекту жить и взаимодействовать в обществе, то есть отражают существующую социальную структуру. Например, если субъект познания является членом общества, в котором принадлежность к этнической группе служит основанием для социальной дифференциации, категоризация на основе

этничности будет носить высокую информативность. Однако если он живет в моноэтническом обществе, то подобная категоризация окажется менее значимой. Как подчеркивает П. Бурдьё, категории как бы «вбирают» в себя объективные структуры общества [39]. Таким образом, содержание групповых параметров, на основе которых субъект познания склонен проводить категоризацию, обнаруживает связь между когнитивными и социальными структурами.

Социальная категоризация лежит в основе социального сравнения. В зависимости от степени воспринятых различий сравнение приводит к *различению* субъектов или установлению их тождества – *идентичности*. Значимость различения обусловлена свойственными ему социальными функциями. В частности, различение формирует и поддерживает социальный порядок за счет определения границ между группами, дифференциации их в социальном пространстве. При этом, принимая во внимание, что позиция субъекта в стратифицированном социальном пространстве создает своего рода капитал (экономический, культурный, символический), различение воспроизводит механизмы асимметрии и конструирует отношения власти. Наконец, различия, закрепленные в способах производства и общения, обретают смысл, позволяя субъекту понимать социальную реальность.

Категории, отражающие социальные позиции субъектов в обществе, задействованы, в частности, при интерпретации *причин* поведения социальных акторов и лежат в основе *атрибутивных процессов*. Они связывают объяснение поведения субъектов с их принадлежностью к той или иной социальной группе. В частности, характер атрибутивных процессов зависит от положения группы в системе социального неравенства, а также от уровня поляризации межгрупповых отношений. Например, члены групп подчиненного меньшинства, которые рассматривали сложившуюся социальную систему как не предоставляющую им возможности изменить свое положение, используют этноцентристские атрибуции, обесценивающие свою группу и одновременно оказывающие предпочтение членам аут-группы. Подчас это не только находит проявление в установках по отношению к своей и чужой группам, но и приводит также к реальному снижению эффективности деятельности, которое, в свою очередь, становится основанием для низких оценок ин-группы. Например, К. М. Стил, С. Дж. Спенсер и Дж. Аронсон, сопоставляя уровень успеваемости американских школьников и учащихся коллед-

жей, принадлежащих к этническим меньшинствам, и высокостатусных групп, пришли к выводу, что первые демонстрируют более низкий уровень успеваемости, не соответствующий их способностям [40]. Фактически имеет место феномен «выученной беспомощности», когда индивид, обладающий способностями справиться с решением задачи, под влиянием препятствий, существование которых может лишь предполагать, не добивается успеха. В проведенном исследовании в качестве подобного препятствия выступает *стереотипная угроза* – опасение индивида относительно того, что его действия будут оцениваться в соответствии с существующими (как правило, негативными) стереотипами и он совершит действия, которые подтвердят данный стереотип [41]. Таким образом, объяснение причин поведения и само его содержание сопряжено с той позицией, которую занимают объект и субъект познания в структуре общества, в частности тем ее изменениям, которое отражает отношения дифференциации и социального неравенства.

Способность взглянуть на мир глазами субъектов, принадлежащих к отличающимся социальным группам, связана с *эмпатией*. Ее значимость как когнитивного инструмента социального познания соответствует усложняющейся структуре общества постмодерна, повышению социальной дифференциации, появлению множества идеальных моделей и паттернов интеракции. В связи с этим развитие толерантного мышления, умения посмотреть на ситуацию глазами других субъектов необходимо по причине «появления и сосуществования многочисленных сообществ, которые функционируют относительно самостоятельно и отнюдь не проявляют тенденции к солидарности» [42]. В результате развитие толерантного мышления способствует закреплению, легитимации и воспроизводству социального многообразия в обществе.

Рефлексия как механизм познания позволяет субъектам, во-первых, производить знания в ходе совместной деятельности и других форм социального взаимодействия (этнометология Г. Гарфинкеля), во-вторых, определять особенности идентичности субъекта как члена общества (символический интеракционизм) [43]. Более того, рефлексия позволяет конструировать социальную реальность. Отмеченная сторона рефлексии как социально-когнитивного механизма показана Дж. Александером, который различает «старую» и «новую рефлексивность» [44]. *Первая предполагает отражение социальной и институциональной дифференциации,*

имеющей дело с естественными причинами возникновения конфликтов интересов между институтами, чья реальность воспринимается как сама собой разумеющаяся. Иначе говоря, предметом мыслительной деятельности субъектов становилась деятельность институтов, осуществляемые ими функции и соответствие этих функций реалиям общества. Фактически рефлексия позволяет отражать социальную реальность, воспроизводить ее. В свою очередь, новая рефлексивность указывает на процесс культурного конструирования реальности, в том числе посредством СМИ. Он отмечает, что новости больше не преподносятся как происходящие естественным образом. Они передаются средствами массовой информации в виде нарративов, историй, которые должны не просто отражать реальность, а управлять впечатлениями [45]. Реальность как бы создается заново осмысливающими ее субъектами в соответствии с конкретными задачами.

Таким образом, рефлексия как когнитивный инструмент соответствует изменчивости и многообразию социальной жизни общества, которая требует от субъекта осознания, отслеживания ситуации с целью построения отношений с другими, понимания собственного места в социуме. Например, Э. Гидденс рассматривает рефлексивность и как «наблюдаемое свойство и характерную особенность движущегося потока социальной жизни» [46]. Данный тезис является следствием предположения о том, что реализация социальных практик требует от субъекта постоянного отслеживания эффекта своих действий, то есть рефлексивности. Последняя становится возможной, если практики воспроизводятся последовательно и непрерывно в соответствии с логикой развития социальных процессов в данном месте и времени. Иначе говоря, осознание субъектами того, как они воспринимаются другими, каковы последствия совершаемых ими действий, одновременно означает воспроизводство социальных явлений и процессов, характеризующих жизнь общества. В представленном подходе рефлексия выступает как условие существования, воспроизводства и изменения социальной структуры.

Вместе с тем рефлексия – это и когнитивный процесс. Как подчеркивает Э. Гидденс, знания, которыми располагают субъекты, «не являются чем-то второстепенным по отношению к устойчивым моделям социальной жизни, но представляются нам важной составляющей частью их» [47]. Тем самым посредством рефлексии осуществляется взаимопроникновение познавательных и социальных процессов в обществе.

Завершая рассмотрение когнитивных механизмов социального познания, необходимо подчеркнуть, что рефлексия, эмпатия, сравнение и каузальная атрибуция позволяют субъекту не просто осуществлять восприятие и типизацию социальных фактов, но воспроизводить структуру общества. В частности, все перечисленные механизмы вносят вклад в воспроизводство социальной дифференциации. Кроме того, категории, применяемые субъектами в процессе социального познания, выступают в качестве одной из составляющих идеального измерения. Рефлексия необходима для осуществления коммуникации и совместной деятельности (интеракционное измерение). Атрибутивные процессы отражают статификационный и нормативный изменения социальной структуры. В частности, приписывание мотивов поведения основывается на нарушении или поддержке членами общества существующих правил и норм взаимодействия [48].

Таким образом, наблюдается соответствие среды и тех инструментов, которые применяются для ее познания.

Выводы

Проведенный анализ позволил установить взаимосвязи познавательных процессов на микроуровне и нормативного, идеального, стратификационного и интеракционного измерений структуры общества, образующих уровень макросвязей. При этом в установлении взаимосвязи ключевое значение приобретают социально-когнитивные механизмы социального сравнения, эмпатия, рефлексия и каузальная атрибуция. Иначе говоря, наряду с социальными процессами институционализации, артикуляции идеальной структуры, связанной с возникновением убеждений и социальных представлений, кристаллизации структуры интересов и возникновения социальной иерархии, которые протекают на макро- и мезоуровнях, конструирование социальной реальности опирается и на когнитивные процессы микроуровня.

Сделанный вывод имеет ряд следствий. С одной стороны, установление взаимосвязей познавательной деятельности индивидов и социальной структуры общества позволяет уйти от структурализма и подчеркнуть роль агентов в создании, воспроизводстве и изменении социальной структуры. С другой стороны, уделяя внимание значимости мыслительной активности, исследователи социальных процессов не выходят на микроуровень. Теоретический анализ позволил доказать, что когнитивные процессы сравнения, рефлексии, эмпатии и каузальной атрибуции

не просто воспроизводят структуру общества. Имеет место своего рода изоморфизм когнитивных процессов и той социальной среды, в которой они развиваются. При этом направленность познавательной деятельности определяется явлениями и процессами макроуровня, которые, однако, не имеют детерминирующего характера. Познавательная активность членов общества, которые прошли когнитивную социализацию, освоили системы знаков, существенна как для воспроизводства, так и для изменения структуры.

Отмеченные следствия важны для уточнения и развития базового постулата конструктивистской онтологии о взаимном учреждении агентов и социальной структуры. Подобное состояние достигается за счет совокупности не только социальных, но и когнитивных процессов микроуровня, которые не получили систематического изучения в социологии. В связи с этим проведенное исследование способствует развитию *проблемы познания в социологии*. Социология социального познания определена как отрасль социологического знания, которая уделяет внимание социальной детерминации форм знания, а также условиям его хранения, передачи и использования различными социальными группами, включенными в реализацию деятельности и воспроизводство сложившихся социальных практик. Кроме того, затрагиваются вопросы о том, как существующие знания влияют на становление и функционирование социальных институтов, социальной структуры и какую роль они, в свою очередь, играют в производстве знаний.

Список использованной литературы

1. Брунер Дж. Психология познания: За пределами непосредственной информации. М.: Прогресс, 1977. 413 с.
2. Heider F. Social Perception and Phenomenal Causality // *Psychological Review*. 1944. Vol. 51. № 6. P. 358–374.
3. Андреева Г. М. Психология социального познания. М.: Аспект Пресс, 2000. С. 51.
4. Moskowitz G. B. *Social Cognition. Understanding Self and Others*. N. Y.: The Guilford Press, 2005. P. 3.
5. Шкуратов В. Историческая психология. Ростов н/Д.: Город N, 1994. С. 162.
6. Андреева Г. М. Указ. соч. С. 11.
7. Бобнева М. И. Социальные нормы и регуляции поведения. М.: Наука, 1978. С. 42–43.
8. Андреева Г. М. Указ. соч. С. 45.
9. Morgan D. L., Schwalbe M. L. *Mind and Self in Society: Linking Social Structure and Social Cognition*

- // *Social Psychology Quarterly*. 1990. Vol. 53, Issue 2; Special Issue: Social Structure and Individual. P. 149.
10. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
11. Mannheim K. Ideology and Utopia. Collected Works of Karl Mannheim. Vol. 1. L.; N. Y., 1997. 318 p.
12. Шелер М. Социология знания. М.: Директ-Медиа, 2007. 51 с.
13. Мегрелидзе К. Р. Основные проблемы социологии мышления. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 488 с.
14. Cicourel A. Cognitive Sociology: Language and Meaning in Social Interaction. N. Y.: Free Press, 1974. 189 p.
15. Zerubavel E. **Social Mindscapes: an Introduction to Cognitive Sociology**. Cambridge; L.: Harvard University Press, 1999. 164 p.
16. Плотинский Ю. М. Проблемы развития общества знания: социокогнитивный подход // Информационное общество. 2008. № 5–6. С. 43–50.
17. Блумер Г. Социологические импликации мышления Джорджа Герберта Мида // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11. Социология: Реферативный журнал / РАН; ИНИОН. М., 2008. № 1. С. 114–133.
18. Ионин Л. Г. Социология как non-fiction. О развитии этнометодологии // Социологический журнал. 2006. № 1/2. С. 74–90.
19. Morgan D. L. Op. cit. P. 148.
20. Социология / под ред. П. С. Ермишина, Д. З. Мутагирова, Н. Г. Скворцова. СПб.: Питер, 2004. С. 391.
21. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / пер. с фр. А. Б. Гофмана. М.: Канон, 1995. 352 с.
22. Гидденс Э. Устройство общества: Очерки теории структуризации. М.: Академический проект, 2005. С. 68.
23. Klotz A., Lynch C. Strategies for Research in Constructivist International Relations. Armonk; N. Y.: M. E. Sharpe, 2007. 135 p.
24. Alexander J. C. The Social Construction of Moral Universals // Remembering the Holocaust: A Debate. N. Y.: Oxford University Press, 2009. P. 3–103; Alexander J. C. Why Cultural Sociology Is Not 'Idealist'. A Reply to McLennan // *Theory, Culture & Society*. 2005. Vol. 22. № 6. P. 19–29.
25. Ритцер Дж. Современные социологические теории. СПб.: Питер, 2002. С. 523–524.
26. Радаев В. В. Экономическая социология. М.: ГУ ВШЭ, 2008. 602 с.; Сорокин П. Человек, цивилизация, общество. М.: Политиздат, 1992. 543 с.
27. Руткевич М. Н. Социальная структура. М.: Альфа-М, 2004. С. 49.
28. Штомпка П. Понятие социальной структуры: попытка обобщения // Социологические исследования. 2001. № 9. С. 3–13; Wight C. **Agents, Structures and International Relations: Politics as Ontology**. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 218.
29. Штомпка П. Указ. соч.
30. Alexander J. C. The Social Construction of Moral Universals; Why Cultural Sociology Is Not 'Idealist'. A Reply to McLennan.
31. Mannheim K. Op. cit.
32. Zerubavel E. Op. cit.
33. Knight J., North D. C. **Explaining the complexity of institutional change** // The political economy of property rights / Ed. by Weimer. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 349–354; North D. C. Institutions // *The Journal of Economic Perspectives*. 1991. Vol. 5. № 1. P. 97–112.
34. Knight J., North D. C. Op. cit.
35. Мегрелидзе К. Р. Указ. соч.
36. Wight C. **Agents, Structures and International Relations: Politics as Ontology**. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 175–176.
37. Цит. по: Ритцер Дж. **Современные социологические теории**. СПб.: Питер, 2002. С. 423.
38. Андреева Г. М. Указ. соч. С. 184.
39. Бурдые П. **Социальное пространство и генезис классов** // Вопросы социологии. 1992. № 1. С. 21.
40. Steel C. M., Spencer S. J., Aronson J. Contending with Group Image: the Psychology of Stereotype and Social Identity Threat // *Advances in Experimental Social Psychology*. 2002. Vol. 34. P. 379–440.
41. Ibid. P. 389.
42. Кравченко С. А. **Социология модерна и постмодерна в динамически меняющемся мире**. М.: МГИМО-Университет, 2007. С. 184–185.
43. Абельс Х. **Интеракция, идентификация, презентация: Введение в интерпретативную социологию** / пер. с нем. яз. под общ. ред. Н. А. Головина и В. В. Козловского. СПб.: Алетейя, 1999. 272 с.
44. Александер Дж. С. Демократическая борьба за власть: президентская кампания в США 2008 г. // Вестник МГИМО-Университета, 2009. № 1. С. 70.
45. Там же. С. 70.
46. Гидденс Э. Указ. соч. С. 40.
47. Там же. С. 71.
48. Cohen R. Threat Perception in International Crisis // *Political Science Quarterly*. 1978. Vol. 93. № 1. P. 93–107.

В статье содержатся описание и анализ особенностей соседства как социального института. Изложены результаты авторского социологического исследования, посвященного изучению характеристик соседского сообщества, его функций и специфики процессов коммуникации между соседями.

Ключевые слова: город; соседство; социальный статус; роль; коммуникация.

The article contains a description and analysis of the characteristics of the neighborhood as a social institution. The results of the author's sociological research devoted to the study of the characteristics of the neighboring community as well as its features and the specifics of the processes of communication between neighbors are summarized.

Keywords: city (town); neighborhood; social status; role; communication.

Л. Д. Руденко

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: Rudenko@uniyar.ac.ru

Особенности соседства как социального института*

Научная статья

L. D. Rudenko

P. G. Demidov Yaroslavl State University

E-mail: Rudenko@uniyar.ac.ru

Features of the Neighborhood as a Social Institution

Scientific article

Соседство – один из основных элементов городской жизни. Оно присуще любому поселению людей или даже группе поселений, территориально удаленных друг от друга, в местах низкой плотности населения. В настоящее время роль соседских сообществ возрастает в силу необходимости решать местные проблемы, которые касаются многих сфер общественной жизни. Например, оборона своей территории от «чужих», протест против повышения тарифов ЖКХ или размещения на территории нежелательных зданий, точечной застройки; реконструкция исторически важных объектов; благоустройство своей территории и повышение ее безопасности; организация досуга жителей разных возрастов и т. д.

Особенно актуально изучение соседского сообщества в условиях городской сегрегации применительно к классу состоятельных людей, которые планируют городское пространство под свои нужды, в результате чего происходит формирование престижных районов и элитарных пригородов. В противовес этому процессу выступает локализация бедности.

Будучи универсальным видом социального взаимодействия, соседство всегда привлекало внимание социологов. А. Хантер определил

соседство как уникально сцепленные звенья социально-пространственной организации, на которые воздействуют силы и институты огромного общества и рутина каждодневной жизни.

В зарубежной социологии представлен ряд теоретических подходов и методик изучения соседских сообществ. Так, в рамках социологии пространства можно выделить прежде всего таких авторов, как Э. Дюркгейм и Г. Зиммель. Изучением проблем соседских общин в современном западном городе занимались также исследователи чикагской школы: Л. Вирт, Р. Парк, Х. Зорбаух, Э. Берджесс. К числу представителей экономической школы, внесших наибольший вклад в исследование этого вопроса, относятся такие известные ученые, как Р. Линд, Э. Линд. Среди современных авторов данной проблемой занимались М. Янович, Т. Саттлс, К. Фишер, С. Грир.

Для отечественной социологической науки проблематика соседских общин является достаточно новой. Можно отметить таких исследователей, как Е. Г. Трубина, И. Кокарев, Е. Шомина.

Под соседским сообществом мы будем понимать городское сообщество людей, объединенное

* Статья подготовлена в рамках государственного задания вузу Минобрнауки РФ (№ 6.4549.2011).

географически, разделяющее общую культуру, ценности, обладающее общими расовыми, национальными, социальными признаками.

Можно предположить, что соседское сообщество выполняет те же функции, что и социальный институт, а именно:

- продуцирует формальные и неформальные нормы и правила, регулирующие действия членов данного сообщества;

- создает необходимые условия для удовлетворения потребностей его членов (собрания, выборные должности, возможность обращения с жалобами в вышестоящие инстанции);

- формирует партнерские отношения между соседями, социально интегрируя их в единую организацию и обеспечивая социализацию индивидов, исходя из свода правил, присущих каждому сообществу соседей;

- устанавливает отношения сотрудничества между жителями и внешними организациями и институтами;

- определяет социальные барьеры для вхождения «нежелательных» членов общества независимо от пространственной близости или разнообразия соседей¹.

Из всего спектра характеристик соседского сообщества мы остановимся лишь на некоторых, в наибольшей мере отвечающих требованиям социального института.

С целью изучения особенностей соседства как социального института нами было проведено социологическое исследование. Под социальным институтом понималось специфическое образование, обеспечивающее относительную устойчивость связей и отношений в рамках социальной организации общества, некоторые исторически обусловленные формы организации и регулирования общественной жизни [1].

Для достижения поставленной цели потребовалось решить ряд следующих задач:

- исследовать сферу взаимоотношений внутри соседств;

- изучить факторы, влияющие на сплоченность соседской общины;

- проанализировать признаки социального института внутри соседского сообщества.

Объектом исследования выступили соседские общины, предметом исследования – характеристики соседства как социального института.

¹ Так, Л. Вирт отмечал, что две группы могут занимать территорию, не утратив своей идентичности, так как каждой стороне позволено жить своей внутренней жизнью.

В соответствии с поставленной целью была выдвинута следующая основная гипотеза: соседское сообщество соответствует характеристикам социального института. Исходя из поставленных задач были выдвинуты частные гипотезы:

- факторами, способствующими объединению жителей в соседское сообщество, являются: связи между детьми, общие коммунальные проблемы, зона отдыха, защита «среды обитания»;

- на сплоченность соседей влияет размер дома;

- на сплоченность соседей влияет тип собственности.

Социологическая информация была собрана с помощью анкетного опроса, т. к. именно этот метод позволяет получить информацию о субъективном мире людей, их склонностях и мотивах деятельности. Более того, данный метод предоставляет респондентам возможность обдумать предложенные вопросы, а исследователю получить информацию в сжатые сроки и проконтролировать полноту заполнения анкеты.

Анкета состояла из 37 вопросов (восемь вопросов формировали «паспортчику»), которые были распределены по следующим смысловым блокам:

- вопросы, с помощью которых мы выявили характеристики респондента как соседа (срок проживания в доме, тип жилья, мотивы выбора жилья, «элитность» жилья и др.);

- вопросы, направленные на изучение особенностей коммуникации между членами соседского сообщества (ситуации знакомства с соседями, темы общения, возможные взаимопомощь и конфликты между соседями и т. д.);

- вопросы, ответы на которые позволили проанализировать особенности соседства как социального института (функции соседского сообщества, формальные и неформальные организации соседского сообщества, возможность сегрегации и т. д.).

В связи с поставленной целью для нас важным являлось также изучение социального и профессионального статуса членов соседского сообщества, причин, послуживших поводом объединения соседей в сообщество, ситуации взаимоотношения соседей. Особое внимание в исследовании уделено анализу основных проблем соседского сообщества, например способам разрешения конфликтных ситуаций.

По таблицам В. И. Паниотто был определен объем выборки – 250 человек [2]. Фактическая ошибка выборки составила 7 %. Объектом социологического исследования выступили жители города Ярославля в возрасте от 18 до 70 лет, объединенные в сосед-

кие сообщества. Отбор респондентов осуществлялся с помощью неслучайной квотной выборки.

Основными критериями отбора респондентов для данного исследования явились следующие факторы:

- принадлежность к соседскому сообществу;
- возраст от 18 до 70 лет;
- проживание в многоквартирном (50 % респондентов) и малоквартирном доме (50 % респондентов).

Данное исследование проводилось в несколько этапов:

1. Разработка инструментария.
2. Сбор социологических данных (проведение опроса).
3. Обработка результатов опроса с помощью программы SPSS.

4. Анализ результатов.

Обработка результатов исследования проводилась с помощью программы SPSS.

В исследовании приняли участие 44 % мужчин и 56 % женщин, что соответствовало половой структуре города. Абсолютное большинство ответивших (94 %) – русские, что также соответствовало национальной структуре города.

Уровень образования респондентов оказался достаточно высоким: доля лиц с высшим образованием составила почти 53 %, со средним специальным образованием – 27 %, со средним – 20 %. В результате обработки данных мы можем констатировать высокую образованность отобранных респондентов.

Большинство респондентов состоят в браке (73 %), имеют детей более половины (60 %) опрошенных, что может обуславливать их активность в создании более благоприятных условий проживания.

Свое материальное положение большая часть респондентов (80 %) определили как среднее (денег хватает на одежду, еду и мелкую бытовую технику, но покупка товаров длительного пользования, например холодильника, вызывает затруднение); 7 % – как низкое (не хватает денег на еду и одежду); 11 % – как высокое (можем позволить себе купить практически все); 2 % отказались от ответа на этот вопрос.

Итогом проведенного нами исследования стали следующие результаты.

По социальному статусу респонденты распределились следующим образом: 50 % – работающие, 20 % – студенты, 15 % – пенсионеры, 15 % – безработные, в т. ч. домохозяйки.

Большинство опрошенных жителей проживали в собственной квартире – 83 %, в муниципальных квартирах – 5 %, в арендуемой квартире – 12 %.

Эта тенденция характерна почти в равной мере для жителей как многоквартирных домов, так и малоквартирных. При этом респонденты разных групп не продемонстрировали разницы в восприятии соседа: большинство респондентов рассматривают соседа как «человека, живущего рядом и готового всегда помочь».

Среди опрошенных жителей обоих типов домов преобладают те, кто знают всех своих соседей по лестничной клетке – свыше 80 %. Опрос также показал, что в малоквартирных домах всех соседей знают 60% респондентов, в то время как в многоквартирных – всего 15%. Таким образом, можно сделать вывод, что на сплоченность жителей влияет размер дома.

В ходе обработки данных подтвердилась гипотеза, что тип собственности влияет на степень вовлеченности жителей в сообщество: большая часть респондентов, арендующих жилье (85 %), не знают своих соседей и предпочитают с ними не общаться, причем как по формальным, так и по неформальным поводам. При этом в группах жителей, владеющих собственным жильем или живущих в муниципальных квартирах, такой вариант ответа выбрали 20 и 31 % респондентов соответственно.

Опрошенным также задавался вопрос о мотивах выбора жилья: «Чем Вы руководствовались при выборе места жительства?» Ответы распределились следующим образом: интересовали прежде всего район (94 %), доступность инфраструктуры (54 %), стоимость квадратного метра (46 %), социальное окружение (42 %). Стоит отметить, что вариант ответа «социальное окружение» в большей степени выбирали жители малоквартирных домов (74 % от всех ответивших), а вариант «стоимость квадратного метра» – многоквартирных (68 %). Вариант «престижность жилья» не выбрал ни один респондент.

Согласно ответам опрошенных, незнакомые люди во дворе вызывают больше негативных эмоций у жителей малоквартирных домов, чем у многоквартирных, – 67 % и 31 % соответственно. Последние предпочитали к незнакомым людям относиться нейтрально – 53 %.

Как мы уже отмечали, большая часть респондентов имеет детей, в связи с чем многие вопросы анкеты касались взаимодействия детей и родителей. У большинства опрошенных дети гуляют во дворе по месту жительства, ходят в один детский сад и школу вместе с детьми соседей – 92 %. На вопрос: «Что Вы обсуждаете при встрече со своими соседями?» – значительное число жителей выбрали вариант ответа

«воспитание детей» (28 %). В качестве наиболее распространенного места встреч с соседями большинство опрошенных также выбрали детскую площадку (52 %). Таким образом, можно сделать вывод, что наличие детей и связи между ними способствуют объединению жителей в соседское сообщество.

Стоит отметить, что о данной зависимости писал еще Харви Зорбаух в книге «Золотой берег и трудности» (1929 г.), описывая искусную технику проникновения новичков в престижные районы за счет использования детей как средства (через обучение в одних учебных заведениях) знакомства и установления контактов.

Для того чтобы определить особенности решаемых в соседской общине проблем, респондентам был задан ряд вопросов, раскрывающих способ решения конфликтных ситуаций, причины их возникновения, ситуации для взаимопомощи и т. д.

У большинства респондентов (75 %) конфликтные ситуации возникали по причине бытовых проблем (курение на лестничной площадке, ремонтные работы в позднее время, шум в ночное время), у 16 % конфликты носили личный характер, еще у 9 % были связаны с выборами в правление товарищества собственников жилья. Практически все респонденты отметили желание решать проблемы неформально, при личной беседе.

Более половины опрошенных (86 %) ответили, что хотя бы один раз обращались за помощью к соседям, при этом все отметили, что их просьбы были удовлетворены. Нас также интересовал вопрос, как часто респонденты общаются со своими соседями: каждый день общаются 91 %, раз в неделю – 7 %, раз в месяц – 2 % респондентов.

Еще один важный аспект взаимодействия соседей – это наличие бытовых проблем, решение которых поможет сделать более благоустроенными дом и дворовую территорию. Результаты опроса показали, что значительная часть опрошенных (38 %) обсуждают вопросы, связанные с коммуникациями (газ и водоснабжение), 29 % – с озеленением территории, 25 % – с воспитанием детей, 8 % – с организацией совместных мероприятий.

На вопрос о наличии забора только 15 % опрошенных ответили утвердительно. Среди основных

причин возведения забора респонденты назвали: чувство безопасности, возможность прогулки, защита от чужих машин.

Более половины опрошенных (87 %) ответили, что соседское сообщество играет важную роль в их жизни, при этом 70 % из них отметили, что иногда подстраивались под просьбы или требования соседского сообщества.

Таким образом, в результате проведенного исследования можно сделать вывод, что соседские сообщества создают условия для социальной интеграции жителей в единую организацию, обеспечивают социализацию индивидов, исходя из определенного свода правил, удовлетворяют потребности его членов (собрания, выборные должности, возможность обращения с жалобами и т. д.), что подтверждает нашу основную гипотезу.

Проанализировав результаты исследования и используя типологию М. Готдинера [3], также можно сделать вывод, что доминирующим по своим признакам является оборонительное или взаимодействующее соседство. Об этом говорят следующие показатели:

- высокая степень знакомств внутри соседств, что является отличительным признаком оборонительного соседства. Подавляющее большинство респондентов знакомы со своими соседями (по лестничной клетке, подъезду, дому) или хотя бы знают их в лицо;
- важность для проживания социального окружения, что также является отличительной чертой оборонительного соседства;
- наличие общих проблем;
- взаимодействие не только по формальным, но и по неформальным ситуациям.

Список использованной литературы

1. Гавра Д. П. Социальные институты. URL: <http://www.xserver.ru/user/sozin> (дата обращения 25.05.2013 г.).
2. Паниотто В. И. Количественные методы в социологических исследованиях. Киев: Наукова думка, 1982.
3. Вагин В. В. Городская социология. М.: Школа муниципального управления, 2000.

УДК 316.334.52; 316.334.56

В статье изучаются современные социологические исследования, посвященные этническому предпринимательству – феномену, который в больших городах стал повседневным фактом экономической и социальной жизни.

Ключевые слова: миграция; рыночная экономика; предпринимательство; этническое предпринимательство; социологические исследования.

The article is devoted to the studies of contemporary sociological research of ethnic entrepreneurship – a phenomenon, which has become a daily fact of economic and social life in big cities.

Keywords: migration; market economics; entrepreneurship; ethnic entrepreneurship; sociological studies.

М. В. Афонин

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: m-afonin@mail.ru

К вопросу о феномене «этнического предпринимательства» в современной социологии города*

Научная статья

М. V. Afonin

P. G. Demidov Yaroslavl State University

E-mail: m-afonin@mail.ru

To the Question on the Phenomenon of «Ethnic Entrepreneurship» in Modern Sociology of the City

Scientific article

Массовые миграции второй половины XX в. породили множество социологических исследований адаптации и ресоциализации иммигрантов в условиях рыночной экономики [1]. Одной из значимых сфер этих исследований стала проблема чрезмерной концентрации переселенцев в определенных секторах экономики. В дальнейшем этот феномен получил название «этническое предпринимательство».

Модели этнического обособления были предложены в 70-х гг. прошлого века в трудах Э. Боначич [2], где автор утверждает, что к антагонизму, который находит свое выражение в этнических терминах, приводят не расово-культурные различия, а экономический конфликт между тремя типами акторов: владельцами предприятий, высокооплачиваемыми местными рабочими и готовыми работать за любые деньги иммигрантами.

Спустя десятилетие Р. Уоддинггер предложил оригинальную микроэкономическую теорию иммигрантского бизнеса [3]: основой успеха миг-

рантов становится не постепенное вытеснение местных предпринимателей в результате жесткой конкуренции и недоступной для них групповой мобилизации, а занятие рыночных ниш, пустующих в силу малой прибыльности, непостоянного спроса и значительной рискованности капитальных вложений. Главный вывод его теоретических построений таков: с одной стороны, этническая экономика оказывается производной от экономики принимающего общества, с другой – имеют значение культурные ресурсы этнических сообществ и исторические обстоятельства иммиграции. Согласно экономической логике этнические предприниматели занимают особое место в иерархии принимающего общества. Механизм интеграции в экономику через занятие покинутых местным бизнесом рыночных ниш позволяет фиксировать «выявленную стратификацию», подразумевающую шкалированную самим обществом социально-профессиональную структуру занятости.

* Статья подготовлена в рамках государственного задания вузу Минобрнауки РФ (№ 6.4549.2011).

В дальнейшем в исследованиях особое внимание стало концентрироваться на институциональных/правовых ограничениях, накладываемых принимающим обществом на деятельность предпринимателей-иммигрантов [4]. Здесь речь идет о неэкономических типах изоляции иммигрантских сообществ. К примеру, во многих европейских странах развитие этнического бизнеса сдерживалось ограничительной иммиграционной политикой. Кроме того, в ряде экономических сфер условия входа на рынок не позволяют иммигрантам открывать свой бизнес [5].

Таким образом, причины, по которым иммигранты приходят в бизнес именно как замещающая группа, обусловлены целым комплексом экономических, социальных и психологических факторов.

Мощным стимулом к развитию предпринимательской деятельности является блокировка мобильности. Суть ее в том, что иммигранты испытывают определенные трудности на местном рынке труда: недостаточное владение языком страны, в которую они приехали, неадекватные или неподходящие навыки, возрастные ограничения, дискриминация. Не имея таких возможностей, какие есть у коренного населения, иммигранты для стабильной карьеры чаще делают выбор в пользу открытия собственного дела и испытывают меньше страха перед сопряженными с этим рисками.

К развитию навыков ведения бизнеса подталкивает иммигрантов и ограниченность доступных им видов работ и возможностей заработка. Коренное население, как правило, не стремится приобретать определенные навыки, если отдача от требуемых для этого инвестиций в образование и подготовку меньше, чем отдача от сходных видов работы. Для иммигрантов же приобретение таких навыков может оказаться более выгодным именно в силу того, что их доступ к хорошо оплачиваемым рабочим местам затруднен.

Подобным же образом объясняется и готовность иммигрантов к более продолжительному рабочему дню, который позволяет воспроизводить оборотный капитал или обеспечивать экономию от масштаба. Индивидам, не имеющим доступа к рабочим местам с высокой почасовой оплатой, такие виды деятельности, как частный извоз или работа в магазине с раннего утра и до поздней ночи, позволяют получить максимальное вознаграждение за вложенные усилия.

Основополагающим становится тот факт, что переселенцы придают большее значение не возможностям, предлагаемым на местном рынке

труда, а самостоятельному решению проблемы обеспечения себя средствами к существованию, что находит подтверждение в работе И. Лайта и С. Карагеоргиса [6]. Выделяя принципы этнических экономик, авторы пришли к выводу, что обязательной их чертой (помимо использования ресурсов этнической солидарности) является характер занятости иммигрантов в принимающем обществе. В качестве примера может служить ориентировка этнических предприятий на удовлетворение спроса на «этнические» товары. Такая чисто экономическая перспектива, тем не менее, не исключает необходимости объяснять, почему достижения разных меньшинств различаются. Помимо традиционных объяснений, связанных с использованием этнических ресурсов, есть точка зрения, согласно которой в данном случае проявляется классовая солидарность: «...Классовая принадлежность в стране исхода предшествует и репродуцирует себя в принимающей стране...» [7].

Американский социолог М. Грановеттер выдвинул тезис «включенности» экономической деятельности в социальные отношения: действия и решения экономических субъектов вовсе не свободны от политических или этнических влияний, сама среда экономической деятельности может быть в известном смысле этнически определена [8]. На основе анализа практики этнического бизнеса М. Грановеттер делает вывод о том, что расширяющиеся семейные связи и солидарность могут создать препятствия для предпринимателя, если он будет вынужден поддерживать не только близких, но и дальних родственников, несмотря на то что на стадии организации предприятия семейные связи служат известным преимуществом для бизнесмена-иммигранта. Он обращает также внимание на другой важный аспект предпринимательской деятельности (в том числе, и этнического бизнеса) – установление отношений доверия. По его мнению, в общественных и социальных группах, члены которых изолированы друг от друга, бизнесменам чрезвычайно трудно доверять друг другу, что абсолютно необходимо для экономической кооперации.

Существуют также и психологические факторы, объясняющие склонность иммигрантов к малому бизнесу. В социологических исследованиях владелец малого предприятия зачастую описывается как анахроничный тип, стремящийся к автономии и независимости. По мнению Х. Олдрич, данный подход предполагает, что предпринимательство есть продукт решений изолированных друг от друга

индивидов, и в результате упускается из виду вопрос о том, почему разные группы поставляют разное количество малых предпринимателей [9].

Традиционный подход также не позволяет объяснить социальное давление, побуждающее индивидов и группы к занятию малым бизнесом, в том числе и к самой иммиграции. Расставание с собственным домом и решение начать жизнь в новой стране само по себе является элементом механизма отбора: рабочие, избравшие путь иммиграции, как правило, более умелы, лучше подготовлены и более склонны к риску, нежели те, кто остался дома. Такие характеристики обеспечивают иммигрантам преимущество и в конкуренции с коренным населением на низкооплачиваемом рынке труда: иммигранты выгодно отличаются наличием у них мотивации, склонности к риску и способности к адаптации. Кроме того, в силу различий в уровне оплаты труда на родине и в новой стране, иммигранты довольствуются низкой прибыльностью малого бизнеса.

Необходимо констатировать, что основной, хотя и не единственный, контекст изучения тематики этнического бизнеса в западной традиции – адаптация иммигрантов. Распространено понимание, что мигранты, оказываясь в иноэтнической среде и становясь меньшинством, используют «этничность» как один из ресурсов, что помогает им определиться с моделью экономического поведения и решить свои насущные бытовые проблемы, прежде всего дискриминацию, фобии и насилие со стороны принимающего большинства. Поэтому мигранты нередко «выбирают» местом жительства анклав, а местом работы – «этническое предприятие».

Таким образом, в интерпретациях западных теорий этнического предпринимательства на первый план выходят рациональные стратегии. Отмечается, что сложности адаптации иммигрантов к социальным и экономическим условиям принимающих обществ ограничивают их возможность добиться значительных успехов. Наряду с этим конкретные стратегии адаптации определяются предысторией и мотивами миграции. В ходе борьбы за существование используются не только этнические (основанные на идентификации человека с определенным этническим сообществом), но и все возможные ресурсы.

Обращение отечественных исследователей, вслед за западной традицией, к изучению феномена «этнического предпринимательства» становится тенденцией начиная с 1990-х гг. XX в. Российский опыт изучения этнического предпринимательства

сочетает в себе как преемственность западных теоретических традиций, так и учёт российской действительности. Согласно точке зрения А. Андреева, «...в бывшем СССР экономическая дифференциация этносов приобрела такие формы, которые делают невозможными прямые аналогии с другими странами. В большинстве случаев этнические предприниматели в России не столько встраиваются в систему существующих экономических отношений, как в США и странах Западной Европы, сколько распространяют этнические уклады на территорию других этносов, что вполне закономерно воспринимается как экспансия...» [10].

В. В. Радаев считает, что этнические меньшинства служат наиболее выпуклым примером маргинальной среды, постоянно исторгающей из себя все новые и новые группы предпринимателей [11]. По его мнению, маргинальные группы населения отличает определенный набор социальных свойств, среди которых – низкий статус, чужая культурная среда, языковые барьеры, а для большинства вчерашних иммигрантов и беженцев – нелегкая смена занятий, на которую идут ввиду еще более непростой ситуации в покинутой ранее стране. Кроме того, важнейшие причины расцвета этнического предпринимательства в 70–80-е гг. XX в. заключены в тесной связи маргинальности социального положения и склонности к предпринимательству [12].

Отечественные исследователи указывают на один из наиболее значимых проявлений предпринимательства как социальной роли – феномен «вынужденного предпринимательства» [13]. Предпринимательство в данном случае становится своеобразным социальным амортизатором для мигранта, а иногда единственной возможностью «встать на ноги» и выжить.

Анализируя взаимообусловленность этнических миграций и этнической сплоченности, С. В. Рязанцев отмечает, что «...этнические связи имеют наибольшую прочность и проявляются не просто в тесном общении, а во всемерной поддержке представителями диаспоры мигрантов...» [14]. Благодаря этнической сплоченности, «сцементированной» финансовыми ресурсами, достигается эффект концентрации усилий этнического меньшинства на определенном роде деятельности, обеспечивающей впоследствии процветание всей общины.

Согласно данной концепции, степень сплоченности мигрантов различных этнических меньшинств определяет и ряд других факторов: численный состав диаспоры и степень компактности

проживания в новом регионе либо стране. В пределах небольших этнических групп, поселяющихся компактно, фиксируется гораздо более тесное взаимодействие. Консолидация выступает важнейшим фактором выживания и последующей социально-экономической адаптации этнических мигрантов на новом месте жительства. В силу этого, речь может идти об этнической сплоченности как о своеобразном внутриобщинном иммунитете, возникающем в условиях, когда этническая группа оказывается в результате миграции в меньшинстве. Этническая сплоченность среди мигрантов проявляется в ведении совместного быта, постоянном общении на родном языке, часто в совместных поисках работы или открытии дела. Выжить в новой этнокультурной и экономической среде, в рамках которой распределены рыночные ниши, возможно только благодаря совместным усилиям.

Наряду с этим, по мере укрепления социально-экономического положения вчерашнего мигранта происходит ослабление тех прочных нитей, которые связывали его на ранних стадиях адаптации с представителями своей диаспоры. Степень ослабления данных связей прямо пропорциональна росту уровня дохода мигранта [15].

В рамках исследования этнического предпринимательства в современном научном дискурсе также подчеркивается значимость роли сетей, а именно прослеживается тенденция рассматривать сетевые модели как особый организующий мотив хозяйственной жизни [16]. Между хозяйственными и организационными практиками, с одной стороны, и институциональной инфраструктурой, с другой стороны, существуют важные взаимосвязи. Этнические группы с относительно малой долей в численности всего населения часто концентрируются в определенных профессиональных нишах (например, корейцы – в овощных лавках, пакистанцы – на бензоколонках, греки – в ресторанном бизнесе, индийцы – в отелях). Подобная избирательность является результатом успешного функционирования сетей цепной миграции. Вместе с тем в сообществах новых иммигрантов значительная часть предпринимательской деятельности поддерживается посредством сетевых связей, принимая форму взаимопомощи, ассоциаций взаимного кредита и содействия при ведении дел с формальными бюрократическими организациями, например с судебными инстанциями.

В настоящее время в отечественной экономической социологии выделяют три основные теории/

модели, объясняющие существование этнического предпринимательства [17]:

- теория невыгодного социально-экономического положения, первая по времени возникновения. Данный подход предлагает два аспекта причин этнического предпринимательства: 1) недостаток социального капитала (образования, позитивно-трудовой этики, контактов, связей и т. д.) у представителей этнических групп; 2) дискриминацию индивида или группы на рынке труда;

- теория реактивной этничности, согласно которой предпринимательство распространяется в группах, члены которых при изменении окружающих условий теряют привычные позиции, приобретая статус «чужих». В результате в таких группах для воспроизводства коллективного самоуважения и сохранения культурного наследия возникает реактивная этничность, способствующая развитию предпринимательства через укрепление солидарности между членами группы. Этническая солидарность вырабатывает у предпринимателей патерналистские установки по отношению к нанимаемым соотечественникам. Патерналистская ответственность (обучение, спонсорство, патронаж) способствует значительной самозанятости среди членов этнической группы. Этническую солидарность можно рассматривать как существенный ресурс для развития бизнеса, поскольку этнические сети представляют собой каналы циркуляции деловой информации, способствуют возникновению взаимопомощи и укреплению доверия между предпринимателями;

- ресурсная теория этнического предпринимательства, являющаяся синтезом указанных выше подходов. Все демографические, социокультурные и социально-экономические характеристики группы, способствующие распространению предпринимательства среди ее членов, она рассматривает в качестве предпринимательских ресурсов. И этнические, и классовые ресурсы вносят свой вклад в развитие предпринимательства, но степень их воздействия обычно неравнозначна. К типичным этническим ресурсам относятся: предпринимательская история группы; предпринимательские ценности и установки; низкие затраты на ведение бизнеса в рамках этнической общины; социальный капитал; реактивные солидарности; разветвленные социальные сети и наличие незанятых или находящихся в невыгодном положении на рынке труда соплеменников и т. д. Материальным достоянием этнических предпринимателей являются классовые ресурсы, которые лишены этнического или коллек-

тивного характера, и любые представители буржуазии обладают этими ресурсами независимо от их этнической принадлежности.

Общей характерной чертой для обозначенных теорий является то, что в качестве главного ресурса на первое место выдвигается этническая солидарность.

В целом как западные, так и российские современные концепции этнического предпринимательства в основном строятся на анализе жизнедеятельности этнических меньшинств, возникших в разных странах в результате активных миграционных процессов. Однако мы считаем, что не следует увязывать этническое предпринимательство только с этнической миграцией. На наш взгляд, к рассматриваемому феномену относится не только занятие предпринимательской деятельностью этнических иммигрантов, но и занятие теми профессиями, теми видами деятельности, которые вытекают из исторически сложившихся видов экономики, способов ведения хозяйства этническими группами, обусловленных объективными условиями их существования, связанными с обычаями, традициями, национальными предпочтениями в сфере экономических отношений.

Список использованной литературы

1. Рязанцев С. В. Этническое предпринимательство как форма адаптации мигрантов // *Общественные науки и современность*. 2000. № 5. С. 73–86.
2. Bonacich E. A Theory of Middleman Minorities // *American Sociological Review*. 1973. Vol. 38. № 5. P. 583–594.
3. Waldinger R. Immigrant Enterprise: A Critique and Reformulation // *Theory and Society*. Vol. 15, № 1/2. Special Double Issue: Structures of Capital. (Jan., 1986). P. 249–285.
4. Уолдинггер Р., Олдрич Х., Уорд Р. Этнические предприниматели // *Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики* / сост. и науч. ред. В. В. Радаев; пер. М. С. Добряковой и др. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. С. 341.
5. Тишков В. Рыночная экономика и этническая среда // *Общество и экономика*. 2005. № 12. С. 89.
6. Light I., Karageorgis S. The Ethnic Economy // *The Handbook of Economic Sociology* / N. Smelser, R. Swedberg (eds.). Princeton: Princeton University Press, 1994. P. 646–671.
7. Фирсов Е. Ю. Социальная стратификация, этничность и этнические экономики (на примере России) // *Экономическая социология*. 2004. Т. 5, № 3. С. 66–77.
8. Грановеттер М. Экономические институты как социальные конструкты: рамки анализа // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2004. Т. 7. № 1. С. 76–88.
9. Aldrich H. E., Waldinger R. Ethnicity and Entrepreneurship // *Annual Review of Sociology*. 1990. Vol. 16. P. 111–135.
10. Андреев А. Этническая революция и реконструкция постсоветского пространства // *Общественные науки и современность*. 1996. № 1. С. 110–111.
11. Радаев В. В. Этническое предпринимательство: мировой опыт и Россия // *Политические исследования*. 1993. № 5. С. 79–87.
12. Радаев В. В. На изломе социальных структур // *Рубеж: альманах социальных исследований*. 1995. № 6–7. С. 165–197.
13. Бредникова О., Паченков О. Этничность «этнической экономики» и социальные сети мигрантов // *Экономическая социология*. 2002. Т. 3, № 2. С. 74–81.
14. Рязанцев С. В. Этническое предпринимательство как форма адаптации мигрантов // *Общественные науки и современность*. 2000. № 5. С. 73–86.
15. Воронков В. Существует ли этническая экономика? // *Этничность и экономика: сб. статей по материалам межд. семинара / под ред. О. Бредниковой, В. Воронкова, Е. Чикадзе*. СПб.: ЦНСИ, 2000. С. 42–47.
16. Валитов В. Н. Социальные сети российских иммигрантов и коренных жителей // *Социологический журнал*. 2000. № 1/2. С. 112–120.
17. Веселов Ю. В. *Экономическая социология: история идей*. СПб.: СПбГУ, 1995. С. 95–124.

УДК 94(38).09

Статья посвящена роли и функциям языка суахили в Африке. Один из вызовов современной Африки – это общий для всей Африки язык. Суахили рассматривается как интегрирующий катализатор в Африке, но имеется ряд препятствий для достижения этой цели.

Ключевые слова: Суахили; панафриканский язык; перспективы; препятствия.

The article examines the role and functions of Swahili language in Africa. One of challenges facing today Africa is that of a common language for African population. Swahili is promoted as an integration catalyst in Africa in spite of some obstacles.

Key words: Swahili; common African language; perspectives; obstacles.

Н. В. Громова

Институт стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова

E-mail: gromova@iaas.msu.ru

Суахили как панафриканский язык: за и против

Научная статья

N. V. Gromova

Institute of Asian and African Studies, Moscow State Lomonosov University

E-mail: gromova@iaas.msu.ru

Swahili as a Common African Language: pros and cons

Scientific article

В Африке южнее Сахары насчитывается более полутора тысяч языков. Большинство населения говорит на языках банту, крупнейшим из которых является суахили. Он легко усваивается местным бантуязычным населением, поэтому ареал распространения суахили выходит далеко за пределы его исконных территорий. Исследователи этнолингвистической ситуации в бантуязычных регионах Африки единодушно отмечают ее уникальность, состоящую в том, что «этно–языковая пестрота ее населения не только не препятствовала, но в огромной степени способствовала установлению одного из местных языков – суахили – вначале как лингва франка, обеспечивающего межэтническое общение, затем как языка колониальной администрации и начальной школы...» [1].

Широта локализации языка суахили в Африке объясняется в первую очередь историческими обстоятельствами. Так, арабские купцы и работорговцы, обосновавшиеся на побережье Восточной Африки в VII–VIII вв., направляли свои торговые караваны с суахилийскими проводниками и носильщиками в глубь Африки. Многие из суахилийцев оседали в глубинных районах, образуя

© Громова Н. В., 2013

диаспоры, а язык суахили легко проникал в разговорную речь местного населения. Это был первый случай проникновения суахили из его исконных территорий (прибрежные районы нынешних Танзании и Кении с прилегающими островами Занзибар, Пемба, Коморские, архипелаг Ламу и др.) в Уганду, Руанду, Бурунди, Конго, Малави, Замбию и другие сопредельные регионы.

В доколониальный период европейские миссионеры, появившиеся в Африке в первой половине XIX в., проповедовали на одном из местных языков, но впоследствии переходили на суахили, этнически слабо маркированный (он является родным лишь для жителей узкой прибрежной полосы Восточной Африки и близлежащих островов, и численность говорящих на нем как первом и родном языке не превышает 1 млн человек). Преподавание в миссионерских школах и переводы Библии и других религиозных материалов осуществлялись также на языке суахили.

В Восточной Африке, когда впервые стали создаваться стандартные школы, встала проблема общего языка и единообразной системы школьного образования. Выбор во многих странах региона пал

на язык суахили, не маркированный, как уже говорилось, в этническом отношении и безболезненно признанный другими этносами в качестве языка образования и администрации. Во время немецкой и английской колонизации суахили как престижный язык прочно сохранял свои позиции.

Бельгийские власти в Конго также отдавали предпочтение языку суахили. Солдаты, завербованные на Занзибаре, составляли костяк армии Леопольда II, и вплоть до XX в. язык суахили оставался языком подготовки военных кадров, особенно в восточных провинциях Конго. Открытие медных рудников на юге региона способствовало привлечению рабочей силы из соседних стран, и в такой полиэтнической среде язык суахили использовался как лингва-франка.

Во время борьбы за независимость язык суахили стал символом национального единства и консолидации народа, на нем велась антиколониальная пропаганда по всей Британской Восточной Африке, где он выполнял функции официального языка. Дж. К. Ньерере, будущий первый президент Танзании, и Дж. Кеньятта, будущий первый президент Кении, широко использовали суахили в борьбе против английских колониальных властей и в предвыборных кампаниях в своих освободившихся странах.

«Зная язык суахили, можно проехать через всю Тропическую Африку от восточного побережья до западного, т. е. от берегов Индийского океана до Атлантического, и не встретить трудностей в общении с местным населением» – это общепризнанное высказывание по-прежнему актуально и стало даже более реальным в наши дни. Язык суахили уверенно распространяет сферу своей коммуникации, захватывая новые регионы. Лингвистическая и пространственная широта его распространения охватывает всю Восточную Африку – от северных районов Мозамбика до юга Сомали и Судана, включая пограничные регионы, в том числе и Конго. Численность говорящих на суахили оценивается в 100–120 млн человек. По подсчетам проф. М. Мулокози, в Конго на суахили говорят 15 млн, в Бурунди – 2 млн, в Руанде – 2 млн, в Кении – 20 млн, в Танзании – 32 млн, в Уганде – 8 млн, в соседних странах – 21 млн [2]. Эти данные относятся к 2003 г.; за прошедшее десятилетие численность говорящих на суахили возросла, по всей вероятности, до 150 млн человек.

Помимо этого компактного региона, говорящих на языке суахили можно встретить и в других странах Африки. В период борьбы за независимость,

с 1960-х гг., Танзания принимала на своей территории и оказывала помощь участникам национально-освободительной борьбы, таким организациям, как ФРЕЛИМО (Мозамбик), АНК (ЮАР), СВАПО (Намибия), МПЛА (Ангола) и др. Для борцов за независимость были организованы специальные лагеря, где они проходили необходимую подготовку и усваивали язык суахили¹. В конце XX в. беженцы из Руанды, Бурунди и Конго находили приют в Танзании, где для них также были созданы специальные лагеря. И вернувшись на свои исконные места проживания, эти люди несли с собой знания языка суахили, что способствовало его дальнейшему продвижению и закреплению на территориях Африки.

В настоящее время язык суахили – государственный язык (наряду с английским) в Танзании, Кении и Уганде, один из четырех государственных языков Демократической Республики Конго. С образованием Восточно-Африканского Сообщества, в который входят Танзания, Кения, Уганда, Руанда и Бурунди, сфера использования суахили на всех уровнях социально-экономической и культурной жизни этих и сопредельных стран значительно возросла. Язык суахили преподается во всех начальных школах Танзании, Кении и Уганды, в ряде начальных школ ДРК (в восточных областях), Бурунди и Руанды. В 25 высших школах Восточной и Центральной/Тропической Африки преподается язык суахили (10 вузов в Кении, 6 – в Танзании, 2 – в Уганде, 1 – в Бурунди, 2 – в Руанде, 2 – в ДРК, 1 – в Судане, 1 – в Мозамбике [3]).

В Танзании и Кении престижу языку суахили и укреплению его позиций в культурной, научной социально-экономической сферах уделяется большое внимание: издается масса словарей, в том числе терминологических по разным отраслям знания; существует значительная художественная, публицистическая и научная литература; суахили звучит по радио, в телепрограммах и кинофиль-

¹ По линии Комитета солидарности стран Азии и Африки еще в 1962 г. я была переводчицей одного из членов АНК, который хорошо владел языком суахили. Года два назад одному из студентов РГГУ, изучавшему языки африкаанс и суахили, во время своей поездки в ЮАР, пришлось чаще говорить на суахили, чем на языке африкаанс. На прошедшей в октябре 2012 г. международной конференции, посвященной 50-летию языка суахили как языка освобождения и единства Африки, докладчик из Дурбанского университета (ЮАР), преподаватель языка суахили, говорил об использовании суахили в стране на бытовом уровне (в магазинах, парикмахерских и т. п.) // UHURU. 2012. Oktoba 12. P.12.

мах. На языке суахили создаются компьютерные программы и сайты в Интернете. Многочисленные кампании по борьбе с неграмотностью, просветительские и экономические проекты, пропаганда технических и медицинских знаний, реклама разнообразных товаров и услуг, а также многое другое ведется на языке суахили. Язык суахили является языком повседневного общения, языком низших и высших органов власти, сфера его применения практически не ограничена. Это динамично развивающийся язык, обладающий необходимой терминологией для использования и в системе высшего образования, высоких технологий. Суахили настолько успешно конкурирует с английским языком на всех уровнях социально-экономической и культурной жизни общества, что появились предложения считать английский не официальным языком Танзании, а иностранным, и изучать его в школах именно в таком качестве [4]. В средней школе и вузах преподавание ведется на английском языке, за исключением некоторых предметов (грамматика и литература суахили, обществоведение и др.). Все эксперты в области педагогики, местные и иностранные, рекомендуют использовать язык суахили на всех уровнях образования, мотивируя это необходимостью сохранения национальной самоидентификации и усвоения национальных культурных традиций. Практическая же подоплека заключается в том, что, согласно опросам, 94 % школьников и студентов, в частности, в Танзании, не могут читать и понимать учебную и художественную литературу на английском языке [5]. Подобная ситуация наблюдается и в Кении.

В Уганде позиции языка суахили в настоящее время не столь сильны. В колониальный период предпочтение отдавалось языку луганда, хотя, например, в 1927 г. губернатор В. Ф. Говерс опубликовал меморандум под названием «Развитие языка суахили как языка образования и администрации в протекторате Уганда» [6], но тогда серьезных практических результатов не последовало. В основном и сейчас язык суахили используется в армии, полиции и розничной торговле. На уличных билбордах, на автомобилях, вывесках встречаются надписи на суахили, некоторые объявления дублируются на трех языках. Но, поскольку в связи с воссозданием Восточно-Африканского сообщества принято решение о введении языка суахили в начальное образование, его престиж в Уганде будет повышаться.

В ДРК язык суахили является одним из четырех африканских официальных языков и занимает

первое место по числу говорящих: на суахили говорит 20 % населения, на киконго – 18 %, на лингала – 13 % и на чилуба – 15 % [7]. Руанда и Бурунди выбрали путь многоязычия: помимо французского языка и киньяруанда-рунди, используется суахили и английский. Радиовещание на языке суахили ведется также в Замбии, Малави, Коморских островах и ЮАР, передачи на суахили можно слушать во всех пограничных государствах.

Учитывая сложившуюся ситуацию с языком суахили в Африке, неоднократно раздавались призывы о его использовании в качестве панафриканского языка. Язык суахили с его богатой историей и литературой идентифицируется как символ консолидации и африканского единства. Так, с призывом превратить суахили в общеафриканский лингва франка выступали деятели культуры: лауреат Нобелевской премии Воле Шоинка (в 1970-х гг.), известный ганский писатель Айи Квей Арма (в 1985 г.) и другие. Совет министров Организации Африканского единства еще в 1986 г. принял резолюцию об использовании суахили в качестве языка общения на африканском континенте [8]. В настоящее время он является рабочим языком Африканского Союза и Африканского Парламента. На конференциях, посвященных суахили (например, в Дар-эс-Саламе в 2000, 2005 и 2012 гг.), принимались обращения к правительствам государств Восточно-Африканского сообщества, всех стран региона Великих Озер и других стран Африки о целесообразности использования суахили в качестве единого языка Африки и предлагались пути решения непростой задачи. Язык суахили уже выполняет в определенной мере функции межрегионального языка организации «Восточно-Африканское Сообщество», воссозданной в 2000 г. (после развала в 1976 г.) в составе Танзании, Кении, Уганды, Руанды и Бурунди, к которым присоединяется Малави. Цель этого Сообщества (ВАС) – единая валюта, полная политическая федерация и использование языка суахили на всех уровнях коммуникации. В статье под названием «Challenges facing the E.A. political federation», опубликованной в угандийской газете «New Vision», отмечается, что одним из вызовов, стоящих перед ВАС, является проблема общего языка для населения Восточно-Африканского сообщества [9]. Все заинтересованные стороны надеются, что политическая федерация и общий язык не останутся иллюзией (*an illusion*) или несбыточной мечтой (*pipe dream*)².

² Ещё в 1978 г. в Танзании у меня состоялся спор с одним из дипработников советского посольства в Дар-эс-

В последнее время вновь поднимается вопрос о статусе и будущем суахили как общеафриканского языка. В октябре 2012 г. в Дар-эс-Саламском университете состоялась Международная конференция, посвященная 50-летию языка суахили, который позиционируется как язык африканского освобождения (*African liberation*), объединения (*unification*) и возрождения (*renaissance*) Африки.

Все сказанное выше говорит в пользу суахили как панафриканского языка. Но, к сожалению, имеется ряд факторов, препятствующих достижению этой цели.

Во-первых, в наследство от европейской колонизации Африке достались и европейские языки, ставшие официальными в колониях. В зависимости от метрополий Африка южнее Сахары оказалась поделена на франкофонную, лузофонную и англофонную зоны. Элита владеет западным языком, но она составляет всего 10–15 %. Большинство населения или слабо знает язык метрополии, или владеет лишь родным языком. Поэтому при высокой степени неграмотности изучать другой язык, зачастую типологически неродственный, представляется весьма проблематичным.

Во-вторых, с точки зрения экономики нереально подготовить преподавателей и учебную литературу для Западной и Юго-Западной Африки (для франкофонной и лузофонной зон). Даже в Танзании и Кении, где язык суахили занимает прочные позиции, нет учебников на суахили для высшей школы. В Танзании подобные учебники были подготовлены еще в 1970–80 гг., но по различным причинам экономического характера (плюс диктат ВМФ) не опубликованы до сих пор.

В-третьих, значимость суахили как государственного языка не закреплена конституционно (почти во всех стран Восточной и Тропической Африки, за исключением Кении).

В-четвертых, влияние глобализации проявляется в стремлении изучать лишь английский язык

Саламе (кстати, хорошо знавшим суахили) о будущем языка суахили. Он утверждал, что через 20 лет суахили полностью сдаст свои позиции английскому языку. Оказалось, что я была права, и сейчас я уверена, что у языка суахили есть хорошие перспективы.

в ущерб местным языкам, в том числе и суахили, хотя за пределами Африки язык суахили изучается практически во всех крупных востоковедных центрах (в США – в 100 университетах преподается суахили) [10].

Можно назвать и еще ряд более мелких причин, которые вкуче с основными делают задачу принятия общеафриканского языка практически невыполнимой на современном этапе, но его роль как межрегионального языка Восточной и Тропической Африки остается неоспоримой.

Список использованной литературы

1. Языковая ситуация в странах Африки / под ред. Н. В. Охотиной. М.: Наука, 1975. С. 49.
2. Karugendo P. Jubilei ya miaka 75 ya TUKI: Maoni kutoka kwa mwandishi wa habari («75-летний юбилей Института суахилийских исследований. Мнение журналиста») // KISWAHILI. 2005. Vol. 68. P. 74.
3. Mulokozi M. M. Mustakbali wa Kiswahili katika ukanda wa Maziwa Makuu. («Будущее языка суахили в регионе Великих Озёр») // MULIKA. № 28. Dar es Salaam, 2009. P. 81.
4. Rubagumya C. M. Language Values and Bilingual Classroom Discourse in Tanzania Secondary Schools // Language, Culture and Curriculum. 1994. № 7/1.
5. Qorro M. Matumizi ya Kiswahili, Kiingereza kufundishia: wanaotoa maoni hawajafanya utafiti («Использование языков суахили и английского в преподавании: высказывающие свое мнение еще не проводили исследования») // RAI. 1996. Desemba 5–11. P. 8.
6. Whiteley W. Swahili. The Rise of a National Language. L., 1969. P. 70.
7. Винокуров Ю. Н., Смирнов Е. Г. Конго (Congo). Демократическая Республика Конго. // Африка: Энциклопедия. М., 2010. Т. 2. С. 91.
8. Ryanga S. The African Union in the Wake of Globalization: the Forgotten Language Dimension // KISWAHILI. 2002. Vol. 65. P. 21.
9. New Vision (Uganda's leading daily). 2012. January 31. P. 28.
10. Kiswahili sasa chatikisa duniani («Язык суахили потрясает весь мир») // UHURU. 2012. Oktoba 12. P. 12.

УДК 81'246

Статья посвящена сопоставительному анализу прилагательных, употребляющихся в атрибутивной функции в сочетании с лексемами «force»/«сила». Особое внимание уделяется рассмотрению значений прилагательных, представленных в художественных текстах, выделению групп прилагательных, объединенных общей семой. Результаты исследования выявили большее разнообразие значений у прилагательных, употребляемых в русском языке с лексемой «сила».

Ключевые слова: прилагательное; понятие; атрибутивная функция; сема; русский язык; английский язык.

The article deals with the comparative analysis of the adjectives used in the attributive function with the lexical units «force» / «сила». Particular attention is paid to considering the meanings of the adjectives actualized in fiction texts and distinguishing groups of adjectives united by a common seme. The results of the research have shown a greater variety of the adjectives used in the Russian language with the lexical unit «сила».

Key words: adjective; notion; attributive function; seme; Russian language; English language.

Л. Г. Попова

Московский городской педагогический университет

E-mail: larageorg@inbox.ru

Н. В. Урсова

Липецкий государственный педагогический университет

E-mail: natalja-urusova@mail.ru

**Сравнительная характеристика частотных прилагательных,
употребляющихся в сочетании с лексемами «force» / «сила»
в художественных текстах на английском и русском языках**

Научная статья

L. G. Popova

Moscow Municipal Pedagogical University

E-mail: larageorg@inbox.ru

N. V. Urusova

Lipetsk State Pedagogical University

E-mail: natalja-urusova@mail.ru

**The Comparative Characteristics of the Frequent Adjectives
Used with the Lexical Units «Force» / «Сила»
in English and Russian Fiction Texts**

Scientific article

В современном языкознании особое внимание уделяется исследованию лексики, отражающей определенные понятия. Подобный подход дает возможность установить, какое влияние окружающая действительность оказывает на формирование языкового сознания носителей языка. Понятие несет в себе отражение наиболее общих, существенных признаков предметов и явлений, а также результат их

рационального осмысления. Понятие «сила» представляет интерес для исследования, поскольку является одним из основных в сознании человека и отражает важный момент мировосприятия, при этом, не имея вещного референта в реальном мире и обладая сложным объемным содержанием. Рассматривая понятие «сила» в английском и русском языках, мы определили, что ядерными лексемами для номина-

© Попова Л. Г., 2013

© Урсова Н. В., 2013

ции данного понятия будут «force»/«сила». Необходимым моментом подобного исследования является анализ прилагательных, наиболее частотно используемых с этими лексемами в атрибутивной функции, который даст возможность определить, какой элемент значения актуализируется посредством атрибута. Исследование прилагательных подразумевает рассмотрение собственной семантики прилагательного и особенностей его употребления в сочетании с определяемым словом.

Прилагательное как часть речи не только не является универсальной категорией, но и составляет класс слов, наименее специфированный по сравнению с другими морфолого-синтаксическими классами. Прилагательное само по себе не имеет денотации и соотносится с денотатами только посредством определяемого им существительного [1]. Многие прилагательные способны совмещать значение признака предмета и дополнительной оценки, а информативная функция прилагательных может служить для сужения объема понятия, выражаемого существительными [2].

По данным корпуса английского языка наиболее частотными прилагательными, употребляемыми в препозиции к лексеме «force», являются: *full, driving, sheer, main, local, new, powerful, unseen, tremendous, real, great, expeditionary*.

Рассмотрев их значения, можно сделать вывод, что в английском языке большая их часть объединяется в группу с семой «характеризующий объем, степень воздействия»: *full, driving, sheer, powerful, tremendous, great*.

- It was easier to follow in the darkness, but exposed them to the **full** force of the wind and rain [3].

Следующая группа объединяется семой «относящийся к группе людей, объединенных общим признаком»: *local, expeditionary, new*.

- They spoke a few more words about the liaison arrangements with the **local** force, then Mercer left to supervise the removal of the body [4].

В эту же группу можно отнести прилагательное *main*, которое обладает дополнительной характеристикой «основной, оказывающий большое влияние»

- So the reports had been true: they had taken the Pratzes, and split the allied army in two. Not a chance of rejoining the **main** force, if indeed it still existed [5].

Следует отдельно рассмотреть использование прилагательного *new*:

- They knew the RIC couldn't be relied on; they knew they had no hope of persuading the Army to go on a reign of terror; so a **new** force with carte blanche...[6].

Анализ использования прилагательного «new» показал, что данное прилагательное используется в сочетании с лексемой при обозначении «военной силы». Следовательно, его можно отнести к группе прилагательных с семой «относящийся к группе людей, объединенных общим признаком» с дополнительной характеристикой «способный к обновлению, пополнению».

Отдельно от них стоят прилагательные *unseen, real*, которые подчеркивают значение «силы» как некой субстанции «существующей, присущей объекту», однако выделяя различные ее характеристики. Прилагательное *real* подчеркивает лишь сему «существование субстанции». В свою очередь, *unseen* указывает как на «существование субстанции», так и на ее «неопределенный источник».

- His haste gave her an uncanny feeling he was trying to escape from an **unseen** force – or perhaps from herself – and in her efforts to reach his side she panted breathlessly [7].

В русском языке наиболее часто встречаются прилагательные: *последняя, новая, вооруженные, полная, нечистая, высшая, страшная, мужская, великая, физическая, жизненная, неведомая*. Как и в английском, в русском языке можно выделить группу прилагательных с семой «характеризующий объем, степень воздействия». Это прилагательные *полная, страшная, великая*.

- Поднялся, подошёл к плитке, где уже в **полную** силу валил пар из чайника [8].

Сходное значение также наблюдается у прилагательного *вооруженные* с семой «относящийся к группе людей, объединенных общим признаком».

- В том предугаданном им на бумаге и разысканном наяву селенье жили настоящие, не просвещённые цивилизацией, русской литературой, Московским университетом и **Вооружёнными** Силами мужики, там жива была настоящая христианская вера и ждала его невыдуманная громадная изба ... [9].

Необходимо отметить прилагательные *новая, последняя*, которые характеризуют силу как субстанцию «существующую, присущую объекту», однако в русском языке она рассматривается как пополняемая субстанция, так же как и имеющая предел.

- Как раз братья, оскорблённые и злые, забегали домой набраться **новых** сил для продолжения охоты, и Костандик с ходу раскусил обоих. «Почём жизнь, ребятишки?» — спросила она [10].

- Помимо усталости, всю дорогу Аркадия Лукьяновича мучил мешок, отнимая **последние** силы [11].

В русском языке имеется ряд прилагательных, придающих значение «имеющий мистическое начало». К таким прилагательным относятся: *нечистая, Высшая, неведомая*.

- А случаи, когда она всё же доходит до благополучного окончания, можно объяснить исключительно вмешательством **высших** сил [12].

Дополнительно прилагательные в русском языке реализуют значение «типичный для живых существ», это *физическая, жизненная, мужская*.

- Видно было по его коренастой фигуре, по его ручищам, какой огромной **физической** силы был этот человек [13].

- Иногда ему казалось, что, обретя новую и вполне **мужскую** силу, он легко может сдвинуть горы, но уже в следующую минуту он снова чего-то пугался и находил отговорки [14].

Отдельно следует оговориться о прилагательном *мужская*, которое, кроме значения «типичный для живых существ», выделяет момент принадлежности силы лишь мужчинам.

Итак, в английском языке мы выделили 3 группы прилагательных с семантикой: «характеризующий объем, степень воздействия», «относящийся к группе людей, объединенных общим признаком», «существующий, присущий объекту». Важно отметить, что большая часть рассматриваемых прилагательных относится к первой группе. В русском языке можно определить группы прилагательных с семантикой: «характеризующий объем, степень воздействия», «относящийся к группе людей, объединенных общим признаком», «существующий, присущий объекту», а также «имеющий мистическое начало», «типичный для живых существ». Таким образом, в русском языке наблюдается наличие прилагательных в атрибутивной функции с большим разнообразием значений: во-первых, подчеркивающих силу, как субстанцию, характерную для живых существ, во-вторых, акцентирующих ее нематериальное начало. Анализ результатов, полученных на материале современных художественных текстов на английском и русском языках, позволил уточнить спектр значений, которые способны реализовать ядерные лексемы «force»/«сила». Следует заметить,

что более глубокий анализ сочетаемости ядерных лексем может выявить другие более широкие возможности их семантики, однако такое исследование выходит за рамки представленной статьи.

Список использованной литературы

1. Большой энциклопедический словарь. Языкознание / гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 397.
2. Голуб И. Б. Стилистика русского языка. URL: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook028/01/part-022.htm> (дата обращения: 10.03.2013).
3. Byrne J. My enemy, my love. Richmond, Surrey: Mills & Boon, 1993. URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 12.03.2013).
4. James P. D. Death of an expert witness. London: Sphere Books Ltd, 1979. URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 12.03.2013).
5. Butters R. Look about and die. Lewes, East Sussex: The Book Guild Ltd, 1991. URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 12.03.2013).
6. Marcus D. A land not theirs. Poolbeg P, 1993. URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 12.03.2013).
7. Macgregor M. Wilder's wilderness. Richmond, Surrey: Mills & Boon, 1993. URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 12.03.2013).
8. Волос А. Недвижимость. URL: <http://ruscorpora.ru/search-main.html> (дата обращения: 14.03.2013).
9. Варламов А. Купавна. URL: <http://ruscorpora.ru/search-main.html> (дата обращения: 14.03.2013).
10. Азольский А. Лопушок. URL: <http://ruscorpora.ru/search-main.html> (дата обращения: 14.03.2013).
11. Горенштейн Ф. Куча. URL: <http://ruscorpora.ru/search-main.html> (дата обращения: 14.03.2013).
12. Волос А. Указ. соч.
13. Гранин Д. Зубр. 1987. URL: <http://ruscorpora.ru/search-main.html> (дата обращения: 14.03.2013).
14. Геласимов А. Дом на Озерной. URL: <http://ruscorpora.ru/search-main.html> (дата обращения: 14.03.2013).

Проведено исследование психолингвистических значений слова, кардинально отличающихся от лексикографических значений. Выявлено, что психолингвистические значения имеют своеобразную структуру семантемы, у них особые формулировки сем, для которых характерна более высокая степень конкретизации; содержательно они отражают наиболее важные характеристики вещей и явлений. Показана новая методика выявления и описания психолингвистических значений (на материале слова драйв).

Ключевые слова: психолингвистика; лексикографическое значение; психолингвистический эксперимент; психолингвистическое значение.

The study of psycholinguistic meanings of the word, radically different from lexicographic meanings has been taken. The study found that psycholinguistic meanings have unique structure semantemes, they have special senses, which are characterized by a high degree of specificity, they reflect the most important, essential characteristics of things and phenomena. The article demonstrates a new method for identifying and describing psycholinguistic meanings (at the example of the word drive).

Key words: psycholinguistics; lexicographic meaning; of psycholinguistic experiment; psycholinguistic meaning.

Т. В. Тимошина

Воронежский государственный педагогический университет

E-mail: tavit-ra@mail.ru

Психолингвистические значения слова в языковом сознании школьников

Научная статья

T. V. Timoshina

Voronezh State Pedagogical University

E-mail: tavit-ra@mail.ru

Psycholinguistic Meanings of the Word in the Linguistic Consciousness of Schoolchildren

Scientific article

Значение слова как отражение действительности может быть представлено в лингвистических описаниях в разном объеме.

Лексикографы обычно описывают значение в объеме нескольких основных семантических компонентов. Однако значение, выявляемое психолингвистическими экспериментами, практически всегда оказывается объемнее и глубже, чем его представление в словарях, а анализ значений слова в контексте всегда выявляет семы, не вошедшие в словарное толкование слова в словарях [1].

Экспериментальное описание семантики языковых единиц дает возможность представить содержание слова как некоторую психологическую реальность, выявить такие семантические компоненты, которые не фиксируются другими методами и приемами семантического анализа. При описании психологически реальных значений слова реакции подвергаются семантической интерпретации

и формулируются как семы. Вычисляется индекс яркости каждой семы как отношение количества ИИ (испытуемых), объективировавших эту сему в эксперименте, к общему числу ИИ.

Вычисляется также совокупный индекс яркости каждого выделенного значения как сумма индексов яркости всех семантических компонентов описываемого значения. Значения формулируются как лексикографические, краткие дефиниции, приводится список сем, образующих данное значение как психолингвистическое (психологически реальное) по убыванию индекса их яркости в языковом сознании испытуемых.

В результате проведенного свободного ассоциативного эксперимента, в котором приняли участие 200 учащихся старших классов лицея № 7 г. Воронежа, были сформированы ассоциативные поля ряда слов-стимулов, подвергнутых далее семантической интерпретации. Покажем полученные

результаты описания психолингвистических значений на примере слова *драйв* и сопоставим полученное описание с лексикографическими дефинициями указанной лексемы.

ДРАЙВ

Ассоциативная статья слова-стимула *драйв*

Драйв 200 – скорость 19, экстрим 18, адреналин, машина 17, веселье 9, кайф 6, мотоцикл 4, драйв, жизнь, наркотики, свобода, энергия 3, автомобиль, BMW 4, BMW 7 series, гонки, движение, парашют, приключения, ретбул, тест, тест-драйв 2, автогонки, английский, велосипед, видео, горные лыжи, горы, канап, класс, креатив, круто, ложь, лыжи, металл, море, музыка, напиток, на сноуборде катать, наслаждение, одноклассники, опасность, отрыв, палубу, пол, прыжок с парашютом, оторвила, радость, ралли, рок-н-ролл, сердце, серфинг, скейт, смерть, супер, трафа, трейлер, тусовки, Heavymetal, экстази, эмоции 1; отказы 36.

Семантическая интерпретация ассоциативных реакций

1. **Состояние острого удовольствия 26** (веселье 9, кайф 6, свобода 3, класс, круто, наслаждение, отрыв, радость, сердце, супер, эмоции 1) **возникающее при вождении автомобиля 55** (скорость 19, машина 17, BMW, мотоцикл 4, автомобиль, BMW 7 series, гонки, движение 2, автогонки, ралли, трейлер 1), **при занятиях экстремальными видами спорта 30** (экстрим 18, парашют 2; велосипед, горные лыжи, горы, лыжи, на сноуборде катать, опасность, прыжок с парашютом, серфинг, скейт, смерть 1), **при приеме алкоголя, наркотиков 7** (наркотики 3, ретбул 2, напиток, экстази 1), **от музыки 3** (металл, музыка, Heavymetal 1), **от жизни 3** (жизнь 3), **приключений 2** (приключения 2), **в компании 2** (одноклассники, тусовки 1), **от танцев 1** (рок-н-ролл 1), **видео 1, креатива 1** (креатив), **моря 1** (море), **приводящее к выбросу адреналина в организме 21** (адреналин 17, тест, тест-драйв); **это английское слово 1** (английский 1). СИЯ 148

2. **Интенсивная уборка с помощью воды 5** (*драй 3, палубу, пол 1*). СИЯ 5 (ложное значение, контаминация с глаголом *драить*)

3. **Энергия 3** (энергия 3). СИЯ 3

Идентификация: BMW 4, BMW 7 series 2, металл, Heavymetal, рок-н-ролл 1

Неактуально: 36

Не интерпретируется: канап, ложь, трафа 1.

Одобрительно 27 (веселье 9, кайф 6, свобода, энергия 3, класс, креатив, круто, наслаждение, радость, супер 1);

Неодобрительно 7 (наркотики 3, ложь, опасность, смерть, экстази 1);

Нейтрально 166.

Психологически реальные значения слова *драйв*

1. **Состояние острого удовольствия 26, возникающее при вождении автомобиля 55, занятиях экстремальными видами спорта 30, приеме алкоголя, наркотиков 7 и т.д., приводящее к выбросу адреналина в организме 21. СИЯ 148**

2. **Энергия 3. СИЯ 3**

3. **Интенсивная уборка с помощью воды 5. СИЯ 5** (ложное значение, контаминация с глаголом *драить*).

Обращает на себя внимание, что число отказов в экспериментах достаточно велико: 36 в эксперименте с 200-ми испытуемыми. Это означает, что концепт *драйв* является недостаточно когнитивно освоенным для испытуемых, а значение слова *драйв* не является коммуникативно релевантным.

При сопоставлении с толковыми словарями выяснилось, что семантика слова *драйв* в реальном языковом сознании школьников значительно отличается от семантики этого слова в системе языка, отраженной в словарях.

Для формулирования лексикографических значений нами были использованы следующие словари:

1) Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. – СПб.: Норинт, 2006; 2) Ожегов С. И. и Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – 4-е изд., доп. – М., 2010; 3) Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3 т. – М.: АСТ: Астрель, 2006; 4) Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2 т. – М.: Рус. яз., 2000; 5) Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. – М.: Эксмо, 2008. – 944 с.; 6) Лопатин Л. В., Лопатина Л. Е. Русский толковый словарь. – М.: Эксмо, 2007; 7) Скворцов Л. И. Большой толковый словарь правильной русской речи. – СПб.: ДИЛЯ, 2006. – 1136 с.; 8) Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г. Н. Складневской. – М., 2007.

Только в трех из указанных словарей приводится слово *драйв*:

1. Драйв – 1. Эмоциональный порыв джазового импровизатора или оркестра. (Ефремова Т. Ф. Т. 1. 2006).

II. Драйв – 1. Чувственная, энергичная манера исполнения музыки, характеризующаяся особыми приемами и средствами выразительности.

2. Ощущения, возникающие от такого исполнения.

3. Перен. Напористость, энергичность. (Толковый словарь русского языка начала XXI века. С. 327.)

III. Драйв – 1. Состояние приятного возбуждения, удовольствия (первонач. – от употребления наркотиков. // Ср. кайф (Крысин Л. П. С. 272.)

В результате обработки методом обобщения словарных дефиниций [2] было выявлено, что слово *драйв* в **лексикографических** источниках представлено 5 значениями:

1. Эмоциональный порыв джазового импровизатора или оркестра. СИЯ 1

2. Чувственная, энергичная манера исполнения музыки. СИЯ 1

3. Ощущения, возникающие от такого исполнения. СИЯ 1

4. Состояние приятного возбуждения, удовольствия. СИЯ 1

5. *Перен.* Напористость, энергичность. СИЯ 1

Эксперимент выявил **два психологически реальных** значения и одно ложное значение:

1. Состояние острого удовольствия, возникающее при вождении автомобиля, занятиях экстремальными видами спорта, приеме алкоголя и наркотиков и т. д., приводящее к выбросу адреналина в организме. СИЯ 138

2. Энергия. СИЯ 3

3. Интенсивная уборка с помощью воды. СИЯ 5. (ложное значение, контаминация с глаголом *драить*).

Таким образом, эксперимент подтвердил только 2 лексикографических значения. При этом наиболее яркое в языковом сознании значение (*состояние приятного возбуждения, удовольствия. СИЯ 148*) представлено более подробно, имеет гораздо более высокий индекс яркости, содержит семы, которых нет в лексикографическом значении (*возникает при*

вождении автомобиля, возникает при занятиях экстремальными видами спорта, возникает при приеме алкоголя, возникает при приеме наркотиков, приводит к выбросу адреналина).

Остальные лексикографические значения, приводимые в современных толковых словарях (*чувственная, энергичная манера исполнения музыки; ощущения, возникающие от такого исполнения; состояние приятного возбуждения, удовольствия*) экспериментально не подтверждаются. Следовательно, они неактуальны для языкового сознания современных школьников.

Как показало исследование, семантика слова *драйв* в реальном языковом сознании носителей языка (в данном случае старшеклассников) значительно отличается от семантики данного слова в системе языка, отраженной в словарях. Исследование разных типов значений слова с применением когнитивно-семантического анализа и выявление их существенных количественных и качественных отличий позволяет сделать выводы о том, что психолингвистическое значение и лексикографическое значение слова – это разные типы значений, не совпадающие по количеству и характеру значений, семному составу, а также семной структуре отдельных значений.

Психолингвистические значения, отражающие современное языковое сознание носителей языка, представляются в настоящее время весьма перспективным предметом научного исследования.

Список использованной литературы

1. Стернин И. А. К разработке психолингвистического толкового словаря // Вопросы психолингвистики. 2010. (2) 12. С. 57–63; Стернин И. А., Рудакова А. В. Психолингвистическое значение слова и его описание: Теоретические проблемы. LAP Lambert Academic Publishing: Saarbrücken, 2011.

2. Стернин И. А., Рудакова А. В. Указ. соч.

УДК 808. 2-085 (082)

В статье автор рассматривает особенности рекламной коммуникации в контексте массовых коммуникационных процессов.

Ключевые слова: рекламная коммуникация; массовая коммуникация; рекламный дискурс; рекламный текст; рекламное сообщение; реклама.

In the article, the author analyzes the particular qualities of advertising communication in the context of mass communication processes.

Key words: advertising communication; mass communication; advertising discourse; ad copy; advertising message; advertising.

С. Н. Прохорова

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: svnp@mail.ru

Научная статья

Рекламная коммуникация как вариативная модель массовой коммуникации

S. N. Prokhorova

P. G. Demidov Yaroslavl State University

E-mail: svnp@mail.ru

Advertising Communication as a Variant Model of Mass Communication

Scientific article

В настоящей работе реклама рассматривается как процесс передачи информации в системе современной массовой коммуникации, выявляются специфические черты рекламной коммуникации, а также поднимается вопрос об определении понятия «рекламный текст».

В современном обществе наблюдается изменение коммуникационного пространства в сторону усиления транзакционных социальных коммуникаций. Это наиболее сложный и высший уровень коммуникаций, идеал отношений средств массовой информации с общественностью.

Умберто Эко [1] выстраивает простейшую модель коммуникации на примере передачи сигнала от одного механизма к другому, а затем на основе созданной «образцовой модели» коммуникации рассматривает более сложные формы передачи информации.

Как видим, в простейшей модели коммуникации присутствуют все основные элементы любой коммуникации: источник, отправитель, сигнал, канал, код, получатель.

Коммуникация между двумя участниками (людьми) представляет собой, по мнению У. Эко, более сложный процесс, в котором совмещаются в одном лице источник и передатчик информации,

приемник и адресат, а сообщение представляет собой не набор сигналов, но значащую форму, которую адресат-человек должен наполнить значением. Умберто Эко говорит о переходе в человеческой коммуникации от «мира сигнала к миру смысла» [2].

В обыденном общении говорящий и слушающий являются конкретными людьми. Говорящий выстраивает свою речь в зависимости от того, что знает или не знает слушающий. Каждый участник коммуникации попеременно выступает в роли говорящего и слушающего. Коды и субкоды, используемые отправителем и адресатом сообщения, могут не совпадать – это усложняет коммуникацию. Но в диалоге двух участников говорящий меняет русло беседы в зависимости от реакции слушающего, слушающий выполняет корректирующую роль. Таким образом, в повседневной коммуникации между двумя участниками существует обратная связь.

Более сложный процесс представляет собой массовая коммуникация. В массовых коммуникационных процессах тексты создаются в отрыве от корректирующей роли слушающего без расчета на конкретное лицо, а с учетом идеализированного представления о слушающем. Могут быть несовпадения между истинными потребностями слу-

© Прохорова С. Н., 2013

шающего и представлениями о них говорящего: «...массовые коммуникативные процессы – это коммуникация с модельным слушающим... если модель избирается удачно, то коммуникативная цепочка замыкается. При этом в роли читателя, слушающего выступает конкретное лицо, информационные интересы которого оказались предугаданными, иначе все усилия будут напрасными, и процесс коммуникации прерывается» [3].

Это с полным правом можно отнести к рекламной коммуникации, где сообщение приобретает характер универсального текста с заранее определенной положительной коннотацией.

Модельный образ слушающего в массовой коммуникации приводит к стиранию и образа говорящего (внеавторские информационные материалы, авторские выступления со стертой индивидуальностью текста). Изменяется в этой ситуации и само сообщение – оно также идеализируется. Отрицательность или положительность факта, попавшего в плоскость массовой коммуникации, резко усиливается, причем усиливается и поляризация оценки факта: положительное становится сверхположительным, отрицательное – сверхотрицательным [4].

Тексты для массовых информационных потоков носят более выверенный, точный характер; в процессе подготовки они редактируются, правятся. Исходный естественный текст трансформируется в фиксированный. «При массовой коммуникации слушающий теряет свою конкретность. Казалось бы, тексты массовой коммуникации должны раствориться в непредсказуемой и свободной форме. Однако происходит обратный процесс. Потеря конкретного слушающего влечет за собой и потерю свободной формы, характерной для элементарного коммуникационного процесса» [5].

Таким образом, в массовой коммуникации происходит фиксация ролей говорящего и слушающего, фиксация оценки описываемого явления, а также фиксация формы коммуникации. Она тяготеет к более строгим, структурированным рамкам сообщения.

Высказанные положения о массовой коммуникации и порождении в ней текста относятся и к рекламной коммуникации. Но в то же время рекламная коммуникация как вариативная модель массовой коммуникации имеет свою специфику, благодаря которой возникли особые коммуникативные формы – рекламные тексты.

Тексты рекламы являются особым образом организованным коммуникативным продуктом, где одинаково значимы структурно-композиционные, вербаль-

ные, визуальные и символические способы и средства организации текстового пространства. Рекламное сообщение представляет собой особый поликодовый текстовый феномен, отличающийся насыщенностью средств выражения идеи рекламного послания и тактических приемов организации рекламного дискурса.

Рекламная коммуникация как вариативная модель современной массовой коммуникации имеет специфические черты, обусловленные противоречием между обязательностью достижения цели инициатором коммуникации (рекламодателем) и отсутствием установки на восприятие рекламного сообщения у адресата: наличием помех, дефицитом времени при декодировании информации; отсроченной обратной связью.

Рекламный текст, являясь уникальной языковой формой, имеет ряд специфических параметров, нашедших отражение в формальных признаках, структурной организации текстового материала, использовании систем кодов в организации информации. Мы выявили следующие специфические черты рекламной коммуникации:

- рекламная коммуникация иницируется субъектом рекламы – рекламодателем;
- информация в рекламном сообщении отличается селективностью, оптимизированностью: отбираются и усиливаются положительные свойства товара или услуги;
- адресат, как правило, изначально не имеет установки на восприятие рекламы;
- у адресата ограничено время на восприятие рекламного сообщения;
- речевая ситуация создает ограничения по объему рекламной информации;
- каналом передачи рекламного сообщения выступают средства массовой информации, почта, Интернет, а также специальные средства распространения рекламы;
- в процессе рекламной коммуникации присутствует множество помех, возникающих на этапах кодирования и декодирования информации;
- в рекламной коммуникации отсутствует гибкая обратная связь: тексты создаются в отрыве от корректирующей роли реципиента, с учетом идеализированного представления об адресате;
- для рекламной коммуникации особенно актуальным является достижение коммуникативной цели, поскольку каждый промах оборачивается потерей крупных средств;
- традиционно рекламное сообщение должно реализовать следующие задачи: привлечь внима-

ние; заинтересовать реципиента и побудить его к дальнейшему чтению (просмотру, слушанию) рекламы; вызвать желание иметь рекламируемый товар или услугу; побудить к действию, предложить схему действий и необходимую информацию для покупки товара;

- в рекламной коммуникации сложилась своя система оригинальных жанров.

Участников рекламной коммуникации можно сравнить с людьми, находящимися по разные стороны высокой стены, а рекламное сообщение – с письмом, запечатанным в бутылку, которое отправитель перебрасывает через высокую стену. Получатель, открыв и прочитав послание, не имеет возможности уточнить неясности, а отправитель не в состоянии дополнить, скорректировать сообщение в том случае, если оно непонято или неадекватно воспринято реципиентом. Это своеобразная информационная метафора, но она фокусирует внимание на специфике условий, при которых распространяется рекламная информация.

Ситуация усложняется также ограниченностью и высокой стоимостью рекламной площади газет, журналов и времени теле- и радиоэфира, а также дефицитом времени, за которое необходимо успеть завладеть вниманием потенциального покупателя и донести до него главную идею рекламного послания.

Исходя из перечисленных положений, мы делаем вывод о противоречии между такими особенностями рекламной коммуникации, как обязательность достижения цели инициатора коммуникации (рекламодателя), с одной стороны, и отсутствием установки на восприятие рекламного сообщения у адресата, наличием помех и дефицитом времени при декодировании информации, отсроченной обратной связью – с другой.

Для преодоления данного противоречия в сфере создания рекламного текста сформировались определенные традиции, каноны, используются специфические стратегии и приемы. Модельный образ адресата приводит к стиранию образа настоящего автора и моделированию идеального образа автора рекламного сообщения. Нередко модельным образом становится типичный представитель целевой аудитории или человек, являющийся авторитетом для адресата: профессиональный визажист демонстрирует достоинства декоративной косметики, известный артист рекламирует шампунь, а стоматолог рассказывает о достоинствах зубной пасты. (Например, в проанализированных нами реклам-

ных текстах о достоинствах косметики Max Factor рассказывают известные визажисты Гари Лидьярд, Аллен Вейсинджер).

В рекламной коммуникации текст сообщения становится более точным, в процессе подготовки он выверяется, тестируется. Рекламное сообщение становится более жестким, теряется свободная форма, характерная для элементарного коммуникационного процесса. В заданных условиях можно реализовать эффективную коммуникацию, используя особые языковые и неязыковые формы, лаконичные по форме и насыщенные по содержанию, концентрирующие в различных знаковых системах основные положения, которые доносятся до реципиента по нескольким каналам восприятия и в различных кодовых системах.

В литературе, посвященной рекламе, мы встречаем большое количество определений понятия «реклама», «рекламное сообщение». Нет, к сожалению, единого общепринятого определения этих понятий. Это создает трудности для разработки частного определения «рекламный текст». Например, в терминологическом определении понятия рекламы в Федеральном законе о рекламе, который является рабочим для практиков рекламного дела, отсутствуют такие важные признаки рекламы, как указание на заказчика рекламы (спонсора), платность, неличность. «Реклама – информация, распространенная любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованная неопределенному кругу лиц и направленная на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и его продвижение на рынке» [6].

«Реклама, распространяемая в любой форме, с помощью любых средств, – информация о физическом или юридическом лице, товарах, идеях и начинаниях (рекламная информация), которая предназначена для неопределенного круга лиц и призвана формировать или поддерживать интерес к этим физическому, юридическому лицу, товарам, идеям и начинаниям и способствовать реализации товаров, идей и начинаний» [7].

Наиболее практиковостребованным, простым и емким является определение рекламы, сформулированное представителями Американской ассоциацией маркетинга в 1948 г.: «Реклама – любая форма неличного представления товаров или услуг, оплаченная точно установленным заказчиком» [8].

В специализированных словарях отсутствует понятие «рекламный текст». Ученые и практики

(А. Д. Кривоносов, В. Ю. Липатова, Л. Г. Фещенко) предлагают поэтому свои варианты определений рекламного текста как единицы коммуникации. Так, предложенное Л. Г. Фещенко определение, разработанное ею в соавторстве с другими представителями петербургской школы PR, мы считаем наиболее полно отражающим все формальные и частные объективные признаки рекламного текста и практико-востребованным в реальной коммуникативной проекции. Рекламный текст – коммуникативная единица, предназначенная для неличного оплаченного информирования о товаре, услуге, физическом или юридическом лице, идее, начинаниях, социальной ценности с целью их продвижения, имеющая в структуре формальные признаки – сигнализирование о рекламном характере информации, обязательное по закону о рекламе (презентацию), один или несколько компонентов бренда и / или рекламные реквизиты и отличающаяся полисемiotической (поликодовой) природой, то есть равной значимостью вербально невербально выраженного смысла [9].

Таким образом, рекламная коммуникация может рассматриваться как вариативная модель массовой коммуникации, а рекламное сообщение (реклам-

ный текст) – коммуникативная единица для передачи информации от рекламодателя к рекламополучателю, обладающая рядом свойств, присущих всем текстам массовой коммуникации.

Список использованной литературы

1. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб.: Симпозиум, 2004. С. 48.
2. Там же. С. 93.
3. Реклама и связи с общественностью: учеб. пособие / отв. ред. А. Д. Кривоносов, М. А. Шишкина. СПб.: С.-Петербургский государственный университет, 2004. С. 107.
4. Там же. С. 107.
5. Там же. С. 109.
6. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=146196> (дата обращения: 23.04.2013)
7. Там же. С. 5.
8. Почепцов Г. Г. Коммуникативные аспекты семантики. Киев: Вища школа, 1987. С. 5.
9. Фещенко Л. Г. Структура рекламного текста: учебно-практическое пособие. СПб.: Петербургский институт печати, 2003. С. 68.

УДК 821.161.1

В статье рассматривается связь «литературы памяти» (Бунин) с модернистской концепцией времени, которая нашла отражение в работах Эйхенбаума, связанных с традициями философии А. Бергсона и С. Франка.

Ключевые слова: сюжетная редукция; философия памяти; художественное время.

The paper analyzes the connection between the «literature of memory» (Bunin) and the modernist concept of time as developed in the works of Eikhnenbaum which reflected the philosophic traditions of H. Bergson and S. Frank.

Key words: plot reduction; philosophy of memory; literary time

Е. В. Капинос

Институт филологии Сибирского отделения Академии наук

E-mail: dzerv@mail.ru

«Литература памяти» (И. А. Бунин) и образы времени у формалистов

Научная статья

Е. V. Kapinos

Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

E-mail: dzerv@mail.ru

Ivan Bunin's «Literature of Memory» and the Images of Time in Formalists' Writings

Scientific article

Нам бы хотелось установить связь между филологией и «литературой памяти» и отдельными понятиями, которые важны для формалистов, прежде всего для Эйхенбаума. Концепция времени, памяти, сложившаяся в философском и художественном сознании первой половины XX в., характеризует модернистскую эпоху в целом. Творчество нескольких русских писателей, для которых образы памяти являются ключевыми, подробно описано в монографии Б. В. Аверина [1]. Проза Бунина и Набокова выступает показательным примером русской «литературы памяти», тогда как в западном литературоведении эталоном такого типа письма, как известно, считается М. Пруст. Существует целая традиция сравнения Бунина с Прустом, начатая В. Вейдле, написавшем о «субъективизации повествовательных форм» у Бунина [2]. Традиция сопоставления Бунина и Пруста плодотворно продолжается и по сей день. Нередко к Бунину и Набокову применяют термины постпрустовской критики, источник которой, в свою очередь, – философия А. Бергсона.

Для художественных текстов Бунина характерна сложная временная структура, зачастую неоп-

ределенная модальность, образы воспоминаний в сочетании с образами мечты, грезы, творчества. Все это перекликается с бергсонской идеей «воспоминания-образа», существующего в тесной связке с «чистым воспоминанием» и восприятием. Память в философии Бергсона – не прямая трансляция из прошлого, она подключает к себе творческое воображение, создающее целый спектр различных смысловых оттенков: «Восприятие никогда не бывает простым контактом духа с наличным предметом: оно всегда насыщено дополняющими и интерпретирующими его воспоминаниями-образами. Воспоминание-образ, в свою очередь, причастно к «чистому воспоминанию», которое оно начинает материализовать, и к восприятию, в которое он стремится воплотиться: рассматриваемое с этой последней точки зрения оно может быть определено как рождающее восприятие. Наконец, чистое воспоминание (несомненно, независимое *de jure*), как правило, появляется только в окрашенном и живом образе, который его обнаруживает» [3]. Напряженность бунинского текста обеспечивается заполненными или незаполненными лакунами,

© Капинос Е. В., 2013

моментами обманчивого тождества. Такие нарративные формы прозы Бунина соответствуют концепции времени и истории, где высок удельный вес исторической ассоциативности, где, как в романе «Жизнь Арсеньева», история исходит из времен монгольского ига и заканчивается в революционном огне «азиатчины».

В то же самое время, когда в художественной практике Бунина возникает «текст памяти», в работах формалистов, в особенности Б. М. Эйхенбаума, создается оригинальная философская теория времени. Формалистская философия времени вырастает на А. Бергсоне и С. Л. Франке. Неоспоримые и многочисленные свидетельства «влияния Франка на Эйхенбаума, Бергсона – на Шкловского и Тынянова» приводит Дж. Кертис [4]; подчеркивая значение «Предмета знания» и других работ Франка для Эйхенбаума, исследователь заключает, что плюралистическая онтология Франка, сложившаяся под воздействием бергсоновской идеи длительности (*durée*), определила плюралистическое мышление формалистов. Отступления на темы времени и истории есть в некоторых литературоведческих статьях Эйхенбаума, это основная проблема «Моего современника», где история становится предметом научной и художественной рефлексии [5]. Чрезвычайно настойчиво во многих работах Эйхенбаум повторяет мысль о «неподвижной истории».

Если обратиться к более конкретным примерам, стоящим в непосредственной близости к поэтическому языку, можно вспомнить статью Эйхенбаума о Тютчеве, где литературовед обосновывает мысль о том, что привычное нам хронологическое, «историческое» время недостаточно, что наряду с ним существует второе, особое, время, Эйхенбаум называет его «настоящим», «темным» временем, приверженцами которого являются поэты, в частности Тютчев. Предвиденье не будущего, а прошлого, возвращение прошлому черт настоящего является одним из главных тезисов Эйхенбаума о времени.

Идея «неподвижной истории» Эйхенбаума вполне может быть воспринята как одна из проекций форм времени, описанных у Франка в «Непостижимом»: «Во временном измерении нам дано только "настоящее" – строго говоря, только математический миг настоящего; ничего "прошедшее" и "будущее" не может нам быть дано в том смысле, в каком дано настоящее. "Настоящее" и есть "предстоящее", *la present, die Gegenwart...* Само же прошлое и будущее нам не «дано» в своем содер-

жании... Прошлое и будущее.. есть для нас неизвестное. Это неизвестное, однако, с полной очевидностью и неотменимостью есть» [6].

Для настоящего времени, как оно видится Франку и Эйхенбауму, подойдут метафоры сна – психического состояния, обладающего высокой временной потенциальностью. Как и сон, настоящее дается в своем непосредственном содержании, но не может быть описано, «схвачено», запечатлено, поскольку в описании оно становится прошлым. Не имея возможности охватить, осмыслить настоящее вне схемы прошлого, познание, тем не менее, не игнорирует его, а все-таки пытается удержать и воссоздать, зафиксировать, почувствовать «иное», непостижимое, не схватываемое рациональной схемой. Таким образом, временной поток, устремленный к конечной цели (смерти, эсхатону), в непостижимом настоящем получает глубинную неисчерпаемость и бесконечность, мгновение как бы останавливается, и происходит это в момент «познания», религиозного опыта (у Франка), в момент эстетического впечатления (у Эйхенбаума).

Если художественный язык Бунина рассматривать сквозь призму такого рода философии времени, то особенно заметной становится сюжетная редукция в произведениях Бунина, всегда отмечаемая литературоведами, начиная со знаменитого анализа рассказа «Легкое дыхание», проведенного Л. С. Выготским. Сильное расхождение фабулы с сюжетом символизирует отмену причинно-следственных и линейных пространственных отношений. Другой важный момент – ойнеричность текстов Бунина, в которых мотивы сна, грезы, видения являются чрезвычайно показательными и тоже многократно исследовались.

Акцент на неисчерпаемом настоящем, на «неподвижном» лишает время линейности, последовательности, каузальности, а пространство – рядоположенности. Следствием этого становится полное расхождение социально-исторического, «хронологического», конечного времени с другим временем, временем «неисчерпаемым», «бесконечным», «неопределенным». «Неопределенное», «неисчерпаемое» время обнажает «непостижимое» в процессе познания для Франка, а для формалистов становится аналогом художественных форм с присущей им временной потенциальностью. У Франка образы потенциального времени-пространства, бесконечного времени-океана, омывающего крошечный островок истории и хронологии, почти

буквально совпадают с образами «темного настоящего» из статьи Эйхенбаума о Тютчеве.

Если обратиться к общим взглядам формалистов на художественную форму, то становится понятно, что для формалистов именно художественная форма несет нагрузку сохранения «настоящего», способна передать образ не хронологического, а «неподвижного», но изменчивого времени, которое концентрирует в себе «наслоения» прошлого, причем прошлое не теряет актуальности, время идет против хронологии, представляя не настоящее как прошлое (в этом случае в неизвестном обнаруживается уже знакомое по опыту), а прошлое как настоящее (в этом случае прошлое всякий раз пересоздается, открывая в себе неизвестное ранее). По тем же законам устроена и проза Бунина. Будучи прозой лирического типа, она тоже дает почувствовать прежде всего алеаторическую парадигматику, нежели синтагматику, что и проявляется на всех уровнях текста.

Список использованной литературы

1. Аверин Б. Дар Мнемозины: Романы Набокова в контексте русской автобиографической традиции. СПб.: Амфора, 2003. С. 339.
2. Вейдле В. На смерть Бунина // Классик без ретуши: Литературный мир о творчестве И. А. Бунина: Критические отзывы, эссе, пародии (1890-е–1950-е годы). М.: Книжница, Русский путь, 2010. С. 481.
3. Бергсон А. Материя и память // Бергсон А. Собр. соч.: в 4 т. М.: Московский клуб. Т. 1. С. 243.
4. Кертис Дж. Борис Эйхенбаум: его семья, страна и русская литература. СПб.: Академ. проект, 2004. С. 110.
5. Левченко Я. Другая наука: русские формалисты в поисках биографии. М.: ВШЭ, 2012. С. 167–220.
6. Франк С. Л. Непостижимое // Франк С. Л. Сочинения. М.: Правда, 1990. С. 208.

В статье рассматривается представление о взятке в русской классической литературе. На материале пьесы А. В. Сухова-Кобылина «Дело» исследуется типология взятки и поведение взяточника.

Ключевые слова: А. В. Сухово-Кобылин; драма «Дело»; взятка; лингвокриминалистика.

In the article distinction between word meanings premium and bribe in judicial linguistic examination is considered.

Key words: judicial linguistic examination; semantics; differentiation of meanings.

Д. Л. Карпов

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: karpovdl@yandex.ru

Типология взятки в драме А. В. Сухово-Кобылина «Дело»

Научная статья

D. L. Karpov

P. G. Demidov Yaroslavl State University

E-mail: karpovdl@yandex.ru

Typology of Bribes in the Drama by A.V. Sukhovo-Kobylin «Case»

Scientific article

В настоящее время одним из актуальных вопросов прикладной филологии является сопровождение юридической и экспертной деятельности. Это широкий спектр проблем, которым ещё предстоит быть решёнными. Отсутствие необходимого количества методических и учебных пособий подталкивает филологов к решению целого ряда конкретных задач: определению объекта экспертизы, типологизации случаев, выносимых на экспертизу, описанию форм и признаков предмета экспертизы и т. п. В существующих пособиях по экспертизе основное внимание уделяется вопросам, касающимся оскорбления, разжигания розни и экстремизма, – случаям, с которыми чаще всего сталкивается эксперт. В то же время одним из актуальных объектов лингвистической экспертизы стало взяточничество. Сама ситуация дачи взятки порой требует точного определения понятия «взятка», которого не даёт уголовный кодекс, и форм выражения требования взятки или её предложения.

Вполне закономерно предположить, что в этом может помочь не только исследование конкретных случаев, выносимых на экспертизу, но и изучение художественных источников, в которых также предпринимается попытка описания феномена взятки и взяточничества. В этом, безусловно, могут помочь такие авторы, не раз обращавшиеся к описанию данного явления, как Гоголь, Салтыков-Щедрин, Чехов и др. Одним из важнейших писателей этого ряда явля-

ется А. В. Сухово-Кобылин, которому суждено было на собственном опыте испытать все превратности русской судебной системы, нечуждой взяточничества.

Взятке Сухово-Кобылин посвятил центральную часть своей известной драматической трилогии, которая издаётся под единым названием «Картины прошедшего». Особенность драмы «Дело» состоит в том, что автор ставит цели не сколько эстетические, сколько этические: «...если бы кто-либо из уважаемых мною личностей усомнился в действительности, а тем паче в возможности описываемых мною событий; то я объявляю, что я имею под рукою факты довольно ярких колеров, чтобы уверить всякое неверие, что я ничего невозможного не выдумал и несбыточного не соплел... Об литературной, так называемой, расценке этой Драмы я, разумеется, и не думаю; а если какой-нибудь Добросовестный из цеха Критиков и приступил бы к ней с своим казенным аршином и клейменными весами, то едва ли такой официал Ведомства Литературы и журнальных Дел может составить себе понятие о том равнодушии, с которым я посмотрю на его суд» [1. С. 65].

В первом действии автор предлагает чёткую систему взяток, которая, по мнению центрального персонажа первой части трилогии Кречинского, исчерпывающе представляет взяточничество на Руси: «Есть сельская, так сказать, пастушеская, аркадская взятка; берется она преимущественно произведениями при-

роды и по стольку-то с рыла; – это еще не взятка. Бывает *промышленная* взятка; берется она с барыша, подряда, наследства, словом, приобретения, основана она на аксиоме – возлюби ближнего твоего, как и самого себя; приобрел – так поделись. – Ну и это еще не взятка. Но бывает *уголовная* или *капканная* взятка, – она берется до истощения, догола! ... совершается она под сению и тению дремучего леса законов, помощью и средством капканов, волчьих ям и удилиц правосудия, расставляемых по полю деятельности человеческой, и в эти-то ямы попадают без различия пола, возраста и звания, ума и неразумия, старый и малый, богатый и сирый» [1. С. 70–71].

В пьесе центральное место отведено третьему типу взяток, который является хлебом насущным для чиновничьего аппарата в России, по мнению героев: «*Иван Сидоров*. А сапожки по их званию лаковые – изволили видеть? ... А перчаточки по их званию беленькие – изволили видеть? ... А суконце тоненькое английское; а воротнички голландские, а извощик первый сорт; а театры им по вкусу; а к актрисам расположение имеют – а вотчин у них нет... Чем же они живут? *Муромский*. ... Ну — Государево жалованье тоже получают. *Иван Сидоров*. Государева, сударь, жалованья на это не хватит; Государево жалованье на это не дается. Честной человек им жену прокормит, ну, матери кусок хлеба даст, а утробу свою на эти деньги не нарадует. Нет! Тут надо другие. Так вот такому-то лицу, хоть будь оно три лица, и все-таки вы, сударь, оброчная статья» [1. С. 86].

Взятка в пьесе Сухова-Кобылина – оброк, получаемый чиновником со своей «вотчины»-канцелярии, в которой он призван служить. Взятка – основа дохода чиновника, которому отпущен прожиточный минимум в виде государева жалования.

Чиновник, не занимающийся ни сельским хозяйством, ни заводским производством, имеет лишь один способ нажиться – обирая вынужденных обратиться к нему за выполнением им своих должностных обязанностей.

Такое положение чиновника, живущего не по средствам, влечёт за собой создание отлаженного механизма взяткоимства, который работает намного слаженнее государственного, подменяемого финансовыми махинациями: «*Муромский (с досадою)*. Стало уж, по-твоему, все берут. *Иван Сидоров*. Кому как сила» [1. С. 87]. Эта формула, появляющаяся в «Деле», известна читателю по комедии Н. В. Гоголя «Ревизор», в которой за чиновниками водятся «грешки».

Интересно, что в драме «Дело» иерархия взяточников влияет не только на суммы, получаемые чинов-

никами, но и на способы их получения. В драме можно определить три вида получения взятки: это взятка открытая, скрытая и мошенническая.

Последний вид относится к преступлению иного порядка: «*Атуева*. Тут только увидел, что правду ему Кречинский писал. Вот он, батюшка, мой, туда сюда. Взял стряпчего, дал денег – ну уладили... Только я вам скажу, как дал он денег, тут и пошло; кажется, и хуже стало; за одно дает, а другое нарождается. Тут уж и все пошло: даст денег, а они говорят, мы не получали; он к стряпчему, а стряпчий говорит, я отдал; вы им не верьте – они воры; а стряпчий-то себе половину ... Был теперь у нас еще по началу Дела стряпчий и умнейший человек – только бестия; он у Петра Константиныча три тысячи украл» [1. С. 72, 74]; «*Тарелкин*. ... Он все мытарства прошел. Как порассказал мне его управляющий. – Боже мой, чего с ним не делали: давал он через третье лицо; третье лицохватило его на полкуша. Стал сам давать – хуже. Кому даст – тот болен; на его место новый – мнение пишет» [1. С. 90].

Как видно из последнего примера, взятничество непосредственно срощено с мошенничеством, возможность теневого получения денег благоволит обману и нарушению прочих законов, не только государственных, но и человеческих; недаром Сухово-Кобылин настаивает на классовом делении своих героев: были дворяне, стали чиновники. Понятия чести и честности, которые составляли духовный центр дворянской культуры, показанный А. С. Пушкиным в «Капитанской дочке», – чести для всех и чести всех, – совершенно чужды чиновнику, который представляет не просто социальный класс, но человека иного рода, иного происхождения.

Мошеннической взяткой пользуются на всех уровнях чиновничьего аппарата. Более того, она может быть использована любым «умнейшим человеком», пришедшим ниоткуда. В драме описывается несколько таких случаев, причиной возникновения которых служит незнание и неумение помещиков вести свои дела: «Сидим здесь, как в яме; никого не знаем: темнота и сумление. – Разобрать путём не можем, кого нам просить, к кому обратиться» [1. С. 72].

Правда, сюжет «Дела» подтверждает, что даже при известности этих путей процесс не завершится в пользу истца. В сцене с Муромским Варравин прямо говорит просителю: «*Варравин*. Вы не беспокойтесь; вы всегда скажете то, что нам нужно» [1. С. 96].

Взятка скрытая характерна для практики «невысоких» чинов, которые не чувствуют за собой силы своего положения. Таким видом взятки пользуется в пьесе Тарелкин, которому искусно подыгрывает Иван Сидоров:

«Тарелкин (входит). Что вам надо – вы меня зовете?

Иван Сидоров (сталкивается с ним и подает ему пакет, тихо). Вы, ваше высочорodie, записочку обронили.

Тарелкин (с удивлением). Нет. Какую записочку?

Иван Сидоров (тихо). Так точно – обронили. Я вот сейчас поднял.

Тарелкин (щупая по карманам). Да нет, братец, я никакой записочки не знаю.

Муромский (в замешательстве). Творец Мило-сердый – да он мне историю делает.

Иван Сидоров (смотрит твердо Тарелкину в глаза).

Да вы о чем беспокоитесь, сударь? Вы обронили, мы подняли (с ударением), ну – и извольте получить!

Тарелкин (спохватясь). А – да, да, да! (Берет пакет и быстро выходит на авансцену.) О, о, о, это птица широкого полета!» [1. С. 86].

Такая взятка даётся со знанием негласного закона: «Да как же, сударь? – ехать хотите – а колес не мажете!» [1. С. 85]. Муромский, не привыкший к чиновному обхождению, смотрит на ситуацию с высоты своего представления о чести, но за честь ордена не даются: «Я б ему прямо Станислава повесил... Уж не знаю, на него ли Станислава или его на Станиславе повесить» [1. С. 84, 85].

Скрытая взятка, которой пользуются не наделённые большой силой чиновники, связана и с открытой взяткой их начальников. Именно подчинённый подготавливает сцену для выхода главного лица. Его цель убедить в том, что развитие дела невозможно без подношения:

«Иван Сидоров. Ну вот и благодарение вашей милости. (Понизив голос). Дело-то, батюшко, наше у вас?

Тарелкин (тоже понизив голос). У нас.

Иван Сидоров. Его-то превосходительство, Максим Кузьмич, ему голова, что ли?

Тарелкин. Он голова, я руки, а туловище-то особо.

Иван Сидоров. Понимаю, сударь; Господь с ним, с туловищем.

Тарелкин (в сторону). Не глуп.

Иван Сидоров. И они все могут сделать?

Тарелкин. Все» [1. С. 84].

На этой начальной стадии чиновник пользуется как иносказанием, так и прямым указанием на сложившийся механизм: «Он (важное лицо. – Д. К.) примет, да чиновнику и передаст: вам поклон (клянется), значит, кончено; к другому – а их до полусотни, у всякого записка – воз; да по почте получен – другой; да всяких дел – третий; да у него в час заседание; да комитетов два; да званый обед на набережной; да вечером опера, да после бал, да в голове-то уж вот что... (делает

жест), так он вашу-то просьбу с прочими отдаст секретарю: рассмотрите, мол, и доложите. Понимаете. ... А секретарь передаст сделать справки – мне» [1. С. 105]. Тарелкин в драме постоянно намекает или говорит открыто о том, что единственная сила в чиновничьей машине – он и его начальник Варравин. Это и есть задача первой стадии процесса дачи взятки (а точнее, её требования) – подсыла.

Подсыл необходим для того, чтобы наладить связь между нужным чиновником и его «жертвой». Стадия эта важна тем, что просителю указывают прямой путь решения своего вопроса, также пресекая все остальные возможные пути: «Тарелкин. Хорошо!!!. Смотри, я просителя впушу, — ты его не тронь... пускай попросит... (даёт ему в руку) понимаешь. Парамонов (подиурив глаз). Попарить, что ль, надо, – ай не гнется? Давайте, – мы попарим...» [1. С. 108].

Вместе с тем оговариваются условия и сумма получения между чиновниками, процесс подготовки взятки описан Сухово-Кобылиным как кропотливая работа, требующая от чиновников «профессионализма», расчёт точен и учтены все факторы: «Особенной массы нельзя! Взняли... Одна дочь! Вся жизнь. Тридцать!... Имение заложит. ... Заложено... Продано... ну, тысчонок двадцать пять у него надо быть. ... Ну, делать нечего – двадцать пять» [1. С. 90–91].

Открытая взятка – это уговор, с обозначением точной суммы, с торгом (Фемида – «на весах, варварка, торгует» [1. С. 97]).

Варравин при встрече с Муромским сразу же объясняет ему всю непоправимость его дела: «Впрочем... пора кончить; я затем коснулся этих фактов, чтобы показать вам эту обоюдность и качательность вашего дела, по которой оно, если поведете туда, то и все оно пойдёт туда. ... а если поведется сюда, то и все... пойдёт сюда...» [1. С. 97], – Кречинский прав, это взятка-капкан, из неё невозможно выбраться, так как единственным судьёй в этом деле является сам чиновник, условия дела диктует также он.

Софистика – главный талант Варравина, его хлеб насущный, релятивность условий любого судебного дела для Варравина – это своеобразный закон чиновничьей риторики, которая направлена на размывание границ между понятиями, между виновным и невиновным. Если Муромский уверен в том, что честному человеку и оправдываться не в чем, он вне чиновничьего крючкотворства, вне этой риторики, то на иной закон указывает князь, начальник Варравина: «Невинному, сударь, и оправдываться; а виновный у меня не оправдывается – за это я вам отвечаю» [1. С. 110]. Обесценивание понятий про-

исходит на этом уровне чиновничьей софистики, «смещение языков» – метафора, которой пользуется сам Варравин, человек слова здесь борется с человеком денег. Последний всегда побеждает.

И Варравин хорошо знает это: «Да, все в порядке... только... у меня от этих порядков дух захватило... Гм, гм... Следствие?!.. Пожалуй, помещик-то и при следствии такой же жар окажет! – Или, может быть, к тому времени и поохолодает; потому он преспокойно показать может, что я-де действительно деньги эти на столе по неосмотрительности оставил, а что действительный статский советник Варравин принял их за подкуп, в том не виновен. Да если и горшее предположить: оставят в подозрении – эка штука! Я много кого оставил – все здоровы, еще и кланяться приказывают; доживают свой век в своих вотчинах и хорошими христианами умирают, в должном раскаянии, посреди семейства... Что ж, уберусь в свою и я... княжеская была... Сахарный завод поставлю – помещик буду, звание почтенное... Конечно, не сановник – а все же почтенное» [1. С. 135].

Сам же торг ведётся на языке рынка, не знакомого ни с софистикой, ни с иносказанием: «Да, тридцать тысяч и ни копейки бы меньше приказный этот не взял. Да, слышите: не на ассигнации, а на серебро» [1. С. 98]. При этом торговец не скрывает иллюзорности своего товара: «*Муромский*. Если б тут степь какая, громадина была в спорности или заводина какой – железноделательный – а то ведь что? – только одно мнение – так – фу – воздух. *Варравин*. Положим, что и воздух... только воздухом-то этим вас поистомило» [1. С. 98]. Да и среди чиновников это мнение значительно распространено, только не каждый может и хочет его выразить.

Тотальная незаконность приводит к полному нивелированию представлений о системности процесса взяточничества. Несмотря на чёткую классификацию самого явления, на указание его признаков, автор приводит читателя к мысли, что взятка – это флуктуации чиновничьего аппарата, она совершенно предсказуема, но случаи взяточничества хаотичны в своём проявлении. Так и финал драмы приводит к тому, что сами чиновники теряют «логику взятки»: Тарелкин и Живец до последнего момента не понимают игры, которую ведёт Варравин, что и обращается для первого катастрофой и составляет «пролог» к последней пьесе трилогии. Варравин использует приём, о котором уже известно читателю по рассказу Ивана Сидорова, этот персонаж играет роль оракула в пьесе: «... и выложил, и хорошо, сударь, выложил; так сказать, две трети, и то такой куш составило, что вы и не поверите. Он это и поме-

тил – стало, ведь набитая рука. Как рывкнет он на меня: мужик, кричит, мужик!.. Что ты, мужик, делаешь? За кого меня принимаешь! – А? ... Я так на колени-то и сел. Да знаешь ли ты, козлиная борода, что я с тобою сделаю? – Да я те, говорит, туда спущу, где ворон и костей твоих не зазрит. ... Стою я на коленях-то да только и твержу – не погубите! – за жандармом, кричит, за жандармом. ... и за звонок уж берется. ... Ну, вижу я, делать нечего; встал – да уж все и выложил; и сертук-то расстегнул: на вот, мол, смотри. Он и потишел...» [1. С. 81]. Так и Муромскому возвращён его конверт, правда, содержащий три тысячи, на которые он и рассчитывал в разговоре с Варравиним.

Сам процесс дачи взятки не существует обособленно, он сопровождается механизмами, которые навязывают «взяткодателю» правила чиновничьей игры, приводят его к неизбежности дачи взятки.

Цель любого взяточника – не отлаженная система взяточничества, но мгновенное обогащение: «Теперь, матушка, из них всякий не то что на прожиток взять или бы благодарность какую: Бог бы с ним, мы за это не стоим; а смотрит, чтобы сразу так цапнуть; чтобы, говорит, и себе было, и детки бы унаследовали. Ну, и стало оно грабительство крупное, маховое; сидят они каждый на своем месте, как звероловы какие, да в свои силки скотинку Божию и подкарауливают. Попадет кто – они вот эту сетью (*указывает на записку*) опутают – да уж и тешатся» [1. С. 102].

Взятка – это не просто сбой системы управления, это системное явление, которое не может существовать без отлаженного механизма. В то же время взятка – это явление стихийного порядка. В каждой конкретной ситуации она принимает специфические формы, может зависеть от большого числа факторов.

Таким образом, в пьесе «Дело» А. В. Сухово-Кобылина представлено достаточно детальное описание феномена взяточничества. Автор выделяет три типа взятки: сельскую, промышленную и уголовную, – данные типы выделяются в зависимости от средства, предмета договора и его условий. В драме описаны и три способа взяточничества: мошеннический, скрытый и открытый. Эти способы определяются в зависимости от поведения вымогающего взятку. Отметим, что художественная литература даёт богатый материал для изучения прикладных аспектов филологической науки и не воспользоваться этим богатством было бы значительным упущением со стороны филологов-прикладников.

Список использованной литературы

1. Сухово-Кобылин А. В. Дело // Сухово-Кобылин А. В. Картины прошедшего. Л.: Наука, 1989.

Данное исследование, выполненное на региональном материале, посвящено феномену языковой игры как способу повышения коммуникативной эффективности региональной наружной рекламы. Исследованный материал свидетельствует о многообразии приемов языковой игры, используемых рекламными креаторами с целью привлечения внимания потребителей к рекламному сообщению – от игры с многозначностью слова и создания окказионализмов до графических выделений на базе слова и обыгрывания прецедентных феноменов. Кроме того, в статье рассмотрен вопрос взаимодействия прямого и переносного значений, реализуемых в вербальном и визуальном компонентах рекламного текста.

К л ю ч е в ы е с л о в а : языковая игра; прецедентный текст; окказионализм; игра с многозначностью; коммуникативная эффективность.

The study based on the regional material, is devoted to the phenomenon of language games as a way to improve communication efficiency of the regional outdoor advertising. The examined material displays the diversity of methods of language games used by advertising creators for attracting consumers' attention to the advertising message: from the game with polysemantic words and the creation of nonce words to graphics selections based on the words and harping precedent phenomena. In addition, the article studies the question of the interaction of the direct and figurative senses, realized in the verbal and visual components of the advertising text.

К e y w o r d s : language game; precedent text; occasional usage; playing with polysemantics; communication effectiveness.

Т. П. Куранова, П. А. Кабанова

Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского

E-mail: kuranova.mk-28@mail.ru

E-mail: polina@dvaslona-outdoor.ru

**Языковая игра как способ повышения
коммуникативной эффективности рекламного текста
(на примере региональной наружной рекламы)***

Научная статья

Т. P. Kuranova, P. A. Kabanova

Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky

E-mail: kuranova.mk-28@mail.ru

E-mail: polina@dvaslona-outdoor.ru

**Language Game as a Way to Improve
the Communication Efficiency of the Advertising Text
(example of regional outdoor advertising)**

Scientific article

Одной из актуальных задач в области рекламной коммуникации является поиск новых способов усиления коммуникативной эффективности рекламного сообщения [1]. Это утверждение относится и к наружной рекламе. Чтобы ее заметили, нужно очень постараться, так как против нее работает вся городская среда: множество отвлекающих источников информации и равнодушие потенциального потребителя. Наружная реклама имеет специфический характер, так как у нее есть всего несколько секунд, чтобы привлечь внимание.

Непростая задача для дизайнера – создать дизайн-макет, который привлекал бы внимание, бросался в глаза, вовлекал аудиторию в коммуникацию с брендом. Не случайно наружную рекламу называют самым сложным медиа для креатива – творческой разработки дизайн-макета.

Одним из способов повышения коммуникативной эффективности является стремление завоевать адресата через эксплуатацию игровой функции языка и изображения [2]. Настойчиво привлекая внимание реципиента, «теребя» его, создатели рекламного тек-

* Статья выполнена при поддержке Гранта АВЦП по проекту 6.1828.2011 «Проблемы эффективности массовой коммуникации».

© Куранова Т. П., 2013

© Кабанова П. А., 2013

ста пытаются во что бы то ни стало вовлечь получателя рекламной информации в коммуникативный процесс, используя при этом различные приемы языковой игры. Такие технологии широко используются в наружной рекламе, поскольку позволяют создать броский, привлекающий внимание текст и «обыграть» рекламное сообщение, связав все компоненты в единое смысловое целое – рекламный образ [3].

Как отмечает Е. Б. Курганова, «для рекламного текста многозначность – средство воплощения многомерности <...>. Рекламе свойственны такие игры, когда текстовое окружение не убирает, а, напротив, усиливает вероятность прочтения слова по-разному, доставляя удовольствие сообразительному реципиенту. Перед потребителем раскрывается бездна смысловых интерпретаций, "творить", а точнее, вспоминать которые он может в соответствии с собственными желаниями и интеллектуальными возможностями» [4]. Но если Е. Б. Курганова говорит о влиянии текстового окружения на восприятие отдельного слова, то исследователи Н. В. Аниськина и Т. Б. Колышкина исходят из того, что вербальный и визуальный компоненты способны вступить во взаимодействие и создать *вербально-визуальную риторическую фигуру* – комбинацию из двух типов знаков, восприятие которой также может доставить потребителю удовольствие [5].

Для анализа наиболее характерных для регионального рекламного рынка приемов языковой игры (далее – ЯИ) и особенностей взаимодействия вербального и визуального ряда, обладающих игровым эффектом, были выбраны 30 рекламных модулей, размещенных в разных районах города Ярославля в 2012–2013 гг.

Все выбранные дизайн-макеты региональной наружной рекламы мы подразделили на типы рекламируемой продукции или услуги для определения специфики использования приемов ЯИ для разных групп товаров и услуг.

Тематическая классификация анализируемой рекламы:

1. Реклама магазинов мебели и предметов интерьера.
2. Реклама гипермаркетов.
3. Реклама продуктовых магазинов.
4. Реклама магазинов бытовой техники и электроники.
5. Реклама кафе и баров.
6. Реклама банков.
7. Реклама средств массовой информации (радио, пресса).

1. Наружная реклама магазинов мебели и предметов интерьера

Реклама мебельного магазина «Огого Обстановочка!» привлекает внимание яркими контрастными цветами, оригинальным дизайн-решением и языковой игрой, которая воздействует на адресата и тем самым останавливает его внимание на данном рекламном обращении, поскольку необычные люди замечают быстрее и охотнее, чем обычное.

В рекламном обращении использован такой выразительный прием, как риторический вопрос – «Кто на цвете всех милее?», который ставится не для того, чтобы получить на него ответ, а с целью привлечения внимания реципиента.

С аттрактивной целью рекламодатели используют *языковую игру с прецедентными текстами* – обыгрывание известной фразы-вопроса «Кто на цвете всех милее?». Это всем известная с детства строчка из произведения А. С. Пушкина «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях» («*Кто на свете всех милее?*»). Примечательно, что данная фраза трансформируется: слово *свет* заменено на *цвет*, что в общем не мешает ей быть узнаваемой. Слово *цвет* обозначает *цветок*, который изображен на рекламном щите и поддерживает заголовочный комплекс.

Визуальный образ рекламного сообщения тесно связан с вербальным. Заголовок-вопрос «*Кто на цвете всех милее?*» расшифровывает нам изображение – *цветок*, на котором растут разнообразные интерьерные аксессуары. И реклама предлагает выбрать, какой из товаров нам милее. Таким образом, игровой эффект достигается благодаря вопросу, адресованному рекламополучателю: что из представленных на цветке товаров достойно внимания потребителя и сможет удовлетворить его запросы? Поскольку данный визуальный образ построен на ассоциациях – на цветке растет товар, отсюда следует вывод: он натуральный, природный и безвредный.

Хочется отметить интересное шрифтовое и цветное решение данной рекламы: вопросно-ответная конструкция КТО ВСЕХ? ОГОГО выполнена в сером цвете более крупным шрифтом. Имплицит-

ный смысл, содержащийся в этой фразе, следующий: *кто всех лучше?* А далее следует ответ: ОГОГО.

Все элементы рекламы воспринимаются как единая концепция. Реклама заинтересовывает и привлекает внимание. Возможно, для того чтобы «глаза не разбегались», можно использовать меньше товаров (оптимальное число в данном случае – 3).

Другой интересный пример высокоэффективного воздействия языковой игры представлен в следующем дизайн-макете магазина «Огого обстановочка!».

Во-первых, вместо заурядного слова *стул* или *кресло* (рекламируемых предметов мебели) копирайтерами использовано существительное *трон* – богато украшенное кресло на специальном возвышении; место монарха во время официальных приёмов и иных торжественных церемоний [6]. Значение существительного усилено визуальным рядом (царской короной).

Во-вторых, рекламный заголовок «*Атака тронов*» построен на интерпретации прецедентного феномена – названия известного фантастического фильма 2002 г. «Звёздные Войны. Эпизод II: Атака клонов». Вероятно, присутствует ассоциация с одним из центральных персонажей киносаги – *королевой* планеты Набу. Смысл вновь созданного высказывания заключается в том, что мебель магазина «Огого обстановочка!» обладает несравнимо высоким качеством и сможет удовлетворить запросы самых взыскательных клиентов, которые могут почувствовать себя как на троне. А под словом *атака* в данном случае подразумевается снижение цен и активное продвижение мебели магазина «ОГОГО!» на рекламном рынке.

2. Наружная реклама гипермаркетов

(на примере рекламы гипермаркета «Глобус»)

Рекламное сообщение привлекает к себе внимание за счет динамичного шрифта и ярких цветовых пятен.

В анализируемом рекламном тексте присутствуют следующие приемы вербального воздействия на адресата: *местоимение*, *обращение* и *языковая игра*. Во-первых, в рекламном сообщении использовано местоимение *Вас* – *Приглашаем Вас на чемпионат по грилю!* Таким образом, языковое

средство не только оживляет рекламный текст, но и помогает установить контакт с потенциальным потребителем.

Рекламный окказионализм *ГрильМания*, выполняющий аттрактивную функцию, образован в результате сложения. Необычное слово, появившееся в результате подобного языкотворчества, значительно оживляет рекламу и привлекает внимание потенциальных клиентов.

Образ повара в рекламе гриля чрезвычайно уместен: рекламный образ построен за счет актуализации профессионального статуса, так как люди склонны доверять профессионалам. А жизнерадостный вид повара и использование жеста ОК! означает, что все в порядке, все отлично и настраивает потребителя на позитивный лад.

Следующая реклама привлекает к себе внимание за счет композиции из объемных букв – *уДАЧный сезон 2012*. Графическая игра отражена в слове *удачный* – компонент «Дач» графически обыгран в виде дачного домика. В качестве игрового приема использована *игра с внутренней формой слова*, внутри которой выделяется другое слово, создающее рекламный образ – создание так называемых «имен-матрешек», или «слов-вкладышей» [7]. В данном примере графический каламбур представляет собой окказиональное слово с удвоением смысла (*дачный сезон*, а в подтексте *удачный*).

Реклама обращает на себя внимание за счет интересного слогана «*Дни природо-ЕДЕНИЯ*», обыгрывающего название сети известных в городе магазинов «Дом еды».

Шрифт в рекламе хорошо читается, он достаточно крупный и контрастный. Используются графические изображения дачной атрибутики – лопата и грабли. Представленный дизайн-макет гипермаркета «Глобус» вызывает положительные эмоции у адресата.

3. Наружная реклама продуктовых магазинов (на примере магазина «Дом Еды»)

Языковая игра в тексте основана на сложении слов: *есть на природе = природо-едение*. Оказиональное слово, полученное в результате сложения, ассоциируется с уже имеющимся в языке словом *природоведение* (прием паронимической аттракции).

На иллюстрации изображен пикник и все его атрибуты. Реклама выполнена в фирменных цветах «Дома еды». Шрифт в рекламе хорошо читается, он контрастен.

Общее впечатление от рекламного сообщения – позитивное, все элементы воспринимаются как единая концепция.

Следующая реклама магазина «Дом Еды» привлекает внимание за счет изображения и контрастного начертания. На билборде размещен рекламируемый продукт – клубничный пирог. Изображение аппетитное и хочется его попробовать. Языковая игра в заголовке основана на прямом и переносном значении слова *вкус*. Ср.: *Вкус вина, вкус яблока и вкус жизни. Вкус ЛЕТА*.

Смысл заголовка, построенного на использовании метафоры (*Вкус лета*), конкретизируется за счет грамотного построения видеоряда: слева мы видим ягодный пирог, который ассоциируется с летом.

Если рассуждать о взаимодействии вербального и визуального компонентов рекламы, то необходимо отметить, что текст строится на использовании многозначного слова, употребленного в переносном смысле, а изображение, напротив, воспринимается однозначно.

Общее впечатление от рекламного сообщения – приятное, положительное.

4. Наружная реклама магазинов бытовой техники и электроники

В наружной рекламе магазина «М-видео» присутствует игра с многозначностью слова, которая выполняет смыслоразличительную функцию: создание нового содержания за счет оригинального использования языка. *Отличный* 1) иной по сравнению с чем-то или кем-то другим и 2) очень хороший, превосходный [8]. Ср.: *Умным отличные оценки – Умным отличные цены*. Исходя из логики рекламного сообщения, оказывается, что чрезвычайно выгодно быть умным: только для отличников действуют *отличные от других магазинов* цены. Реклама приурочена к 1 сентября, когда родители покупают детям компьютеры.

5. Наружная реклама кафе и баров

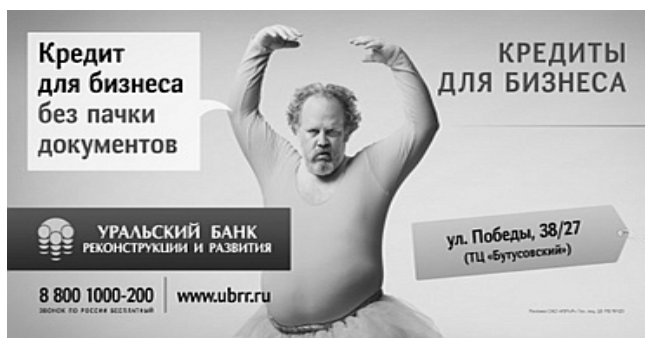

Вербальными средствами воздействия в рекламе нового кафе «Япончик» являются: 1) восклицательное предложение *Япончик – твой друг!*, 2) использование глаголов, призывающих к действию: *Заходи! Звони!*, 3) использование местоимения *твой*, 4) игра слов.

В данном рекламном сообщении использована языковая игра с именем собственным – названием марки – рестораном *японской кухни*. Кафе суши «Япончик» образовано от нарицательного *япончик* – уменьшительно-ласкательного названия представителя Страны восходящего солнца (ср. также *эстончик, бельгийчик, болгарчик*). Визуальный компонент (изображение японца) в данном случае выполняет иллюстративную функцию. Задача же привлечения внимания решается благодаря использованию *каламбура* в вербальном компоненте: *Япончик – твой друг!*, поскольку в сознании адресата возникает четкая ассоциация с криминальным авторитетом *Япончиком* (омонимия двух собственных имен – названия ресторана и вора в законе). Таким образом, данный прием языковой игры создает юмористический эффект и используется для лучшего запоминания названия услуги и внедрения ее в сознание потребителя.

Визуальный образ построен на использовании национальности – эксперта товара. Никто не разбирается в суши лучше, чем японец. Стиль рекламы, цвета, атрибутика соответствуют данной стране или национальности. Реклама воспринимается положительно, она яркая и солнечная за счет использования желтого и красного цвета.

6. Наружная реклама банков

Анализируемая реклама привлекает внимание за счет интересного и неожиданного для рекламы банка *визуального образа*.

Для достижения *вербального воздействия* в рекламе «Уральского Банка» использован *каламбур* – языковая игра, построенная на одновременной актуализации нескольких значений существительного *пачка* (*литературного, профессионального*

и жаргонного): 1. Стопка однородных сложенных или связанных предметов. *II. денег. II. писем.* 2. *Театр.* Короткая пышная многослойная юбка танцовщицы [9]. 3. *жарг.* Полное лицо.

Текст построен на актуализации прямого значения слова, а изображение – переносного. Иллюстрация – крупный мужчина в пачке (пышной театральной юбке) – олицетворяет отрицательного героя, который ассоциируется с пачкой документов. В слогане говорится о том, что кредит предоставляется **без** пачки документов, то есть без лишних проблем. Пачка документов при получении кредита так же неуместна, как мужчина в розовой балетной пачке. При этом образ крупного мужчины в балетной пачке, несоответствие атрибутики данному человеку вызывает чувство нелепости. Образ поддерживает текст, придает ему смысловое значение и более ярко визуализирует проблему.

Реклама выполнена в фирменном стиле банка. Основные элементы – желтые и темно-красные (яркие цвета привлекают внимание). Серый фон не несет смысловой нагрузки. Розовый – усиливает несоответствие данного образа имиджу человека, успешного в бизнесе.

Дизайн-макет сделан не стандартно с точки зрения рекламы банков. Реклама интересна именно своей необычностью и нестандартностью.

Реклама «Банка Аксон» привлекает к себе внимание за счет ярких цветов и слова РАСПРОДАЖА.

Одним из средств выразительности можно считать восклицательное предложение *Распродажа кредитов!* Такие предложения играют роль сигналов, указывают на важность рекламной информации, несут большой заряд экспрессии.

В сообщении *Распродажа кредитов!* использован такой вид языковой игры, как *коллизия* – неожиданное сочетание слов [10, с. 78]. Используемые слова не могут дополнять друг друга по смыслу: может быть *распродажа товаров,*

но не кредитов. Примечательно то, что фраза «распродажа кредитов!» написана на ценнике, что усиливает эффект акции.

Реклама яркая и контрастная, выполнена в фирменных цветах банка «Аксон». Она проста и лаконична. Макет сделан правильно: он хорошо прочитывается за минимальное количество времени.

Общее впечатление от рекламы положительное, но банк – это серьезная организация, а использование слова *распродажа*, как показывают результаты опроса, привносит некую несерьезность, возникает ассоциация с обычным магазином. С другой стороны, это можно расценить как нестандартный рекламный ход, неожиданный, оригинальный прием, интригующий внимание адресата.

7. Наружная реклама СМИ (радио, пресса)

Реклама «Главного радио»¹ привлекает внимание за счет яркого слогана и игры слов (речевой неоднозначности): 1. Настроить свой радиоприёмник для приёма. *Н. на нужную волну. Настройся на Главное!* – настроить частоту, а именно 101.7 FM. 2. Прийти в какое-л. настроение, расположение. *Н. на весёлый, грустный, шутливый лад* (также *настройся на главное, важное*). Данный призыв представляет собой вариант каламбура, основанного на столкновении значений *собственного* (название радиостанции *Главное радио*) и *нарццательного* (*главное* в значении *самое важное, основное, центральное + главная дорога*).

Вполне оправдано использование дороги, так как радио в основном слушают в машине. Логотип компании изображен в виде знака главной дороги (таково было пожелание клиента), но по закону о рекламе в наружной рекламе нельзя использовать дорожные знаки, даже трансформированные, так как это может дезинформировать водителей.

Средствами выразительности в рекламе журнала «Губернский город» выступают вопросы-

¹ Данная реклама является авторской. Разработчик – Кабанова Полина.

тельно-восклицательная конструкция и прямое обращение: А ТЫ ЧИТАЛ?! Вопрос задают оптимистичные, жизнерадостные девушки, изображенные на рекламном щите, весь облик которых передает позитивный настрой после прочтения журнала «Губернский город».

В данном рекламном обращении использован такой приём языковой игры, как *игра с прецедентными текстами* – обыгрывание известной фразы *Ты записался добровольцем?* (плакат времен Гражданской войны, призывающий вступить в ряды Красной Армии). Данный вопрос по своей сути является императивом и обладает ярко выраженным побуждающим действием. Его эффективность состоит в том, что он апеллирует к гражданскому долгу, совести, то есть к очень глубоким регуляторам человеческого поведения, которые обеспечивают состояние социального комфорта.

Проведенное исследование позволило нам сделать следующие **выводы**.

Для региональной рекламы определенных групп товаров и услуг в целях повышения коммуникативной эффективности текста копирайтеры применяют следующие приемы ЯИ.

Для рекламы магазинов мебели и предметов интерьера используется игра с прецедентными текстами, шрифтовое и цветовое выделение текста.

Частотными средствами привлечения внимания **в рекламе гипермаркетов** являются языковая игра, основанная на многозначности существительных, окказионализмы, образованные в результате сложения слов, и графическая игра.

В рекламе продуктовых магазинов основными источниками воздействия на адресата являются обыгрывание имени собственного, сложение слов и метафора.

Для рекламы магазинов бытовой техники и электроники с целью воздействия на потребителя использованы приемы речевой неоднозначности, параграфемные элементы (денежные символы, зачеркивание).

В рекламе кафе и баров на потребителя активно воздействуют восклицательные предложения, отрицание, повтор с противопоставлением, эвфемизм, иносказание, игра с названием марки.

Основными приемами создания выразительности **в рекламе банков** являются каламбур и коллизия.

В рекламе СМИ широко используется игра с названием марки, лексический повтор и обыгрывание прецедентных высказываний.

Таким образом, в региональной наружной рекламе преобладают такие *вербальные средства воздействия*, как **языковая игра с названием марки, сложение слов и обыгрывание прецедентных феноменов**.

Варианты взаимодействия *вербального и визуального компонентов* в региональной наружной рекламе таковы, что, во-первых, текст строится на использовании многозначных слов, употребленных в переносном смысле, а изображение, напротив, воспринимается однозначно (более распространенный вариант), во-вторых, текст построен на актуализации прямого значения слова, а изображение – переносного.

По данным социологического опроса, проведенного среди жителей нашего города, на вопрос *Какая наружная реклама вам нравится?* большинство респондентов отметили, что нравится только интересная и креативная реклама, которая информирует о новшествах. 79 % опрошенных считают, что больше привлекает внимание и соответственно лучше «работает» именно креативная реклама. Таким образом, использование языковой игры в создании рекламного текста может обеспе-

чить его оригинальность и явиться залогом успеха – увеличением покупательского спроса через привлечение внимания потребителя. На вопрос, *влияет ли наружная реклама на выбор товара или услуги*, большая часть опрошенных (64 %) указали, что реклама влияет на выбор товара или услуги, и лишь 36 % посчитали, что нет.

Список использованной литературы

1. Анишкина Н. В., Колышкина Т. Б. Рекламный текст: теория и практика анализа: монография. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2010. С. 88.
2. Там же.
3. Колышкина Т. Б., Маркова Е. В. Отражение ценностных ориентаций потребителей в рекламной коммуникации // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия гуманитарные науки. 2012. № 4. С. 144–150.
4. Курганова Е. Б. Игровой аспект в современном рекламном тексте: учеб. пособие. Воронеж: ВГУ, 2004. С. 5.
5. Анишкина Н. В., Колышкина Т. Б. Указ. соч. С. 89.
6. Большой толковый словарь. URL: <http://www.gramota.ru/slovari/dic/>
7. Морозова И. Г. Слагая слоганы. М.: РИП-Холдинг, 1998. 172 с. (Академия рекламы).
8. Большой толковый словарь.
9. Там же.
10. Анишкина Н. В., Колышкина Т. Б. Указ. соч. С. 78.

УДК 376.7

В статье рассматриваются актуальные проблемы положения мигрантов в образовательном процессе. Интенсификация миграционных процессов определяет необходимость гибкого и эффективного реагирования образовательных систем, действия которых должны быть направлены на оптимальную адаптацию нетитульного населения в социальную среду. Для мигрантов разных категорий и типов фактор владения языком страны пребывания является значимым фактором социально-культурной, социально-психологической адаптации. На основе данных, касающихся социально-психологических особенностей мигрантов и их проявления в условиях образовательной организации, автор предлагает пути решения, связанные с организацией обучения мигрантов государственному языку.

К л ю ч е в ы е с л о в а : мигранты; языковая политика; образование; обучение русскому языку; образовательный процесс.

The paper deals with some acute problems of immigrants in the system of education. Intensification of migration calls for flexible and effective system of education, the main role of which is to help migrants to adjust to the host society. The role of the language spoken in the society they came to turns out to be the crucial factor of their adaptation. Based on the research of socio-psychological peculiarities of migrants the authors suggest how to organize the ways of learning a language of the country migrants came to.

К e y w o r d s : immigrants; language policy; learning Russian; education.

Н. Н. Касаткина

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: ninet75@mail.ru

И. В. Нагорнов

МОУ ДПО Городской центр развития образования

E-mail: osa-gcro@yandex.ru

Языковая личность в образовательном процессе: на пути успешной интеграции мигрантов

Научная статья

N. N. Kasatkina

P. G. Demidov Yaroslavl State University

E-mail: ninet75@mail.ru

I. V. Nagornov

MEE SPE Yaroslavl Municipal Education Development Center

E-mail: osa-gcro@yandex.ru

Language Identity in Education: on the Way to Successful Integration of Migrants

Scientific article

Актуальность вопросов, рассматриваемых в данной статье, обусловлена усилением миграционных процессов в Российской Федерации, и в частности на территории Ярославской области. Отметим, что это одна из первых попыток осмыслить положение мигрантов на региональном уровне (особенно подрастающего поколения) в образовательном процессе на основе данных проведенных нами исследова-

ний. Безусловно, что проблема требует дальнейшего изучения и определения эффективных путей развития региональной и муниципальной системы образования на основе принципов поликультурности и государственной языковой политики. Анализ социально-демографических данных позволяет говорить об интенсификации миграционных процессов в России. По количеству иммигрантов Рос-

* Статья поддержана НИР в рамках госзадания регистрационный номер 6.7662.2013.

© Касаткина Н. Н., 2013

© Нагорнов И. В., 2013

сия занимает второе место в мире после США [1]. Благодаря выгодному географическому положению региона, на протяжении длительного времени в Ярославской области регистрировался ежегодный миграционный прирост. Так, по данным Всероссийской переписи населения, за 2009 г. приток мигрантов на 43,5 % компенсировал естественную убыль населения. За 2011 г. миграционный прирост составил 319 761 человек. Миграция при этом выступает как источник восполнения численности населения. Роль миграции в формировании численности населения области остается существенной: в последние годы миграционный прирост на 43,7 % компенсировал естественные потери населения Ярославской области. По данным Федеральной службы государственной статистики за 2012 г. миграционный прирост в Ярославской области составил 6 549 человек¹. В настоящее время для Ярославской области характерны такие виды миграции, как этнические, трудовые миграции, иммиграция в Россию на постоянное место жительства представителей титульных этносов из республик СНГ. Стоит отметить, что значительную часть мигрантов составляют выходцы из северо-кавказских республик. Безусловно, что это влияет на актуальность интеграции мигрантов посредством изучения русского языка.

В данном случае одной из важных является ситуация, связанная с языковыми проблемами. Расширение миграционных процессов в этой связи обуславливает поиски различных подходов к их регуляции, начиная с определения нормативно-правовой базы, заканчивая разработкой и реализацией новых образовательных стандартов².

Язык – это один из важнейших элементов национальной культуры. Для мигрантов разных категорий и типов фактор владения языком страны пребывания является значимым фактором социально-культурной, социально-психологической адаптации. Значимым это является в условиях языкового многообразия, существующего в России. Именно освоение языка позволяет интегрироваться в новые социальные, социально-психологические условия.

Реализация государственной политики в языковой области ставит своей целью как развитие языка

межкультурного общения, так и сохранение, развитие родных языков как базиса национальных культур, основываясь на обеспечении баланса интересов языков субъектов. При этом важно осознавать, что в реализации языковой политики участвуют не только органы власти, ответственные за регулирование миграционных процессов, но и, что более значимо, институт образования. Поэтому следует обратить особое внимание на вопросы влияния образовательной системы на языковую ситуацию в среде мигрантов.

Образование мы рассматриваем как один из важных общественных институтов, который влияет на овладение мигрантами из бывших республик Советского Союза русским языком. Именно ресурсы, которые имеют образовательные системы, могут способствовать эффективной интеграции мигрантов в новую для них социальную и культурную среду (в том числе, и через освоения языка). Во многом это касается подрастающего поколения мигрантов. Поэтому от того, как в данном направлении работают образовательные учреждения, во многом зависит успешность интеграционных процессов, формирование толерантного отношения к мигрантам и в целом социальная стабильность в том или ином регионе.

Значительные проблемы мигрантов связаны с освоением государственного языка Российской Федерации. Низкий уровень владения государственным языком может влиять на социальную адаптацию мигрантов, бытовые проблемы, а в совокупности со стремлением сохранить свои национальные особенности – на развитие межнациональных конфликтов (как на уровне межличностных отношений, так и на уровне социальных групп). Все это увеличивает роль институтов образования в процессах интеграции мигрантов.

Таким образом, реализация языковой политики может быть наиболее эффективной при использовании ресурсов системы образования.

Учитывая значимость института образования как способствующего интеграции мигрантов в новую для них социальную среду, создающую условия для овладения государственным языком, мы предприняли попытку исследования особенностей положения не русскоязычных граждан в образовательном процессе. Это важно и с точки зрения необходимости создания психолого-педагогических условий реализации образовательной программы. Чтобы обеспечить наиболее эффективную интеграцию детей мигрантов, важно понимать

¹ По данным Федеральной службы государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru>

² Так, в Федеральных государственных образовательных стандартах РФ, которые реализуются в системе образования с 1 сентября 2011 г., одним из приоритетных личностных результатов выпускников является толерантность и уважительное отношение к другим национальностям.

личностные особенности, оказывающие влияние на образовательный процесс и стратегии поведения педагогических работников. При этом, наряду с личностными особенностями, мы рассматриваем овладение русским языком, навыками чтения и письма как один из ведущих факторов успешной интеграции мигрантов.

Совместно с Городским центром развития образования (г. Ярославль) в 2011–2012 гг. было организовано и проведено данное исследование. В исследовании приняли участие как обучающиеся школ г. Ярославля из семей мигрантов, так и русскоязычные ученики. Общая совокупность выборки составила 1 738 человек, ученики 4–11 классов общеобразовательных школ. Из них дети мигрантов – 871, русскоязычные обучающиеся – 867 человек.

В рамках исследования мы проанализировали успеваемость по предметам, в том числе относящимся к области «Филология» (русский язык, литература), взаимосвязь успеваемости с социометрическим статусом в группе, влияние личностных особенностей детей-мигрантов на отношение к ним русскоязычных сверстников. Таким образом, на основе анализа полученных данных мы сравнили успешность интеграции мигрантов в зависимости от успешности овладения русским языком.

В рамках анализа полученных данных сравнивались выборки учащихся из семей мигрантов и русскоязычного населения. Сравнению подлежали и выборки учащихся с разным уровнем успеваемости по предметам (учащиеся с низкой успеваемостью – оценки 2–3, хорошим уровнем – оценки 4, высоким уровнем – оценки 5). Для определения успешности освоения основных предметных областей использовался анализ итоговой успеваемости обучающихся по основным предметам, в частности важным для нас – русскому языку, литературе, чтению, письму. Для определения мотивационной составляющей использовался анкетный опрос «Учебный интерес». Для определения личностных особенностей как детерминант интеграции в новую социальную, социально-психологическую среду использовались методики на определение уровня самооценки, уровня и видов агрессивности (методика Басса-Дарки), уровня школьной тревожности (методика Филлипса), видов и способов разрешения конфликтов (тест Томаса). Для характеристики социального положения в группе и отношения учащихся использовалась социометрия.

Для обработки данных применялся метод количественного и качественного анализа, математико-

статистические методы – корреляционный анализ, непараметрический критерий U-Манна – Уитни.

Результаты анализа предметных достижений учащихся позволяют говорить в целом о достаточно равных возможностях как учеников мигрантов, так и учащихся из русскоязычных семей. Усредненные показатели успеваемости учащихся представлены в табл. 1.

Таблица 1

Сравнительные показатели учащихся

<i>Категория обучающихся</i>	<i>Оценки по предметам</i>					
	<i>Русский язык</i>	<i>Чтение</i>	<i>Литература</i>	<i>Математика</i>	<i>Иностранный язык</i>	<i>Другие предметы</i>
мигранты	3,46	3,84	3,81	3,41	3,73	3,90
русскоязычные	3,47	4,06	3,82	3,46	3,56	3,87

По результатам анализа успехов учащихся по предметам (в том числе и русскому языку, чтению и литературе) отметим, что дети мигрантов более успешно осваивают иностранные языки и менее успешно – чтение. Такое положение объясняется требованиями образовательной программы к скорости чтения, пониманию смысла и возможностям эмоционального пересказа. А также тем фактом, что предмет иностранный и русский языки представляют собой область структурной лингвистики, которая успешнее дается учащимся-мигрантам.

С другой стороны, успехи обучающихся мигрантов можно объяснить и высокой степенью учебной мотивации. Так, новые социальные условия, социальное положение таких учащихся определяет высокий уровень учебного интереса, который выше, чем у русскоязычных сверстников.

При анализе успешности изучения предметов, относящихся к разделу «Филология», обнаруживается следующая закономерность: чем выше уровень учебного интереса, тем выше успешность в освоении знаний. При этом уровень учебного интереса намного выше у успевающих учеников из семей мигрантов.

Одной из базовых характеристик личности выступает самооценка. Это во многом связано с развитием самосознания личности – относительного понимания того, что собой представляю, какие качества меня выделяют, как относятся ко мне окружающие. В этом отношении наиболее явно самосознание проявляется в самооценке.

Рассматривая в целом показатели самооценки учеников, обратим внимание на то, что наиболее низко оценивается степень конфликтности, самоконтроль, интеллектуальность, успехи в учебной деятельности. Наиболее высокие значения имеют показатели, связанные с развитием коммуникативной сферы: общительность, хороший друг. Сравнивая результаты показателей самооценки мигрантов и русскоязычных обучающихся, необходимо заметить, что самооценка мигрантов выше (рис. 1). При этом учащиеся не титульной национальности высоко оценивают себя в плане успехов в общении.

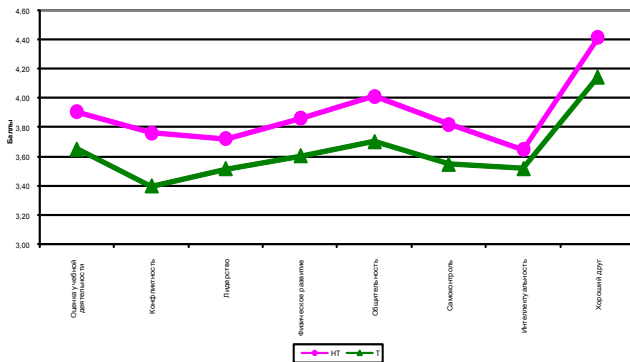

Рис. 1. Показатели самооценки учащихся

Результаты исследования выявили высокий уровень вербальной агрессии обучающихся независимо от их социального положения (мигранты или коренное население). Наименее выражены такие показатели агрессивного поведения, как негативизм и обида.

В то же время у детей из семей мигрантов наиболее выражены такие компоненты агрессии, как подозрительность и чувство вины, а у детей из семей титульного населения – раздражительность и обида (рис. 2).

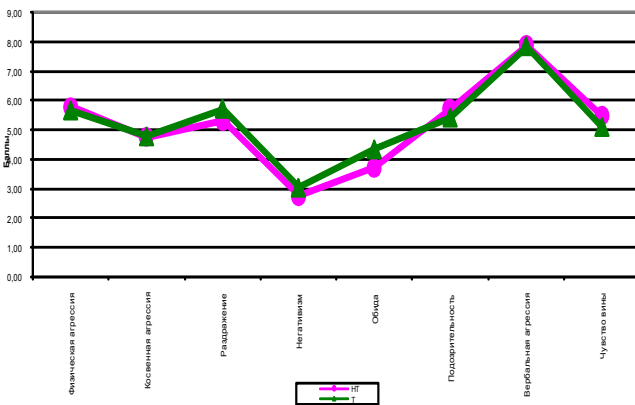

Рис. 2. Показатели агрессивного поведения (методика Баса-Дарки)

При этом уровень физической агрессии незначительно, но выше у детей из семей мигрантов. Сравнение выборок испытуемых по гендерному принципу позволяет сделать вывод о выраженности агрессивности и враждебности больше у мальчиков, чем у девочек, причем уровень показателей агрессивности и враждебности практически одинаков у детей как из семей мигрантов, так и русскоязычного населения.

Интересными представляются результаты исследования склонности к отклоняющемуся поведению. Здесь мы можем наблюдать и гендерные различия.

При исследовании стратегий поведения обучающихся в конфликтных ситуациях были зафиксированы следующие различия (рис. 3):

- дети из семей русскоязычного населения больше склонны выбирать продуктивные стратегии, в частности сотрудничество и компромисс;
- дети из семей мигрантов в большинстве своем склонны использовать такую стратегию поведения, как приспособление.

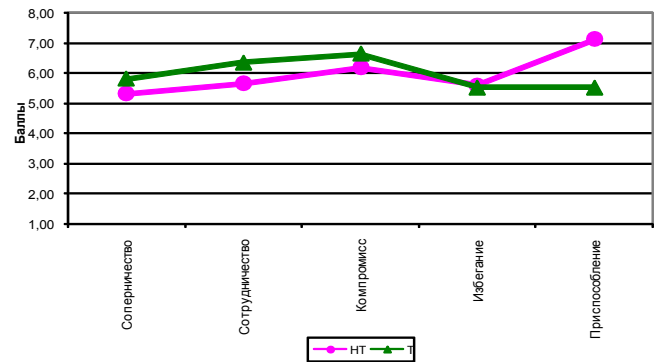

Рис. 3. Сравнительный анализ стратегий поведения в конфликте учащихся из семей мигрантов и русскоязычного населения.

Результаты исследования уровня тревожности в условиях образовательного процесса позволяют сделать вывод о ее выраженности у детей из семей мигрантов.

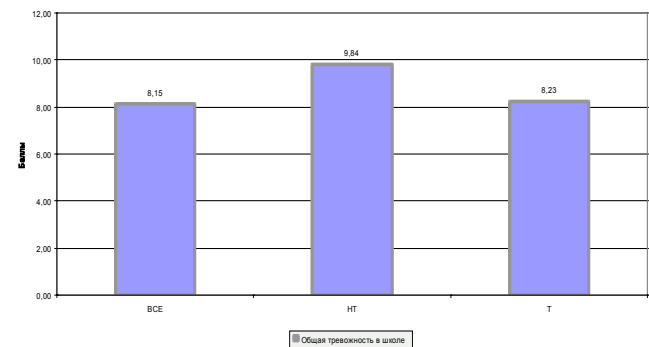

Рис. 4. Общий уровень тревожности

Несмотря на высокий уровень общей тревожности в школе, дети-мигранты более мотивированы на обучение.

Относительно отношения к детям мигрантов в школе можно судить по результатам социометрии. Полученные результаты позволяют сделать некоторые выводы о расположенности и признании учащихся среди сверстников (рис. 5).

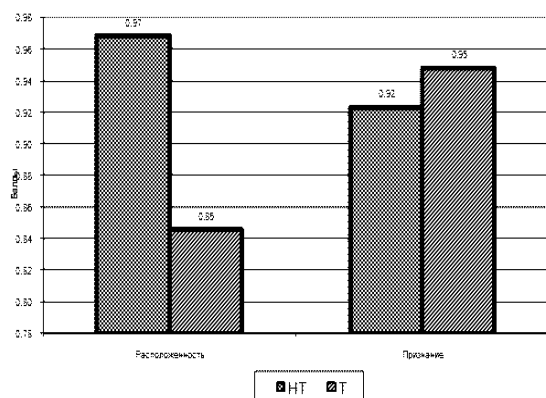

Рис. 5. Результаты исследования статуса учащихся

Как видно из представленных данных, учащиеся из русскоязычных семей более расположены к детям мигрантов. При этом мигранты несколько более признают в коллективе русскоязычных учащихся.

В то же время оценка взаимоотношений мигрантов относительно русскоязычных сверстников носит более дифференцированный характер (по принципу «как ко мне относятся, так и я буду относиться»). Необходимо отметить и то, что учащиеся из семей мигрантов менее сдержаны в регулировании отношений и более импульсивны. Они более адекватно отражают отношение к ним со стороны окружающих.

Сопоставление результатов социометрии и личностных особенностей учащихся позволяет сделать вывод о влиянии высокого уровня агрессивности детей мигрантов и стратегий, которые они выбирают при выстраивании общения и решения конфликтов, на учащихся с целью достижения признания их среди сверстников.

Интересно обратить внимание на личностные особенности мигрантов, составляющих разные группы в зависимости от успеваемости. Данные особенности учащихся влияют как на успеваемость, так, соответственно, и на успешность интеграции в новую социальную среду и отношение к ним со стороны сверстников. У успевающих на отлично выше уровень некоторых компонентов самооценки. В частности, данная категория обучающихся высоко оце-

нивает себя по таким шкалам, как интеллектуальность, самоконтроль, оценка учебной деятельности.

Анализируя данные по уровню агрессии, необходимо отметить закономерность: неуспевающие ученики имеют более высокий уровень вербальной агрессии, чем успевающие сверстники. При этом стоит отметить, что у учащихся, успевающих на отлично, меньше выражены агрессивность и враждебность по отношению к окружающим.

Рассматривая различные стратегии поведения в конфликтных ситуациях, которые могут возникать, в том числе, и в образовательном процессе, обратим внимание на то, что успевающие ученики из семей мигрантов более настроены на сотрудничество. В полиэтнической среде такое положение объясняется и знанием русского языка, которое позволяет выстраивать конструктивное взаимодействие со сверстниками, но в то же время предпочитают стратегию избегания в конфликте. Относительно неуспевающих учащихся можно сказать, что они более склонны приспособляться к ситуации. Успевающие на хорошие оценки, как правило, выбирают стратегию сотрудничества в конфликтных ситуациях.

Рассмотрим показатели, определяющие социальный статус учащихся в виде расположенности и признания, которые свидетельствуют об успешности интеграции детей мигрантов в новую социальную среду.

Как показывают полученные данные, статус учеников-мигрантов в группе сверстников зависит от успешности освоения предметов, в том числе и русского языка, чтения и литературы. Так, учащиеся-мигранты с положительными оценками по предметам имеют более высокий уровень признания в среде русскоязычных обучающихся и высокую степень расположенности к ним (рис. 6).

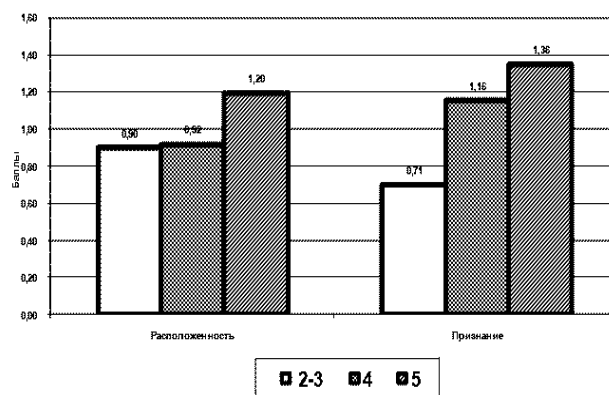

Рис. 6. Показатели социометрического статуса учащихся-мигрантов в зависимости от уровня учебных достижений

Полученные результаты свидетельствуют о более успешной интеграции детей из семей мигрантов в круг общения с русскоязычными сверстниками. Таким образом, освоение русского языка способствует выстраиванию более эффективной коммуникации между детьми и по линии общения учащиеся – преподаватели.

Достоверные различия между учащимися-мигрантами с разным уровнем успеваемости по показателям расположенности и признания в группе сверстников можно определить, используя U-критерий Манна-Уитни (табл. 2, 3).

Таблица 2

Достоверные различия между группами учащимися-мигрантами

Показатели	Ср. арифм. Оценка 2–3	Ср. арифм. Оценка 4	Критерий U	Уровень значимости p
Расположенность	0,90	0,92	7157	0,852
Признание	0,71	1,16	5061,5	0,000

Таблица 3

Достоверные различия между группами учащимися-мигрантами

Показатели	Ср. арифм. Оценка 2–3	Ср. арифм. Оценка 5	Критерий U	Уровень значимости p
Расположенность	0,90	1,20	1697	0,024
Признание	0,71	1,36	1352	0,000

В результате использования непараметрического метода математической статистики U-критерия Манна-Уитни мы получили следующие результаты: было выявлено, что учащиеся на 4–5 имеют значимо выше показатели по критериям признания и расположенности среди сверстников, чем учащиеся на неудовлетворительно. Выявлены достоверные различия на уровне значимости $p < 0,05$ выраженности признания мигрантов, обучающихся на положительные оценки (4–5), чем освоивших образовательную программу на удовлетворительные оценки.

Таким образом, успешность в обучении (тем более по предметам образовательной области «Филология») положительно влияет на успешность интеграции мигрантов в новую социальную ситуацию развития.

Исходя из результатов анализа данных исследования мы можем сформулировать предложения, направленные на повышение эффективности языковой политики, включения мигрантов в образовательный процесс, который будет способствовать их успешной интеграции в российское общество. Учитывая, что владение языком обеспечивает эффективную интеграцию мигрантов в новую среду, мы обращаем внимание на значимость сферы образования. Решение проблемы реализации языковой политики в данной сфере возможно также как на федеральном, так и на региональном уровнях. На уровне Федерации важно законодательно решить вопрос об организации обучения русскому языку трудовых мигрантов, не владеющих русским языком или владеющих на низком уровне. Здесь важно определить процедуру тестирования и четкие критерии владения мигрантами русским языком.

Представляется актуальным разработка программ подготовки учителей начальной школы, русского языка и литературы, ориентированных на специфику поликультурной среды. Важным является и организация курсов переподготовки и повышения квалификации педагогических кадров, ориентированных на работу в условиях поликультурной среды. Это направление требует активного сотрудничества с педагогическими вузами, которые на основе анализа миграционной ситуации в регионе, общеобразовательных программ школ могут включать курсы, связанные с реализацией языковой политики в профессиональную подготовку учительского корпуса.

Перспективным является разработка программ, методов и форм работы образовательных учреждений по привлечению родителей-мигрантов к изучению государственного языка как средства интеграции в новую социальную среду. В этом отношении школа является важным социальным институтом, в рамках которого родители мигрантов могут в различной форме изучать неродной язык в нерабочее время. Традиционно в образовательных учреждениях проходят родительские собрания, которые решают задачи профилактики, просвещения и информирования родителей об особенностях организации учебного процесса, успехах обучающихся. Используя данный ресурс, работники школ (педагоги, психологи, социальные работники) могут реализовывать мероприятия с мигрантами, которые направлены на их интеграцию в российское общество. Эти мероприятия следует проводить как в традиционных формах (занятия, уроки), так и нестандартных (тренинги, игровые формы работы).

На региональном уровне и на уровне конкретного образовательного учреждения необходимо разработать в соответствии с требованиями нового Федерального государственного образовательного стандарта учебные программы для организации образовательного процесса с мигрантами. Значимой проблемой выступает вопрос о нормативном формировании классов, групп детей мигрантов в общеобразовательных учреждениях, которые бы углубленно изучали русский язык. Соответственно, значимой является разработка программ подготовки учителей начальной школы, русского языка и литературы, ориентированных на специфику поликультурной среды. Актуальной представляется и организация курсов переподготовки и повышения квалификации педагогических кадров, ориентированных на работу в условиях поликультурной среды.

Для успешной интеграции мигрантов целесообразным представляется разработка и открытие на базе школ центров для мигрантов (в том числе и трудовых мигрантов). В подобных образовательных центрах важно создать условия для работы специалистов различных ведомств (социальной защиты и поддержки, правоохранительных органов, медицины и образования) с разновозрастными

группами мигрантов. В рамках реализации программ освоения государственного языка необходимо информирование мигрантов об особенностях их правового положения, а также формирование адекватной социальной позиции.

Список использованной литературы

1. Миграция в России. 2000–2012. Хрестоматия в 3 т. НП РСМД / под общ. ред. И. С. Иванова; отв. ред. Ж. А. Зайончковская. М.: Спецкнига, 2013.
2. Трофимова Е. В. Миграционная политика России. Стратегия 2020. // Современные научные исследования и инновации. 2012. Март. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2012/03/10787>
3. Приказ Минобрнауки России от 06 октября 2009 г. № 373, в ред. приказов от 26 ноября 2010 г. № 1241, от 22 сентября 2011 г. № 2357.
4. Хабриева Т. Я., Андриченко Л. В., Елеонский В. О. Концепция развития миграционного законодательства // Концепции развития российского законодательства / под ред. Т. Я. Хабриевой, Ю. А. Тихомирова, Ю. П. Орловского. М., 2004.
5. Migration and the Global Recession: A Report Commissioned by the BBC World Service. September.

В статье обсуждаются вопросы специфики условий привлечения заемного капитала российскими промышленными предприятиями и обусловленные ими показатели эффекта финансового рычага, играющие значительную роль в инвестиционных оценках и формировании стоимости компаний. Сделан вывод о парадоксальности общепринятых оценок структуры капитала применительно к отечественным предприятиям и возможных негативных последствиях используемой практики заимствования.

Ключевые слова: долговой капитал; структура капитала; финансовый риск; эффект финансового рычага; рентабельность капитала; экономическая добавленная стоимость.

The article discusses the specific conditions of debt capital for Russian industrial enterprises which result in impact indicators of financial leverage, the latter playing a significant role in the investment estimates and the formation of the value of companies. It is concluded that the generally accepted estimates look paradoxical as to capital structure in relation to domestic enterprises and the possible negative consequences may follow financial borrowing.

Keywords: debt capital; capital structure; financial risk; effect of financial leverage; return on investment capital; economic value added.

Е. Г. Патрушева

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: Patr5@yandex.ru

Парадоксы проявления эффекта финансового рычага в российских компаниях

Научная статья

E. G. Patrusheva

P. G. Demidov Yaroslavl State University

E-mail: Patr5@yandex.ru

Paradoxes Manifestation of the of Financial Leverage Effect in Russian Companies

Scientific article

Понятие финансового рычага и эффект его появления связаны с присутствием в инвестиционном капитале большинства предприятий долговой части, куда входят облигационные займы, банковские кредиты, лизинг. Привлечение предприятием долгового капитала рождает последствия как позитивные, так и негативные. Их суть подробно исследована в теориях структуры капитала, где преимущественно обсуждается влияние структуры на цену капитала и стоимость компании. Родоначальниками появления обоснованных теоретических воззрений в обсуждаемой сфере стали Ф. Модильяни и М. Миллер [1], затем их идеи были подвергнуты критическому анализу и трансформированы с учетом затрат, вызванных финансовыми затруднениями компаний при значительных долговых обязательствах, установленных, в частности, © Патрушева Е. Г., 2013

Е. Альтманом [2]. Наконец, появился и утвердился так называемый компромиссный подход, в рамках которого рассматривается оптимальная структура капитала, при которой достигается компромисс позитивного влияния на цену комбинированного капитала более низкой цены долгового капитала и негативного влияния связанного с ним финансового риска [3, 4].

Итак, долговой капитал связывается с так называемым финансовым риском, т. е. риском непогашения обязательств. С другой стороны, он имеет и ряд преимуществ по сравнению с собственным капиталом:

А) позволяет существенно расширять масштаб инвестиционной деятельности;

Б) имеет более низкую цену своего привлечения (его владелец гораздо меньше рискует при вложении, нежели акционер);

В) позволяет наращивать рентабельность собственного капитала (имеет место эффект финансового рычага), чистую прибыль в расчете на акцию, т. е. повышает инвестиционную привлекательность компании и ее стоимость;

Г) обладает «налоговым щитом», состоящим в том, что процентные платежи по долгому капиталу при исчислении налогооблагаемой прибыли относят на расходы организации¹, что снижает сумму уплачиваемого налога в сравнении с аналогичными суммами выплаты дивидендного дохода.

Проявление всех названных преимуществ небезгранично: когда доля долгового капитала достигает значительных размеров, все они уступают негативному воздействию финансового риска, который превращает позитивные характеристики в полную противоположность: цена долгового капитала стремительно нарастает, эффект финансового рычага становится отрицательным, чистая прибыль на акцию и стоимость компании падают, а вероятность банкротства нарастает.

Именно эти обстоятельства заставляют менеджмент компаний тщательно формировать стратегический показатель – структуру капитала и поддерживать ее на целевом уровне, сохраняя паритет в приращениях собственного и заемного капитала. При этом уровень финансового риска, называемого также риском дефолта [5], определяется не только структурой капитала, но и условиями привлечения долга (процентной ставкой), а также результатами операционной деятельности предприятия – уровнем и стабильностью денежных потоков компании от ее операционной деятельности, поскольку именно они являются источником погашения обязательств – как процентных платежей, так и основной суммы долга. Чем значительнее и стабильнее сумма денежного потока и чем в большей степени она превышает сумму обязательств, тем меньше риск дефолта.

С ростом задолженности инвестор, кредитующий предприятие, в связи с ростом риска требует большей доходности своего вложения. Это приводит к ужесточению условий предоставления заемного капитала предприятию.

Эти условия (прежде всего для облигационных займов) непосредственно вытекают из кредитного рейтинга, присваиваемого той или иной компании. Если облигации компании не продаются на регулярной основе, цену заемного капитала устанавливают

¹ В РФ в Налоговом кодексе предусмотрен лимит по отнесению процентных платежей на расходы организации в размере 1,8 ставки рефинансирования.

методом корректировки безрисковой ставки доходности (доходности государственных казначейских обязательств) на величину платы за риск. Эта плата за риск или спрэд дефолта оцениваются рейтинговыми агентствами, присваивающими рейтинги облигационным займам компаний, и представляет собой разницу между процентной ставкой по облигации с риском дефолта и процентной ставкой безрисковой государственной облигации. В свою очередь, рейтинги облигаций ставятся в зависимости от ряда финансовых коэффициентов предприятия-заемщика, среди которых особое место занял коэффициент покрытия операционной прибылью суммы процентных платежей.

Рыночная статистика (ввиду закрытого характера формирования рейтингов) соединила уровень коэффициента покрытия, кредитного рейтинга и спреда дефолта (табл. 1).

Таблица 1

Спрэд дефолта и рейтинги компаний [6]

Рейтинг	Спрэд дефолта, %	Коэффициент покрытия для компаний с невысокой рыночной капитализацией	Коэффициент покрытия для компаний с высокой рыночной капитализацией
AAA	0,75	Более 12,5	Более 8,5
AA	1,00	9,5-12,5	6,5-8,5
A+	1,50	7,5-9,5	5,5-6,5
A	1,80	6,0-7,5	4,25-5,5
A-	2,00	4,5-6,0	3-4,25
BBB	2,25	3,5-4,5	2,5-3,0
BB	3,50	3,0-3,5	2,0-2,5
B+	4,75	2,5-3,0	1,75-2,0
B	6,50	2,0-2,5	1,5-1,75
B-	8,00	1,5-2,0	1,25-1,5
CCC	10,00	1,25-1,5	0,8-1,25
CC	11,50	0,8-1,25	0,65-0,8
C	12,70	0,5-0,8	0,2-0,65
D	14,00	Менее 0,5	Менее 0,2

Если же компания не оценивается рейтинговыми агентствами, расчеты цены привлечения ею заемного капитала у банков и других финансовых институтов можно проводить на основе так называемого «синтетического» рейтинга [7]. Для этого используют финансовые коэффициенты фирм с определенным рейтингом и переносят их спрэд дефолта на данную фирму с аналогичными финансовыми коэффициентами. Так, если какая-либо некрупная фирма имеет коэффициент покрытия 3,0, то процентная ставка по долгому капиталу для нее будет определена путем прибавления к безрис-

ковой ставке соответствующего спреда дефолта, равного в данном случае 3,5 % (табл. 1).

Итак, сохранение финансовой устойчивости компании требует поддержания определенной доли собственного капитала в общем его объеме, однако эта доля различна как для разных финансовых систем, так и для отдельных сфер деятельности, поскольку в них различны как условия привлечения кредитов и займов, так и прибыльность операционной деятельности.

С учетом последних обстоятельств в теории финансового управления компаниями появились показатели рычаговых эффектов, позволяющих давать оценку структуры капитала более объективно.

Понятие «эффект финансового рычага» характеризует влияние использования предприятием заемных средств на изменение ряда производных показателей – чистой прибыли и рентабельности собственного капитала. Существует два показателя оценки этого эффекта.

Один из них отражает уровень дополнительно генерируемой чистой прибыли на собственный капитал и, как следствие, приращение его рентабельности при различной доле использования заемных средств. Его так и называют – **эффект финансового рычага (ЭФР)**. Для его расчета используют следующую модель:

$$\text{ЭФР} = (1 - Н) * (ROA - Kd) * D/S,$$

где Н – ставка налога на прибыль; ROA – рентабельность всего капитала; Kd – процентная ставка по долгу; (ROA – Kd) – дифференциал, D/S – финансовый рычаг, т. е. соотношение стоимости долгового капитала к собственному.

Критерием приемлемости структуры капитала служит положительное значение ЭФР, когда рентабельность всего капитала превышает процентную ставку по долгу, т. е. дифференциал больше нуля.

Вторым оценивающим проявление финансового рычага показателем является **сила финансо-**

вого рычага (СФР), характеризующая силу связи процентных изменений чистой прибыли и операционной прибыли. Поскольку долговой капитал порождает определенные процентные платежи, вычитаемые из операционного финансового результата при формировании чистой прибыли, то сумма процентных платежей, связанная с определенной структурой капитала, определяет разницу между уровнями операционной и чистой прибыли. Смысловая нагрузка этого показателя следующая: при значительных суммах долгового капитала незначительные падения продаж и операционной прибыли вызовут существенные (в процентном измерении) сокращения чистой прибыли из-за значительных сумм процентных платежей. Итак, СФР определяется следующим образом:

$$\text{СФР} = \Delta NI. \% / \Delta \text{ЕВIT.} \%$$

$$\text{или СФР} = \text{ЕВIT} / (\text{ЕВIT} - I),$$

где ЕВIT – операционная прибыль; NI – чистая прибыль; I – сумма процентных платежей по долговому капиталу.

Компания с допустимым финансовым риском, имеющая рейтинг, как минимум В- (табл. 1), должна поддерживать коэффициент покрытия процентов не менее 1,5, а соответствующее значение СФР – не более 3,0. Опираясь на это требование, можно производить выбор приемлемой для организации структуры капитала.

Далее будет выполнена проверка возможности использования названных показателей эффекта финансового рычага в инвестиционной аналитике российских предприятий.

При исследовании сложившейся структуры капитала четырех ярославских компаний (являются типовыми промышленными некрупными компаниями, расположенными в провинции) обращает внимание факт низкой доли у них собственного капитала, т. е. неадекватно высокой зависимости от заемных источников (табл. 2).

Таблица 2

Структура капитала предприятий и условия привлечения кредитов в 2011 г.

Показатели	ОАО	ОАО	ОАО	ОАО
	«ТМЗ»	«Автодизель»	«ЯЗДА»	«Русские краски»
Доля собственного капитала, %	40,4	21	23	15
Доля заемного капитала, %	59,6	79	77	85
Средняя процентная ставка по долговому капиталу, %	11,7	7,2	10,2	13,5
Рентабельность капитала, %	4,1	6	23,6	15

При этом парадоксально низкой является кредитная ставка, по которой эти предприятия получают заемный капитал, по уровню явно

не соответствующая уровню финансового риска, вызванного высокой зависимостью компаний от долгового капитала. Кроме того, вызывает недо-

умение и тот факт, что кредитование предприятий с такой рискованной структурой капитала регулярно возобновляется.

Попытка же оценить структуру капитала обсуждаемых предприятий через рычаговые эффекты порождает специфические выводы.

Таблица 3

Сила финансового рычага компаний в 2011 г.

<i>Показатели</i>	<i>ОАО «ТМЗ»</i>	<i>ОАО «Автодизель»</i>	<i>ОАО «ЯЗДА»</i>	<i>ОАО «Русские краски»</i>
Операционная прибыль, тыс. руб.	56976	846438	436356	167 538
Проценты к уплате, тыс. руб.	37922	703572	121571	112 600
СФР	3	5,9	1.4	3

Как видно из табл. 3, уровень СФР завышен только у ОАО «Автодизель». У остальных компаний этот индикатор диагностирует нормальный уровень финансового риска и вполне приемлемую структуру капитала.

На основе данных табл. 2 можно заметить, что показатель эффекта финансового рычага (ЭФР) у ОАО «ЯЗДА» и ОАО «Русские краски» будет положительным, а у ОАО «Автодизель» и ОАО «ТМЗ» с их чрезвычайно низкими значениями рентабельности капитала ЭФР окажется отрицательным, причем у ОАО «Автодизель» всего 1,2 п.п.

Сделанные наблюдения позволяют перейти к следующим выводам.

1. Парадокс низких кредитных ставок и нормальных по уровню показателей эффекта финансового рычага вызван специфическими отношениями предприятия с банковскими структурами, зачастую при поручительстве властных структур. Если учесть уровень долгового капитала этих предприятий, процентная ставка по кредитам для них должна существенно превышать даже лучшие среди достигнутых значения рентабельности капитала и делать показатель эффект финансового рычага отрицательным, а значение силы финансового рычага завышенным. Однако этого на практике нет, но нет и банкротства этих предприятий. Они продолжают существовать и сохранять достаточно низкую эффективность деятельности.

2. Сложившаяся ситуация вовсе не означает приемлемый уровень финансового риска (в инсайдерской финансовой системе допустима такая структура капитала, какую демонстрируют эти предприятия). Она может измениться при общем ухудшении состояния экономики, и эти предприятия окажутся банкротами.

3. Пользуясь преференциями, функционирует неэффективный бизнес, имея конкурентные преимущества в виде дешевых и доступных кредитов. При этом лишенный таких привилегий бизнес про-

игрывает в конкуренции, а имеющий их лишен стимулов к совершенствованию.

4. Использование в инвестиционных оценках названных выше показателей эффекта финансового рычага делает некорректными получаемые при этом выводы и отбор объектов вложения, особенно если учесть, что низкие доли собственного капитала порождают зачастую довольно высокие уровни его рентабельности, играющей значительную роль в принятии решений инвесторами.

5. Как правило, имеющие громадные суммы и доли долгового капитала предприятия используют в качестве такового и часть кредиторской задолженности посредством несвоевременного ее погашения или навязывания поставщикам своих условий оплаты². Это, в свою очередь, ведет к снижению эффективности деятельности поставщиков, у которых происходит удлинение операционного и финансового цикла. Таим образом, отношения необязательности, неравенства прав наносит удар по эффективности заинтересованных сторон и стимулирует коррупционную составляющую в бизнесе.

6. Обсуждаемые отношения порождают недооцененность российских предприятий на рынке капитала, т. е. низкую оценку их стоимости. Последнее положение обсудим подробнее.

В оценке стоимости компаний используют рыночные подходы к определению цены собственного капитала компаний. В отличие от заемного капитала, в случае собственного капитала плата за него «как вмененные издержки» не может быть установлена по фактически произведенным платежам. Она отражает требование доходности инвесторов с учетом рисков компаний, в значительной мере финансовых. Особые отношения с банками здесь не рассматри-

² Кредиторская задолженность не является капиталом, т. е. источником инвестирования по причине краткосрочности ее привлечения и вместе с тем является бесплатным и наиболее выгодным источником финансирования.

ваются, зато принимается во внимание финансовый риск как риск непогашения обязательств.

Для обоснований цены собственного капитала чаще всего используется модель CAPM, которая в общем виде выглядит следующим образом:

Требуемая доходность = Безрисковая ставка доходности + Плата за систематический риск оцениваемой компании,

или

$$R_k = R_f + \beta_k (R_m - R_b),$$

где R_k – требуемая доходность акции компании k ; R_f , R_m – соответственно безрисковая ставка доходности (доходность государственных облигаций, составляющая для России в настоящее время 6,54 %) и доходность рыночного портфеля; $(R_m - R_b)$ – плата за риск фондового рынка; $\beta_k (R_m - R_b)$ – плата за систематический (рыночный) риск акции k -й компании.

В модели CAPM рассматриваются систематические риски, проявляющиеся в изменении доходности всех акций на рынке под влиянием внешних факторов. При этом сила влияния этих факторов может быть разной, что определяется прежде всего отраслевой принадлежностью бизнеса, а также силой финансового рычага компании. Систематический риск измеряет так называемый коэффициент бета актива (β), определяемый следующим образом:

$$\beta_i = \text{Cov } k, m / \text{Var } m,$$

где $\text{Cov } k, m$ – ковариация актива с рыночным портфелем; $\text{Var } m$ – дисперсия рыночного портфеля.

Величина беты, установленная на американском фондовом рынке для компаний определенной сферы деятельности, предлагается для использования в странах с развивающимися рынками. Установлено, что сила проявления систематического риска зависит, в частности, от уровня финансового рычага, поэтому публикуемые данные о бете без учета влияния рычага принято корректировать «на финансовый рычаг» оцениваемой компании, для чего можно пользоваться формулой Хамады:

$$\beta_{1k} \beta_0 + \beta_0 (1 - H) D_k / S_k,$$

где D_k – сумма долга k -й компании; S – стоимость собственного капитала k -й компании; β_0 , β_{1k} соответственно, бета-коэффициент компании, не использующей долга и k -й компании, использующей долговой капитал.

Высокое значение финансового рычага определит соответствующий уровень цены собственного капитала. Так, при расчете цены собственного капитала для ОАО ЯЗДА (табл. 4) получено ее значение на уровне 51,8 %.

Таблица 4

**Расчет цены собственного капитала
ОАО «ЯЗДА»**

№ n/n	Показатели	Уровень в 2011 г.
1	Бета без учета рычага	1.01
2	Ставка налога на прибыль, %	20
3	Финансовый рычаг, D/S	2.56
4	Бета с учетом рычага, β_1	3.74
5	Цена безрискового капитала, Кб, %	6,54
7	Плата за риск фондового рынка, (Км- Кб), %	12,1
8	Кs, %	51,8

Бесспорно, стоимость компании, установленная с использованием такой цены собственного капитала (несмотря на низкие значения цены долгового капитала), не будет высокой, а динамика стоимости, скорее всего, окажется отрицательной.

Для оценки динамики уровня стоимости, т. е. ее изменения за определенный период времени (год), служит **экономическая добавленная стоимость (Economic Value Added, EVA)**. Она образуется в результате превышения отдачи от инвестированного капитала (его рентабельности, ROIC) над затратами по его привлечению (средневзвешенной цены, WACC). При обратном соотношении уровня названных показателей EVA оказывается отрицательной, т. е. имеет место снижение стоимости.

$$EVA = IC * (ROIC - WACC),$$

где IC – инвестированный капитал компании на начало периода.

Формирование экономической добавленной стоимости наиболее эффективного предприятия из рассмотренных выше – ОАО «ЯЗДА» – показано в табл. 5.

Таблица 5

**Расчёт
экономической добавленной стоимости
ОАО «Ярославский завод дизельной аппаратуры»
(ЯЗДА) в 2011 г.**

Показатель	Результат расчёта
Инвестированный капитал, тыс.руб.	1 846 146
Рентабельности инвестированного капитала*, %	18,0
Средневзвешенная цена капитала, %	18,1
EVA, тыс.руб.	- 1846

* Рассчитана с использованием чистой операционной прибыли.

Видно, что для этого предприятия в течение 2011 г. наблюдается падение стоимости примерно на 2 млн руб.

Таким образом, отклонение от правил рыночного поведения имеет всегда негативные последствия, даже если в данный момент оно и кажется спасительным. Самое опасное из рассмотренных последствий, как видится, – это формирование устойчивой неэффективности, что является тупиковым направлением развития.

Список использованной литературы

1. Vodigliani F., Miller M. H. The Cost of Capital, Corporation Finance and the Theory of Investment // Amer. Econ. Rev. 1958. July. P. 261–297.
2. Altman E. I. A Further Empirical Investigation of the Bankruptcy Cost Question // JournFinance. 1985. Sept. P. 1067–1089.
3. Taggart R. A. A Model of Corporate Financing Decisions // JournFinance. 1977. Dec. P. 1467–1484.
4. Myers S. C. The Capital Structure Puzzle // JournFinance. 1984. July. P. 575–592.
5. Дамодаран А. Инвестиционная оценка: Инструменты и методы оценки любых активов. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. С. 105.
6. Там же. С. 108.
7. Там же. С. 277.

В статье рассматривается формирование системы управления инновационными проектами с точки зрения теории жизненного цикла. При этом выделяются укрупненные стадии, такие как зарождение, развитие, зрелость, метаморфоза. Отмечается, что управление инновационным проектом должно осуществляться с учетом интересов стейкхолдеров.

К л ю ч е в ы е с л о в а : проект; инновации; жизненный цикл; стейкхолдеры; инновационный проект.

The article covers the formation of innovation project management system in the frame of the life-cycle theory. The scaled-up stages such as conception, development, ripeness and metamorphosis are singled out. It is noted that the innovation project management should be performed with taking into account interests of the stakeholders.

К е у w o r d s : project; innovations; life-cycle; stakeholder; innovation project.

Е. И. Лифанова

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: frolovaei@list.ru

Управление инновационным проектом на основе теории жизненного цикла

Научная статья

Е. I. Lifanova

P. G. Demidov Yaroslavl State University

E-mail: frolovaei@list.ru

Innovation Project Management on the Basis of Life-Cycle Theory

Scientific article

Сегодня большинство стран, развитых в промышленном отношении, делают ставку на инновационный путь развития, связывая с ним долгосрочное устойчивое развитие экономики. Какой бы ни была инновация, она определяется потребностями рынка и реализуется через соответствующий инновационный проект. Что такое инновационный проект? Мнения ученых и практиков по этому вопросу расходятся. В «Современном экономическом словаре» приводится следующее определение: «Проект – это замысел, идея, образ, воплощенные в форму описания, обоснования расчетов, чертежей, раскрывающих сущность замысла и возможность его практической реализации» [1].

Всемирный банк предлагает другое определение: «Проект – это комплекс взаимосвязанных мероприятий, предназначенных для достижения в течение заданного периода и при установленном бюджете поставленных задач с определенными целями...» [2]; Авторы из Института проектного менеджмента (Project Management Institute, США) считают, что «проект – это некоторое предприятие с изначально установленными целями, достижение которых определяет завершение проекта» [3].

Существуют и другие трактовки понятия «проект». Анализ литературы [4] позволяет обобщить © Лифанова Е. И., 2013

следующие основные характеристики проекта: а) четко определенную цель, носящую конкретный характер и абстрагированную от повседневной деятельности; б) ориентацию на перспективу; в) ограниченность ресурсов (человеческих, финансовых, материальных и др.) и времени; г) высокую степень риска и неопределенности.

Проекты, реализуемые в инновационной сфере, составляют существенную часть формирующегося хозяйственного механизма управления развитием предприятия. В современной экономической литературе преобладают три подхода к термину «инновационный проект»:

1. Намечаемый к планомерному осуществлению, объединенный единой целью и приуроченный к определенному времени комплекс работ и мероприятий по созданию, производству и продвижению на рынок новых высокотехнологичных продуктов с указанием исполнителей, используемых ресурсов и их источников [5].

2. Проекты, которые обеспечивают разработку новых изделий или технологий и предполагают вложения в нематериальные активы [6].

3. Система организационно-правовых и расчетно-финансовых документов, необходимых для осуществления каких-либо действий [7].

Таким образом, инновационный проект рассматривается как *форма* целевого управления инновационной деятельностью, как *процесс* осуществления инноваций и как *комплекс документов*.

Инновационный проект не может осуществляться в изоляции. Он реализуется через систему разнообразных отношений с потребителями, персоналом, поставщиками, представителями власти, местных сообществ и т. д., то есть с заинтересованными сторонами (стейкхолдерами).

Можно выделить три основные причины, определяющие усиление взаимодействия организации с заинтересованными сторонами в условиях инновационного типа развития: а) создание социального капитала; б) снижение рисков; в) доступ к новым инновациям (табл. 1).

Таблица 1

Причины взаимодействия организации с заинтересованными сторонами при реализации инновационного проекта

Причина	Обоснование
Создание социального капитала	Улучшает доступ к информации, увеличивает влияние организации, снижает риск возникновения неожиданных проблем, а также формирует большой запас экономической прочности во время кризисных периодов.
Снижение рисков	Благоприятствует заблаговременному информированию по ряду вопросов, включающему обеспокоенность клиентов, риски охраны труда, вопросы управления ожиданиями заинтересованных сторон и т. д.
Доступ к новым инновациям	Позволяет улучшить информационный поток, определить возможности для проекта и разработать новые идеи.

При этом следует отметить, что на всех этапах реализации инновационного проекта подходы к вовлечению должны быть практичными и прозрачными, а также соответствовать возможностям и потребностям организации и заинтересованных сторон. Следовательно, взаимодействие и интеграция усилий заинтересованных сторон проекта в единый управленческий процесс становятся основным звеном механизма формирования и использования инновационного проекта.

Таким образом, изложенное выше позволяет дать более обобщенное определение инновационного проекта. Инновационный проект – это риско-

вый проект, представляющий собой процесс взаимозависимых действий по реализации инноваций, предполагающий наличие уникальности цели, ограниченность по времени и ресурсам, а также предусматривающий вовлечение и учет интересов заинтересованных сторон.

Цикличность является имманентной формой развития многих общественных систем. Нет ни одной системы в обществе, которая ни была бы в той или иной мере подвержена закономерностям циклической динамики. Разработка инновационного проекта – это длительный, дорогостоящий и очень рискованный процесс. Каждый проект проходит в своем развитии определенные состояния – от этапа, когда «проекта еще нет», до этапа, когда «проекта уже нет».

Развитие инновационного проекта от первоначальной идеи до эксплуатации также может быть представлено в виде цикла, который представляет собой совокупность взаимосвязанных подпроцессов и стадий создания новшества. При этом выделяют несколько представлений о жизненном цикле проекта (табл. 2).

По мнению автора, предприятию при внедрении инновационного проекта необходимо формировать стратегию управления дифференцированно по отношению к различным этапам жизненного цикла проекта. При этом целесообразно выделять следующие укрупненные фазы: концепцию (зарождение); разработку (развитие); реализацию (зрелость); завершение (метаморфоза).

Первая стадия (зарождение) – воспроизводится и совершенствуется технология, отрабатывается регламент производственного процесса. Вторая стадия (развитие) характеризуется медленным и растянутым во времени наращиванием выпуска новой продукции. Третья стадия (зрелость) определяется устойчивыми темпами наибольших объемов выпуска продукции и максимально возможной загрузкой производственных мощностей. Четвертая стадия (метаморфоза) связана с окончанием работ, получением выгоды, анализом достижений.

Управление проектом носит дискретный характер, и каждая стадия сама по себе является мини-проектом. Следовательно, фаза зарождения должна планироваться, организовываться, выполняться и контролироваться. И планирование этой фазы должно осуществляться с использованием десятиэтапного цикла решения проблемы. Следует также отметить, что реализация инновационного проекта на предприятии должна иметь непрерывный характер. При этом поддержание преемственности явля-

Таблица 2
**Эволюция научных представлений
о жизненном цикле проекта**

<i>Подходы к типологизации стадий проекта</i>	<i>Основные стадии (фазы)</i>
Стандартное представление	Предложение и инициация; проектирование и экспертиза; выполнение и контроль; завершение и закрытие
Представление о цикле решения проблемы	Осознание проблемы; сбор данных; определение проблемы; выработка решений; оценка решений; выбор решения; информирование о решении; подготовка плана; выполнение решения; мониторинг результативности
Представление о пяти процессах управления (по Г. Файолю)	Планирование; организация; регулирование; выполнение; контроль
Фазы жизненного цикла, принятые во Всемирном банке	Определение концепции проекта; подготовка исходных данных; экспертиза исходных данных и выбор решения по проекту; обслуживание и мобилизация проектной организации; выполнение проекта, включая рабочее проектирование и строительство; эксплуатация; анализ результатов
Жизненный цикл проекта (по С. Г. Верне)	Потребность; изучение; исследование; разработка; оценка; проектирование; заключение контрактов; изготовление и строительство; ввод в эксплуатацию; эксплуатация; обслуживание и ремонт; отчетность и накопление опыта

ется важным аспектом управления инновационным проектом. Следовательно, рассматривая циклы инновационного проекта и его стадии, следует иметь в виду, что конечные этапы предыдущей фазы инновационного цикла должны закладывать основу для начальных этапов следующей фазы цикла.

Таким образом, процесс разработки и внедрения инновационного проекта является длительным и сложным. Предприятие сталкивается с большим количеством трудностей, которые необходимо последовательно преодолевать, на каждой его стадии. В рамках реализации инновационного проекта предприятию необходима разработка стратегии управления, которая подразумевала бы комплексный анализ и планирование процесса его продвижения, контроль эффективности, дифференцирование финансовой и управленческой политики, в том числе в области качества, на всех стадиях его жизненного цикла.

Список использованной литературы

1. Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. 5-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2006.
2. URL: <http://www.worldbank.org>
3. Туккель И. Л., Сурина А. В., Культин Н. Б. Управление инновационными проектами. СПб.: БХВ-Петербург, 2011.
4. Сериков С. Управление проектами: методология и искусство // Эксперт. 2002. № 16. С.113–114; Пархоменко Е. Л., Герасимов Б. И. Качество инновационного продукта. Тамбов: изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2005.
5. Попов В. Л. Управление инновационными проектами. М.: ИНФРА-М, 2009.
6. Бовин А. А., Чередникова Л. Е., Якимович В. А. Управление инновациями в организации. М.: Омега-Л, 2006.
7. Вертакова Ю. В., Симоненко Е. С. Управление инновациями: теория и практика. М.: Эксмо, 2008.

УДК 330.101.2

Малые инновационные компании России сталкиваются в своем развитии с множеством барьеров и рисков. В статье рассматриваются ограничения, с которыми встречаются малые инновационные предприятия вузов, занятые трансфером технологий. Проведен анализ барьеров экономического роста малых компаний вузов, выявлены наиболее значимые из них. Определены институциональные, экономические, законодательные барьеры роста инновационных предприятий вузов.

К л ю ч е в ы е с л о в а : малые инновационные предприятия; риски предприятий; барьеры экономического роста; институциональные барьеры; экономические барьеры; законодательные барьеры.

Russian innovation companies face a wide range of barriers and risks in their development. The article deals with the constraints faced by universities' small innovative enterprises involved in technology transfer process. The analysis of the barriers to economic growth of these units is carried out; the most significant barriers are marked out from all. The institutional, economic and regulatory barriers are identified.

Key words: small innovative enterprises; business risks; barriers to economic growth; institutional barriers; economic barriers; regulatory barriers.

А. И. Волкова

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: alenkin28@mail.ru

Барьеры и риски экономического роста малых инновационных предприятий вузов*

Научная статья

А. I. Volkova

P. G. Demidov Yaroslavl State University

E-mail: alenkin28@mail.ru

Barriers and Risks to Growth of Small Innovative Enterprises of Universities

Scientific article

В условиях инновационной экономики всё более активную роль на рынке нововведений начинают играть малые инновационные предприятия вузов и научных организаций. Однако по-прежнему остро стоит проблема практического внедрения результатов научных исследований и разработок. Для ее решения 2 августа 2009 г. был принят Федеральный закон № 217-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам создания бюджетными научными и образовательными учреждениями хозяйственных обществ в целях практического применения (внедрения) результатов интеллектуальной деятельности», основной целью которого является обеспечение реального внедрения в производство результатов научно-технической деятельности путем создания

и государственной поддержки малых инновационных предприятий (МИП) вузов и НИИ.

Малые инновационные предприятия способны успешно решать поставленные задачи за счет своей высокой мобильности, гибкости, адаптивности к меняющемуся рынку и потребительским запросам. Однако в реальности они постоянно испытывают трудности в работе. По образному выражению А. Колесникова¹, созданные при вузах и НИИ малые предприятия «можно разделить на три примерно равные части: треть работает, треть существует лишь на бумаге, треть находится в промежу-

¹ В 2009–2011 гг. заведующий сектором мониторинга и анализа взаимодействия научных, образовательных организаций и бизнес-структур Центра исследований и статистики науки Минобрнауки России (ЦИСН).

* Статья подготовлена в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ ЯрГУ им. П. Г. Демидова, НИР № 6.7884.2013.

© Волкова А. И., 2013

точном состоянии» [1]. Такая ситуация объясняется существующими проблемами малых инновационных предприятий вузов/НИИ, барьерами и рисками, с которыми компаниям приходится сталкиваться в процессе работы.

Проблема барьеров роста малых инновационных предприятий достаточно серьезно разработана в современной экономической литературе. Изучение работ Б. Твисса [2], Р. Фостера [3], О. П. Коробейникова, А. А. Трифиловой, И. А. Коршунова [4], А. А. Дагаева [5], Э. Мэнсфилда [6], В. М. Гунина [7] и др. позволяет сформулировать обширный перечень ограничителей роста малых инновационных предприятий. Как показывает изучение источников, большинство исследователей склоняются к выделению двух больших групп (классов) барьеров роста МИПов:

- 1-я группа – внешние барьеры. Возникают вне предприятия, обусловлены экономическими, социальными и политическими условиями, в рамках которых работает предприятие и к изменениям которых оно вынуждено приспосабливаться;

- 2-я группа – внутренние барьеры. Зависят от работы конкретного предприятия.

Внешние барьеры роста малых инновационных компаний можно разделить на несколько подгрупп:

1. **Институциональные.** К ним относятся:

- *Неэффективная защита интеллектуальной собственности.* Результатами неэффективности институтов защиты прав интеллектуальной собственности могут являться: необоснованное затягивание сроков оформления патентов, последующий отказ Патентного ведомства в выдаче патента, а в результате – раскрытие конфиденциальной информации и потеря исключительного права на использование объекта интеллектуальной собственности. Кроме того, в течение всего срока действия патент может быть оспорен, признан недействительным полностью или частично. В то же время при нарушении патентных прав инновационной компании требуется огромное количество сил, времени и финансовых ресурсов, чтобы отстоять свою правоту в суде.

- *Отсутствие судебной независимости.* Защита прав интеллектуальной собственности в суде также часто не приносит результатов ввиду сложности как судебного производства по данным делам, так и различных форм внешнего воздействия на судей (включая ведомственные требования по соблюдению жестких сроков рассмотрения дел).

- *Фаворитизм в решениях государственных служащих.* «Благосклонность» государственных служащих только к отдельным компаниям и их руко-

водству часто оказывается губительной для малых предприятий, которые не имеют известного на рынке имени, влиятельного руководителя или покровителя, которые бы пролоббировали положительные решения госчиновников по разного рода вопросам.

- *Недостаточная информированность о новых открытиях и изобретениях,* ресурсах поддержки и содействия развитию интеллектуальной собственности, развитии рынка, возможностях диверсификации, тенденциях спроса и предложения на международных рынках [8]. В целом негативно сказывается дефицит на российском рынке критически необходимых для инноваций процессов циркуляции, фильтрации и обновления информации и знаний в национальном и глобальном инновационном контексте.

2. **Экономические.** К ним относятся:

- *Изменчивость спроса, необходимость подстраиваться под непрерывно меняющийся рынок.*

- *Высокий уровень конкуренции.* Для вновь созданных малых фирм вхождение на новый рынок, а затем и удержание своей рыночной доли является весьма рискованным, и к тому же оно сопровождается неопределенностью в получении конечных финансовых результатов.

- *Существенная налоговая нагрузка (высокие налоговые ставки)* может оказаться губительной для начинающего бизнеса, особенно в инновационной сфере, где затраты на производство и реализацию продукции очень высоки.

- *Недостаточное финансовое обеспечение деятельности:* нехватка финансовых средств как для капиталовложений, так и для текущих расходов. Еще в 1960 г. на конференции, посвященной фундаментальным академическим и промышленным исследованиям, состоявшейся в США, отмечалось, что «на каждый доллар, затраченный на фундаментальные и прикладные исследования, необходимо 10 долл., чтобы подготовить исследования к производству товара, и 100 долл., чтобы внедрить их в производство и продвинуть на рынок товар, созданный в результате исследования» [9]. Согласно исследованиям Э. Мэнсфилда, проведенным по отраслям британской промышленности, фактические расходы на инновационные проекты превысили прогнозируемые в 0,97–1,5 раза [10]. Исследование источников финансирования деятельности малых инновационных компаний вузов и НИИ выявило недостаточность самофинансирования для обеспечения крупных инновационных проектов. Согласно исследованиям Аналитического центра при Правительстве РФ, среди

главных факторов, сдерживающих инновационную активность, руководители обследованных предприятий называют в первую очередь нехватку собственных средств, неприемлемые условия кредитования, недостаток инвестиций [11]. Вместе с тем опыт стран Европейского союза свидетельствует, что с помощью одних инвестиций невозможно преодолеть инновационную стагнацию [12].

- *Неразвитость инновационного рынка*, ограниченный спрос на результаты научных исследований на внутреннем рынке. Отечественная промышленность в настоящее время не готова к масштабному восприятию разработок. Основной причиной этого является недостаток ресурсов на модернизацию производства и разработку новой продукции у большинства промышленных предприятий.

- *Высокие барьеры для выхода российских МИПов на внешние рынки*. Они определяются отсутствием необходимого опыта у российских и зарубежных ученых и бизнесменов, недостаточным знанием внешних рынков и слабыми связями с инновационными кругами зарубежья, которые, как показывает мировой опыт, требуют весьма длительного времени для своего формирования.

3. Политические, законодательные. К ним относятся:

- *Неэффективная система государственного регулирования МИПов*. Малые инновационные предприятия при вузах – новое явление для экономики России в целом и сферы образования в частности. В связи с этим созданные компании сталкиваются с рядом законодательных проблем, которые не решает Федеральный закон № 217-ФЗ.

- *Противоречивость и частые изменения законодательства*, особенно в инновационной сфере.

- *Сложность открытия бизнеса*. Для регистрации бизнеса и начала работы необходимо заполнить множество документов, посетить около десятка государственных организаций, заплатить пошлины, что отнимает время и силы, которые могли бы быть потрачены на реализацию инновационной идеи, и отпугивает «стартовых» инноваторов.

К **внутренним** барьерам, затрудняющим работу малых инновационных предприятий, относятся:

- *Недостаточная квалификация персонала среднего и высшего звена, отсутствие квалифицированного менеджмента*. По данным исследования «Инновационные ценности руководителей в экономике знаний», 41 % топ-менеджеров МИП нуждаются в обучающей поддержке своей инновационной активности, 36 % считают нехватку ком-

петенций преградой для новаторов и инновационных проектов [13].

- *Неэффективная организация производства и логистики*. Для осуществления инновационной деятельности, как правило, необходимы уникальное оборудование, высококачественные и сложные материалы и комплектующие, которые также требуют разработки и освоения. Малые инновационные компании часто сталкиваются с проблемой поиска поставщиков, способных обеспечить МИП уникальными ресурсами для инновационной деятельности.

- *Трудности сбыта продукции*, которые часто возникают в силу несформированности маркетинговой политики компании. Эти трудности обычно включают: неполную или некорректную сегментацию рынка; ошибочный выбор целевого сегмента рынка [14]; ошибочный выбор стратегии продаж; неэффективность рекламы; отсутствие свежих идей вывода нового продукта на рынок.

- *Спонтанные, часто разовые контакты с поставщиками и потребителями*. Неналаженность систематического, долгосрочного сотрудничества с партнерами может приводить к заключению контрактов на невыгодных условиях, вызывать срывы поставок, нарушение финансовых условий сделок, в целом негативно влиять на достижение стратегических целей предприятия.

С целью выявления наиболее значимых барьеров экономического роста малых инновационных предприятий в сфере образования автором был проведен опрос сотрудников МИПов вузов, в котором приняло участие 25 человек, из них 18 – руководители малых инновационных предприятий вузов, 7 – эксперты научно-образовательных учреждений в области трансфера технологий. Участникам исследования было предложено оценить степень влияния отдельных барьеров в баллах по шкале от 1 до 5 (1 б. – слабое влияние; 2 б. – незначительное влияние; 3 б. – среднее влияние; 4 б. – сильное влияние; 5 б. – критическое влияние).

Для иллюстрации результатов проведенного исследования автором была построена общая диаграмма барьеров экономического роста малых инновационных компаний вузов/НИИ (см. рис. 1) и отдельные диаграммы роста для каждой группы рассматриваемых барьеров роста (см. рис. 2–5).

Как видно из рис. 1, наибольшее влияние на работу малых инновационных компаний вузов/НИИ оказывают факторы внешней среды – экономические и законодательные.

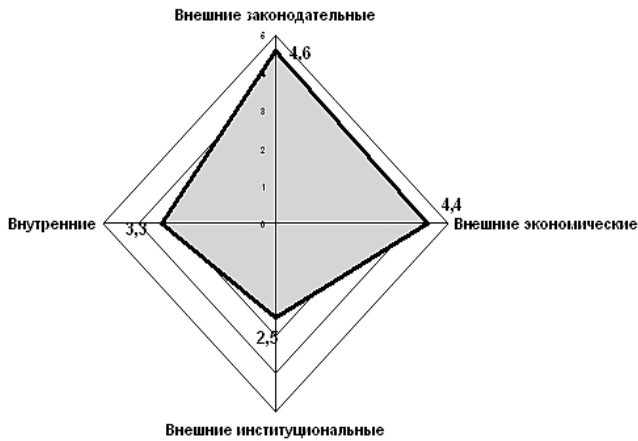

Рис. 1. Основные барьеры экономического роста МИПов вузов

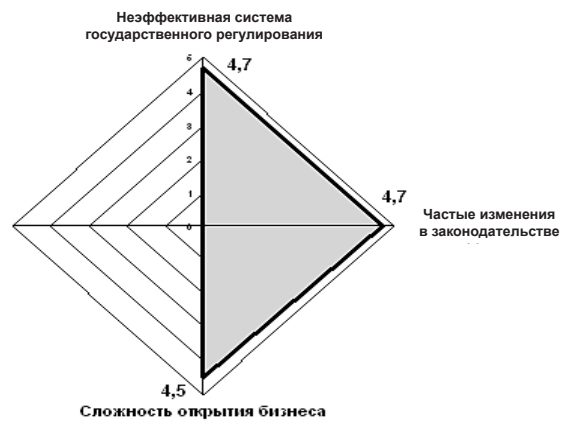

Рис. 4. Внешние законодательные барьеры роста МИПов вузов

Рис. 2. Внешние институциональные барьеры роста МИПов вузов

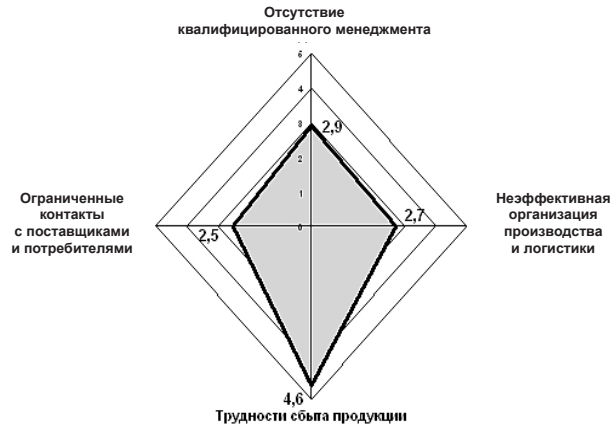

Рис. 5. Внутренние барьеры экономического роста МИПов вузов

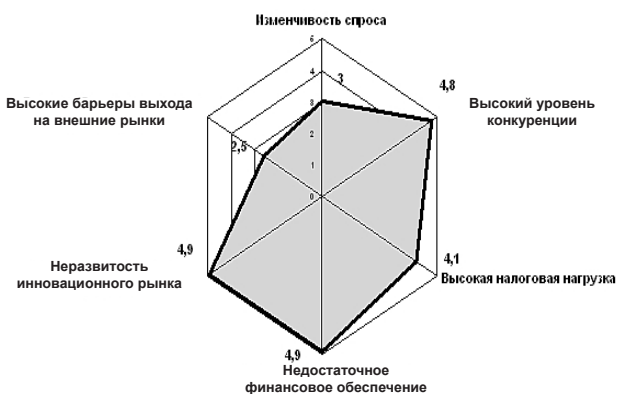

Рис. 3. Внешние экономические барьеры роста МИПов вузов

Рисунки 2–5 иллюстрируют факторы внешней и внутренней среды, которые оказывают наибольшее негативное влияние на работу МИПов. К их числу относятся: неэффективная работа института защиты интеллектуальной собственности, волатильность спроса – необходимость подстраиваться под рынок, высокий уровень конкуренции, существенная налоговая нагрузка, недостаточное финансовое обеспечение деятельности, неразвитость инновационного рынка, неэффективная система государственного регулирования МИП, противоречивость и частые изменения законодательства в инновационной сфере, сложность открытия бизнеса, трудности со сбытом продукции.

Интересно отметить, что анализ результатов показал согласованность оценки внешних барьеров роста малых инновационных компаний, созданных

Профиль барьеров экономического роста малых инновационных предприятий вузов

<i>Группа риска</i>	<i>Барьер</i>	<i>Группа факторов</i>
Высокий риск	Неэффективная работа института защиты интеллектуальной собственности	Внешние. Институциональные
	Волатильность спроса, необходимость подстраиваться под рынок	Внешние. Экономические
	Борьба за потребителя (высокий уровень конкуренции)	Внешние. Экономические
	Существенная налоговая нагрузка (высокие налоговые ставки)	Внешние. Экономические
	Недостаточное финансовое обеспечение деятельности	Внешние. Экономические
	Неразвитость инновационного рынка	Внешние. Экономические
	Неэффективная система государственного регулирования МИП	Внешние. Законодательные
	Противоречивость и частые изменения законодательства в инновационной сфере	Внешние. Законодательные
	Сложность открытия (начала) бизнеса	Внешние. Законодательные
	Трудности со сбытом продукции	Внутренние
Умеренный риск	Фаворитизм в решениях государственных служащих	Внешние. Институциональные
	Недостаточная квалификация персонала среднего и высшего звена, отсутствие квалифицированного менеджера	Внутренние
	Недостаточно высокая организация снабжения и производства продукции	Внутренние
	Ограниченные контакты с поставщиками и потребителями	Внутренние
Незначительный риск	Отсутствие судебной независимости	Внешние. Институциональные
	Недостаточная обеспеченность информацией	Внешние. Институциональные
	Высокие барьеры для выхода компании на внешние рынки	Внешние. Экономические

научно-образовательными учреждениями². Однако оценка внутренних барьеров развития МИПов вузов различается среди двух групп экспертов: руководителей малых инновационных компаний вузов и экспертов в области трансфера технологий. Специалисты в области трансфера технологий придают большее значение внутренним рискам компании, в то время как непосредственные руководители предприятий склонны объяснять неудачи и проблемы фирм неблагоприятными внешними факторами.

На основе проведенного исследования и анализа полученных экспертных оценок автором составлен профиль барьеров экономического роста малых инновационных компаний вузов на основе расчета среднего значения экспертных оценок (см. табл.). Барьеры роста сгруппированы по трем группам риска:

² Вывод сделан на основе расчета коэффициента вариации.

- барьеры высокого риска (среднее значение экспертной оценки выше 3,6) оказывают наибольшее негативное влияние на работу малых инновационных компаний вузов/НИИ, мешают успешно развиваться, могут привести к убыточной деятельности;

- барьеры умеренного риска (среднее значение экспертной оценки от 2,3 до 3,6) негативно влияют на работы малых инновационных предприятий вузов/НИИ, однако не приводят к катастрофическим последствиям для деятельности фирмы;

- барьеры незначительного риска (среднее значение экспертной оценки ниже 2,3) оказывают минимальное влияние на работу малых инновационных компаний вузов/НИИ, имеют слабое воздействие.

Таким образом, исследование выявило наиболее значительные барьеры роста, с которыми сталкиваются малые инновационные организации вузов и НИИ в процессе своей финансово-хозяйствен-

ной деятельности. Анализ показал, что наибольшее влияние на малые инновационные предприятия вузов оказывают факторы внешней среды, особенно экономические и законодательные. Минимизировать данные ограничения возможно только при активном участии государства, при реализации им определенных процедур, направленных на формирование благоприятной инновационной среды.

Список использованной литературы

1. Треть малых предприятий при вузах существует лишь на бумаге: интервью с А. Колесниковым. URL: http://www.strf.ru/material.aspx?CatalogId=223&d_no=41450.
2. Твисс Б. Управление научно-техническими нововведениями. М.: Экономика, 1989.
3. Фостер Р. Обновление производства: атакующие выигрывают: пер. с англ. М.: Прогресс, 1987.
4. Коробейников О. П., Трифилова А. А., Коршунов И. А. Роль инноваций в процессе формирования стратегии предприятия // Менеджмент в России и за рубежом. 2000. № 3.
5. Дагаев А. А. Фактор НТП в современной рыночной экономике. М.: Наука, 1994.
6. Mansfield E. Research and Innovation in the modern Corporation. Macmillan, 1972.
7. Гунин В. М. и др. Управление инновациями: 17-модульная программа для менеджеров «Управление развитием организации». Модуль 7. М.: ИНФРА-М, 2000.
8. Валдайцев С. В., Молчанов Н. Н., Пецольдт К. Малое инновационное предпринимательство: учеб. пособие. М.: Проспект, 2011.
9. Proceedings of a conference on Academic and Industrial Basic research. Princeton, 1960.
10. Mansfield E. Op. cit.
11. Дагаев А. А. Указ. соч.
12. Ernst & Young. European Attractiveness Survey. 2008, June. URL: <http://www.ey.com/Global>; KPMG Int. Global Corporate Capital Flows, 2008/9 to 2013/14: A study of the investment intentions of companies in 15 countries around the world. 2008, June. URL: <http://www.kpmg.com>.
13. Инновационные ценности руководителей в экономике знаний. М.: Высшая школа международного бизнеса, 2011.
14. Малый инновационный бизнес: учебник / под ред. проф. В. Я. Горфинкеля, проф. Т. Г. Попадюк. М.: Вузовский учебник: ИНФРА-М, 2013.

УДК 658

Корпоративная память представлена как новый управленческий ресурс промышленного предприятия, определено ее место в составе управленческих ресурсов, показана важность использования данного ресурса на промышленных предприятиях.

Ключевые слова: управленческий ресурс; корпоративная память; промышленное предприятие.

The article defines corporate memory as a management resource of an industrial enterprise, shows its place in the structure of management resources and the importance of using these resources at the industrial enterprises.

Key words: management resource; corporate memory; industrial enterprise.

А. А. Ражева

Ивановская государственная текстильная академия

E-mail: RazhevaAnastasia@list.ru

Корпоративная память и ее место в составе управленческих ресурсов промышленного предприятия

Научная статья

A. A. Razheva

Ivanovo State Textile Academy

E-mail: RazhevaAnastasia@list.ru

Corporate Memory and its Place in the Structure of Management Resources of an Enterprise

Scientific article

Современный этап развития экономики характеризуется высокой неопределенностью и ускоренными темпами изменений. Среда, в которой работают промышленные предприятия, изменилась настолько, что лишь немногие из них в состоянии адаптироваться к ней и развиваться в новых условиях. Принципы, на которых построена работа предприятий, идеально подходили для условий плановой экономики, но их действие ограничено ее рамками. Развитие передовых технологий, исчезновение границ между национальными рынками и требованиями клиентов, которые имеют теперь больше возможностей выбора, чем когда-либо, в совокупности сделали методы и основные принципы работы большинства промышленных предприятий безнадежно устаревшими. Проблема восстановления конкурентоспособности предприятий состоит не в том, чтобы заставить их сотрудников работать усерднее, а в том, чтобы научить работать иначе.

В связи с этим у предприятий появилась потребность в качественной перестройке принципов и механизмов своей работы, которая невозможна без развитой информационной базы. Принятие

эффективных решений, их обоснование нуждаются в серьезном информационном «фундаменте». Под названным «фундаментом» мы понимаем систему корпоративных знаний предприятия, составляющую его корпоративную память. Корпоративная память промышленного предприятия представляется нами в виде непрерывного процесса организации коллективного опыта как основы для инновационного развития предприятия и приобретения им устойчивой конкурентоспособной позиции.

Развивая модель жизнеспособной системы С. Бира [1], мы представляем корпоративную память в виде свойства «мозга» предприятия, обеспечивающего приобретение, обработку, сохранение и восстановление информации, приобретенной в ходе его функционирования. Фактически это означает, что корпоративная память является функцией системы управления предприятием, направленной на эффективную работу со знаниями. Это объясняется тем, что корпоративная память, как и память человека, прежде всего представляет собой процесс. Человек усваивает и запоминает не просто отдельные элементы информации, а

конструирует систему знаний, которая помогает ему приобретать, хранить и использовать обширный запас сведений. Корпоративная память как результат коллективной интеллектуальной деятельности представляет собой еще более сложную систему. Правильная организация корпоративной памяти должна позволять обращаться к ней как к единому целому, подобно тому, как это происходит в памяти человека. Это означает, что весь накопленный предприятием опыт может одновременно выступать в форме некоторой лаконичной интегративной картины, благодаря чему возможна его последующая специализация, отвечающая требованиям и условиям конкретной проблемной ситуации. В этом случае имеет место синергетический эффект, обусловленный тем, что качество всей системы выше качеств ее отдельных элементов. Дополнительный эффект в работе корпоративной памяти возникает вследствие невоспроизводимости (другими словами, из-за невозможности копирования), неимитируемости корпоративных знаний. Каждый сотрудник как элемент системы вносит свой вклад, основанный на личном профессиональном опыте, личной интерпретации деловой информации. Групповая интерпретация и усвоение (ассимиляция) знания зависят от синергии знаний всего персонала предприятия. Групповое знание строится на уникальной истории прошлого предприятия и аккумулировании опыта его деятельности. Нет двух предприятий, которые бы развивались и действовали одинаково. Синергия знаний персонала не может быть скопирована. Знания предприятия формируют его компетенцию, которая является уникальной. Таким образом, корпоративная память предстает как целостный организм, слаженная работа элементов которого позволяет обеспечить ему новое качество, отличное от суммы качеств отдельных элементов.

Отличие корпоративной памяти от баз и банков знаний заключается в наличии внутреннего механизма управления знаниями, способствующего их непрерывному развитию. Включение в состав корпоративной памяти управленческого механизма позволяет нам рассматривать ее в качестве управленческого ресурса. Если принять во внимание, что источником управленческого ресурса является человек, то корпоративную память следует рассматривать как его помощника, как интеллектуальную основу для управления.

Рассмотрим, какое место занимает корпоративная память в составе управленческих ресурсов.

В теории управления существуют различные подходы к определению состава ресурсов управления, среди которых, в связи со своим содержанием, нам интересны следующие: институциональный и темпоральный. Анализ существующих подходов (например, представленных в работах К. Н. Новиковой [2] и Е. И. Торопцева [3]) показал, что исследователи не уделяют должного внимания такому ресурсу, как корпоративная память. В связи с важностью этого управленческого ресурса, мы дополнили им существующие подходы к составу ресурсов управления (рис. 1 и 2).

При институциональном подходе к составу управленческих ресурсов выделены пять групп ресурсов: экономические, административные и нормативно-правовые, организационные, социокультурные, комплексные. К экономическим ресурсам, которые обеспечивают предметную базу – источники и средства обеспечения функционирования предприятия, – отнесены финансовый, материально-технический и производственный ресурсы. Группа ресурсов правового характера обеспечивает нормативно-правовую базу функционирования предприятия, а административные ресурсы осуществляют реализацию принятых решений. К организационным ресурсам отнесены средства эффективной организации функционирования предприятия: организационная структура, организационная культура и организационное поведение, коммуникации. В число социокультурных ресурсов включены: социально-психологический ресурс и образовательный ресурс, приобретающий в последнее время все более важное значение. Комплексные ресурсы различной природы включают: инновационный ресурс, информационный ресурс, связанный как с ролью информации в управлении системой, так и с внедрением современных информационных компьютерных сетевых технологий; ресурс самоорганизации, связанный с функцией использования внутренних возможностей предприятия. В соответствии с данным подходом корпоративная память была внесена в блок комплексных ресурсов (рис. 1).

Для подтверждения значимости корпоративной памяти как ресурса управления мы рассмотрели состав управленческих ресурсов в зависимости от последовательности их включения при подготовке управленческого решения (темпоральный подход). При таком подходе к составу управленческих ресурсов предприятия выделено три группы ресурсов: оперативные, тактические и стратегические (рис. 2).

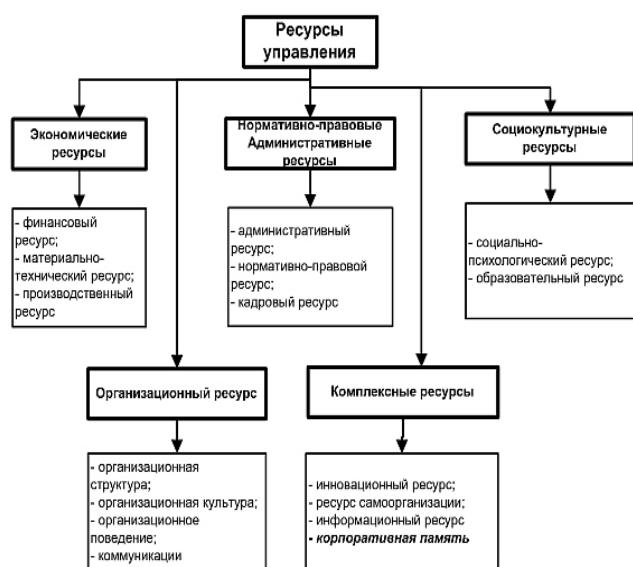

Рис. 1. Состав управленческих ресурсов: институциональный подход

Ресурсы первой группы носят оперативный, организационный характер, они являются первоочередными. Ресурсы второй группы – тактические, они носят характер непосредственного действия, функционирования системы. Эти ресурсы используются на втором этапе, когда система сформирована и начинает функционировать. Ресурсы тактического характера направлены на повышение эффективности ежедневной деятельности системы. Ресурсы третьей группы – стратегические, они направлены на дальнейшее развитие. В соответствии с данным подходом корпоративная память нашла свое место в категории тактических ресурсов.

Рис. 2. Состав управленческих ресурсов: темпоральный подход

Потребность промышленных предприятий в таком управленческом ресурсе, как корпоративная память, объясняется рядом причин.

Во-первых, промышленные предприятия являются интеллектуальным центром инновационного развития государства. Именно промышленность определяет качество жизни населения и обеспечивает технический и инновационный уровень других сфер хозяйственной деятельности. Поэтому в промышленности наиболее высок интеллектуальный потенциал, сохранение и приумножение которого требует интенсивного генерирования внутреннего (корпоративного) знания предприятия. Все это определяет конкурентоспособность государства, которая также связана с уровнем наукоемкости промышленного сектора экономики.

Во-вторых, промышленные предприятия отличаются высокой сложностью технологических процессов, организации производства, выпускаемой продукции и ее большим разнообразием. На производстве, характеризующемся большим количеством объектов учета и управления, а также множеством технологических и управленческих процессов, невозможно поддерживать высокую конкурентоспособность без использования развитой системы знаний. И чем сложнее деятельность предприятия, тем выше его потребность в использовании знаний.

В-третьих, в промышленности наиболее глубокое разделение труда, требующее координации деятельности многих исполнителей. Вместе с тем длительность производственного цикла, а следовательно, и затраты на производство в значительной мере зависят от качества координации участников разделенного, пространственно распределенного производственного процесса. Эффективной координации участников данного процесса способствует генерирование корпоративного знания, которое является источником инновационных оперативных решений.

В-четвертых, вступление России в ВТО предъявляет к промышленным предприятиям особые требования. Чтобы удержаться на рынке, им необходимо повышать конкурентоспособность своей продукции, снижая при этом ее себестоимость. В противном случае снижение пошлин для иностранных конкурентов и недоступность господдержки при вступлении в ВТО, по имеющимся оценкам, приведет в течение ближайших двух-трех лет к разорению и банкротству 30–40 тыс. промышленных предприятий [4].

Использование корпоративной памяти как управленческого ресурса позволяет промышленному предприятию решить важные проблемы:

- информационной перегруженности сотрудников (когда одна и та же информация ищется несколько раз);

- недоучета опыта – индивидуального и коллективного (не учитывается прошлый опыт, что приводит к непрофессиональным действиям, обучение и адаптация новых сотрудников проходит неэффективно);

- нарушения коммуникаций между подразделениями (когда различные подразделения параллельно выполняют одну и ту же работу);

- отсутствия оперативной связи с заказчиками и партнерами.

Решение обозначенных проблем позволяет избежать их последствий: потерю клиентов, упущенные возможности, убытки и т. д. Отлаженные процессы управления корпоративными знаниями позволят предприятию более эффективно осуществлять свою деятельность:

- ориентироваться на клиентов, производя товары и услуги, максимально отвечающие их потребностям;

- своевременно принимать эффективные и обоснованные управленческие решения;

- добиться практического превосходства над конкурентами с помощью более эффективного производства;

- повысить конкурентоспособную позицию предприятия, создавая инновационные продукты и услуги.

Список использованной литературы

1. Бир С. Мозг фирмы. М.: Радио и связь, 1993.
2. Новикова К. Н., Мкртумова И. В. Типология управленческих ресурсов системы социальной защиты // Вестник ТИСБИ. 2001. № 1. URL:[http://www.tisbi.org/science/vestnik/2001/issue2/vest2_6\[2\].html](http://www.tisbi.org/science/vestnik/2001/issue2/vest2_6[2].html).
3. Торопцев Е. И. Неявные ресурсы управления производственной организацией: автореф. дис. ... канд. экон. наук; КГУ им. Н. А. Некрасова. Кострома, 2006.
4. Условия и риски присоединения России к Всемирной торговой организации (ВТО): Аналитический доклад – главные факты и цифры / Международный общественный фонд «Экспериментальный творческий центр» (Центр Кургиняна). URL: <http://eot.su/node/12571>.

В статье отмечены острые проблемы в области охраны окружающей среды и природопользования, обоснованы роль и значение органов исполнительной власти в управлении природоохранной деятельностью на региональном уровне. Критически проанализированы составляющие системы управления природоохранной деятельностью на региональном уровне.

К л ю ч е в ы е с л о в а : экология; охрана окружающей среды; природопользование; природоохранная деятельность; экологическое законодательство; экологический контроль.

The article studies urgent issues in the field of environmental protection and nature management, describes the role and importance of the executive authorities in the environmental management at the regional level. System components of environmental management at the regional level in the field of ecology and ecological monitoring are critically analyzed.

Key words: ecology; environmental protection; natural resources management; environmental management; ecological law; ecological monitoring.

К. С. Саенко, Л. Н. Сальникова

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: pae@uniyar.ac.ru

Совершенствование управления природоохранной деятельностью на региональном уровне

Научная статья

K. S. Saenko, L. N. Salnikova

P. G. Demidov Yaroslavl State University

E-mail: pae@uniyar.ac.ru

Improvement of Environmental Management at the Regional Level

Scientific article

Вступление России в ВТО побуждает рассмотреть новые подходы и механизмы в области управления природоохранной деятельностью с целью повышения конкурентоспособности экономических субъектов.

В 2012 г. Президент России утвердил основы государственной политики в области экологического развития на период до 2030 г. [1]. Это стратегический документ, который позволяет обеспечить экологически ориентированный рост экономики и сохранить основы благоприятной окружающей среды. Кроме того, правительство утвердило государственную программу «Охрана окружающей среды» до 2020 г. [2]. Она содержит базовые ориентиры и прописывает порядок финансирования работ по сохранению экологии, ликвидации ущерба, связанного с хозяйственной деятельностью. Необходимость принятия вышеуказанных документов вызвана пренебрежительным отношением российских производителей к требованиям экологического законодательства и национальным интересам в области охраны природы:

«Ни одна развитая страна такого варварского отношения к своей окружающей среде не позволяет», – подчеркивает даже премьер-министр Правительства РФ Д. А. Медведев [3].

Реализация стратегических задач на государственном уровне должна опираться на стратегические цели и задачи социально-экономического развития регионов. Исходя из заявленной темы статьи, при определении основных направлений совершенствования управления природоохранной деятельностью на региональном уровне следует особое внимание уделить двум важнейшим составляющим управления, как-то: нормативно-правовой базе экологии и экологическому контролю.

В настоящее время недостаточно полно разработаны правовые и социально-экономические аспекты, устанавливающие принципы использования ресурсов окружающей природной среды. Реформа экологического законодательства должна быть нацелена на возрождение института государственной экологической экспертизы; переход

на систему нормирования негативного воздействия на окружающую среду, основанную на НДТ (наилучших доступных технологий); повышение платы за негативное воздействие на окружающую среду; внедрение мер экономического стимулирования модернизации производства; повышение эффективности экологического контроля и мониторинга; снижение административных барьеров; ликвидацию накопленного экологического ущерба.

Контроль – это процесс соизмерения (сопоставления) фактически достигнутых результатов (реальное достижение) с плановыми (прогнозными данными) показателями [4]. Для системы управления характерно большое количество различных систем контроля. Эффективность контроля определяет его успешность и полезность [5].

Действующее законодательство РФ, регламентирующее организацию и деятельность исполнительной власти, не содержит четких критериев разграничения понятий «*контроль*» и «*надзор*» и свидетельствует о наличии в нормативном пространстве некоторой непоследовательности в толковании указанных понятий. Один из основополагающих нормативных правовых актов в этой области – Федеральный закон от 26.12.2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц индивидуальных предпринимателей при проведении государственного контроля (надзора)» – разграничений между указанными понятиями вообще не содержит. Правовой анализ свидетельствует, что рассматриваются в нем только отношения по осуществлению контроля. Необходимо систематизировать и определить четкие критерии разграничения терминов применительно к сложившемуся в России государственно-правовому механизму.

Устранить сложившиеся противоречия возможно только после разработки и создания определенной концепции или теории соотношения терминов «*контроль*» и «*надзор*», «*контрольная и надзорная деятельность*» и, исходя из этого, осуществлять формирование системы органов государственного контроля и надзора. Правила осуществления государственного контроля в области охраны окружающей среды (государственного экологического контроля) утверждены Постановлением РФ от 27 января 2009 г. № 53 «Об осуществлении государственного контроля в области охраны окружающей среды (государственного экологического контроля)».

Государственный контроль в области охраны окружающей среды (*государственный экологический контроль*) осуществляется в установленном законом порядке должностными лицами соответствующих

структур на уровне субъектов Федерации. Этот контроль включает: государственный контроль за охраной атмосферного воздуха; контроль за деятельностью в области обращения с отходами; надзор за неиспользованием и охраной водных объектов; контроль за изучением, рациональным использованием и охраной недр; государственный земельный и лесной контроль; контроль в области охраны, использования объектов животного мира; контроль в области функционирования особо охраняемых природных территорий.

Понятие «*производственный экологический контроль*» (ПЭК) было введено Законом РСФСР от 19 декабря 1991 г. № 2060-1 (с изм. и доп.) «Об охране окружающей природной среды» в 1991 г. Оно осталось и в Федеральном законе РФ от 10.01.2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды», ст. 67 которого указывает, что «*производственный контроль в области охраны окружающей среды (производственный экологический контроль)* осуществляется в целях обеспечения выполнения в процессе хозяйственной и иной деятельности мероприятий по охране окружающей среды, рациональному использованию и восстановлению природных ресурсов, а также в целях соблюдения требований в области охраны окружающей среды, установленных законодательством в области охраны окружающей среды».

Принятие принципиального решения о ПЭК на конкретном предприятии остается за его руководством. Организация и ведение планирования этой деятельности является служебной обязанностью экологического подразделения предприятия-природопользователя.

Общественно-экологический контроль (ОЭК) осуществляется общественными объединениями и иными некоммерческими организациями в соответствии с их уставами, а также гражданами в соответствии с действующим законодательством. Результаты ОЭК, представленные в органы государственной власти РФ и ее субъектов, органы местного самоуправления, подлежат обязательному рассмотрению в установленном законодательством порядке.

В федеральном законодательстве предусмотрен целый ряд видов ОЭК, регулируемых различными законами: «Об охране окружающей среды», «О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан», «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», «Об отходах производства и потребления», «О животном мире», «Об охране атмосферного воздуха» и др.

Из приведенного перечня направлений ОЭК видно, что общественный контроль в области

охраны окружающей среды как правовой институт в целом закреплен в действующем законодательстве. Однако механизмы, процедуры его реализации, за небольшим исключением, отсутствуют.

Можно предположить, что законодатель боится давать общественности реальные рычаги воздействия на природопользователей. Возможно, это обусловлено тем, что в настоящее время многие экологические конфликты перерастают из исключительно экологических споров в социально-экономические. Примером может стать ситуация, которая складывалась вокруг проекта «Сахалин-2», когда под давлением международной общественности Международный банк реконструкции и развития отказался от кредитования проекта и инвестор был вынужден пойти на дополнительные затраты по корректировке трассы трубопровода в целях минимизации негативного воздействия на популяцию китов.

Важными составляющими элементами системы гражданского участия должны быть контроль, обсуждение, информирование и просвещение. Главной составляющей системы контроля должна стать общественная экологическая экспертиза, которая включена в новое охранное законодательство. Необходимо, чтобы она основывалась на заключении квалифицированных экспертов.

В федеральном законодательстве порядок проведения ОЭК установлен только применительно к общественному земельному контролю и к общественному контролю за охраной водных биологических ресурсов. В целом же специальный порядок осуществления ОЭК не разработан действующим законодательством, не определены права и обязанности общественных инспекторов, юридические последствия таких проверок. Несмотря на то что правительство РФ обладает полномочиями утвердить положение об ОЭК, такой документ до сих пор не принят. Данный пробел в федеральном законодательстве может быть устранен на уровне субъекта РФ (например, в региональном законе «Об охране окружающей среды»). Следует также подчеркнуть, что одним из условий эффективного ОЭК является не только наличие развитого экологического законодательства, но и четкая гражданская позиция каждого из нас.

К сожалению, на территории Ярославской области ОЭК не отражен ни в одном нормативно-правовом акте, даже локальном. В последнее время граждане Ярославской области активно используют свое право на обращение в органы контроля и надзора за соблюдением законодательства в области

охраны окружающей среды, однако эти обращения нередко носят «субъективный» характер, связанный подчас с межличностными конфликтами. Считаем, что привлечение органов специальных природоохранных прокуратур необходимо для решения особо сложных и чрезвычайных ситуаций.

К числу приоритетных направлений природоохранной деятельности органов государственного управления относится осуществление государственного экологического контроля на региональном уровне. На территории Ярославской области государственный экологический контроль осуществляется в форме проверок, проводимых в соответствии с планами, а также в форме внеплановых проверок с соблюдением прав и законных интересов организаций и граждан. В случаях выявления нарушений требований законодательства в области охраны окружающей среды и природоохранных требований, предъявляемых к субъектам хозяйственной или иной деятельности, предприятиями, организациями или гражданами государственные инспекторы по охране природы вправе применять соответствующие меры. Естественно, прерогатива профессиональной деятельности государственных инспекторов по охране природы – не наказывать, а добиваться соблюдения норм, положенных в основу экологической политики хозяйствующих субъектов.

Особое значение контроля и надзора в части соблюдения требований законодательства охраны окружающей среды заключается в комплексе мероприятий, связанных с выявлением и ликвидацией мест несанкционированного размещения отходов на территории Ярославской области в рамках проведения Дней защиты от экологической опасности. Информация о выявлении мест несанкционированного размещения отходов на территории Ярославской области за 2007–2011 гг. публиковалась в муниципальных и региональных изданиях. Повседневная работа органов контроля и надзора в указанной сфере приносит свои плоды, ибо экологическая ситуация в Ярославской области находится под государственным экологическим контролем.

Результаты наших исследований показали необходимость проведения следующих мероприятий. Во-первых, изменить ныне существующую систему органов контроля и надзора за соблюдением требований законодательства в области охраны окружающей среды с целью создания централизованной системы контроля в указанной сфере. Есть смысл рассмотреть вопрос о создании региональной службы экологического контроля на территории

Ярославской области. Целесообразно признать нерациональным и дестабилизирующим искусственное разделение функций в области экологической экспертизы и государственного экологического контроля между различными федеральными органами. Нельзя не отметить также невозможность разграничения функций экологического контроля между федеральным центром и субъектами Федерации. Во-вторых, одним из приоритетных направлений является установление платы за негативное воздействие на окружающую среду (20 % в Федеральный бюджет, 40 % в бюджеты муниципальных районов и городских округов). В-третьих, в настоящее время целесообразно органам прокуратуры предоставить решение вопросов, связанных с соблюдением требований законодательства в области охраны окружающей среды, уже существующим контролирующим органам, не подменяя их. И лишь в порядке исключения привлекать сотрудников специализированных природоохранных прокуратур для решения особо сложных и чрезвычайных ситуаций.

Причин ухудшения состояния окружающей среды и возрастания экологической опасности обычно называют много: несовершенство законодательства в области охраны окружающей среды, старение основных фондов, отсутствие у предприятий необходимых для модернизации инвестиций, растущее желание хозяйствующих субъектов «экономить» на «экологии», последствия непродуманных реформ государственного управления природоохранной и природоресурсной сфер, социальный стресс, недостатки воспитания и образования населения и ряд других.

В заключение отмечаем: улучшение состояния окружающей среды как природной основы устойчивого социально-экологического развития регионов должно стать одним из приоритетов органов

государственной власти, ибо Конституция Российской Федерации гарантирует населению РФ благоприятную окружающую среду и благоприятную биологическую безопасность. Статья 42 Конституции РФ гласит: «Каждый имеет право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением».

Право граждан на благоприятную среду обитания обеспечивается различными формами, среди которых: нормирование качества окружающей среды; меры, связанные с предотвращением различных экологически вредных последствий; оздоровление окружающей среды; предупреждение и ликвидация последствий аварий, техногенных катастроф; и, конечно, государственный контроль и надзор за соблюдением требований законодательства в области охраны окружающей среды, где особая роль принадлежит органам государственной власти.

Список использованной литературы

1. Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года: утв. Президентом РФ от 30 апреля 2012 г.
2. Государственная программа РФ «Охрана окружающей среды» на 2012–2020 годы.
3. Российская газета. 2013. № 1. 10 янв.
4. Коробко В. И. Теория управления: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Государственное и муниципальное управление», «Менеджмент организаций». М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009. С. 307.
5. Полторак А. У. Без права на ошибку. Прайм-Сфера. 2009. № 9. С. 34.

УДК 339.9

В статье исследуются программы корпоративной социальной ответственности европейских авиаперевозчиков, сочетающие реализацию интересов общества с повышением экономической эффективности и снижением издержек. На примере компаний «Люфтганза», «Эйр Франс-КЛМ» и «Эйр Берлин» выявлено, что реализации поставленной двуединой задачи в наибольшей степени отвечают мероприятия, направленные на экономию топлива.

К л ю ч е в ы е с л о в а : европейские авиаперевозчики; экономия топлива; корпоративная социальная ответственность (КСО); сокращение выброса CO₂; авиационный транспорт.

This article examines corporate social responsibility programs of European airlines that aim at considering social interests as well as increasing economic efficiency and cutting costs. Examples of Lufthansa, Air France-KLM and Air Berlin testify that fuel saving measures turn out to be the most efficient tools in realization of this double objective.

Key words : European airlines; fuel saving; corporate social responsibility (CSR); CO₂ emissions cut; air transportation.

Е. А. Буторина

Институт Европы РАН

E-mail: ekaterina.butorina@gmail.com

Экономические аспекты программ социальной ответственности европейских авиаперевозчиков

Научная статья

Е. А. Butorina

Institute of Europe RAS

E-mail: ekaterina.butorina@gmail.com

The Economic Dimension of Corporate Social Responsibility Programs of European Airlines

Scientific article

Экономические аспекты социальной ответственности бизнеса

Корпоративная социальная ответственность (КСО) является одним из инструментов экономической политики, позволяющим решать проблему несоответствия интересов предпринимателей и общества в целом. В рыночной экономике главный интерес предпринимателя состоит в извлечении прибыли, тогда как общество заинтересовано в сохранении природных ресурсов, поддержании высокого уровня занятости, социальном сплочении и защите прав уязвимых групп населения. Как правило, нахождение баланса корпоративных и социальных интересов является сферой ответственности государства. Отсутствие государственного регулирования приводит к монополизации и провалам рынка [1]. Но воздействие государственного регулирования на хозяйствующие субъекты далеко не всегда можно оценить заранее, а результаты такого регулирования нередко оказываются противоположными их изначальным целям [2].

© Буторина Е. А., 2013

Программы КСО помогают выбирать те методы реализации интересов общества, которые наилучшим образом сочетались бы с задачей повышения эффективности предприятий и получения прибыли. Так, по мнению Джеффри Сакса, не следует абсолютизировать противоречие между эффективностью и справедливостью. Достижение этих целей может происходить одновременно и параллельно: содействие справедливости способствует повышению эффективности [3]. Отвечающие интересам общества меры могут, несмотря на затраты, быть средством сокращения ее издержек.

Согласно определению Ассоциации менеджеров России, КСО – это философия поведения бизнеса с учетом нескольких ориентиров, включая неукоснительное соблюдение трудового, налогового и экологического законодательства, а также учет общественных ожиданий и общепринятых этических норм в практике ведения дел [4]. Разумные меры социальной ответственности создают для компании преимущества в долгосрочной перспективе.

Поэтому требования КСО следует рассматривать не столько как ограничения, налагаемые обществом на бизнес, сколько как инициативу корпораций, понявших свою выгоду от возможности позиционировать себя в выигрышном свете перед инвесторами, властью и клиентами [5].

В данной статье рассматриваются программы социальной ответственности трех европейских авиакомпаний, в числе которых два флагманских перевозчика – французский AirFrance – KLM и немецкий Lufthansa, а также бюджетная немецкая компания, или лоукостер (англ. – low-cost carrier, low-cost airline, lowcoster) AirBerlin. Для полноты сравнения было бы целесообразно включить в исследование и французский лоукостер. К сожалению, в 2012 г. во Франции не было бюджетных авиалиний, предоставляющих отчетность в области КСО.

Крупнейший европейский перевозчик Lufthansa Group перевезла в 2012 г. более 103 млн пассажиров и 1,9 млн тонн грузов. На предприятиях компании было занято свыше 117 тыс. сотрудников [6]. Основные аэропорты базирования компании – Мюнхен, Дюссельдорф и Франкфурт [7].

Компания AirFrance-KLM образовалась в 2004 г. путем слияния двух крупных авиаперевозчиков AirFrance и KLM, базирующихся в двух крупнейших аэропортах Европы – парижском Шарль де Голль и амстердамском Схипхол. Авиафлот компании состоит из 586 воздушных судов, обслуживание ведется по 230 направлениям в 113 странах. В 2011 г. AirFrance-KLM перевезла почти 76 млн пассажиров и 1,4 млн тонн грузов [8].

Немецкая AirBerlin – второй по величине авиаперевозчик Германии. Компания базируется в аэропортах Берлина и Дюссельдорфа. Она обслуживает 174 направления, в том числе 25 внутри страны – это больше, чем в любой другой немецкой авиакомпании. Флот состоит из 134 судов, в 2012 г. компания перевезла 33,3 млн пассажиров [9].

Все три компании заявляют о стремлении к социально справедливому и экологически устойчивому росту. Данная цель изложена в принятом в 2008 г. Европейской комиссией документе «Единый европейский акт – 12 уровней стимулирования роста и усиления деловой уверенности. Работать вместе для обеспечения нового роста». В документе указано, что внутренний рынок ЕС основывается на «высоко конкурентной социальной рыночной экономике», в которой «новые деловые модели, учитывающие социальные проблемы и задачи, преобладают над моделями, ориентиро-

ванными исключительно на получение финансовой прибыли. При этом Евросоюз способствует развитию предприятий, которые, помимо стремления к финансовой выгоде, решают важные общественные, этические и природоохранные задачи» [10].

Сохранение природных ресурсов

Сохранение природных ресурсов и забота об окружающей среде – важнейшая составляющая стратегии КСО авиаперевозчиков по двум основным причинам. Во-первых, авиаперевозки, как и вся транспортная индустрия, приводят к загрязнению окружающей среды. Ответственное отношение к природе улучшает отношение местного населения к авиаперевозчикам и, таким образом, положительно влияет на его потребительское поведение (люди всегда могут выбирать между авиа-, железнодорожными и автомобильными путешествиями). Во-вторых, некоторые экологические проекты ведут к прямой или косвенной экономии. Например, сокращая использование бумаги и одноразовой посуды, авиаперевозчики уменьшают нагрузку на окружающую среду и снижают свои издержки.

AirFrance-KLM стимулирует уменьшение выбросов CO₂ за счет сокращения использования личного автотранспорта сотрудников. Она внедряет схемы совместного использования автомобиля несколькими сотрудниками и субсидирует покупку сотрудниками билетов на общественный транспорт. В 2011 г. по сравнению с 2009 г. количество сотрудников в Париже и окрестностях, пересевших на общественный транспорт, возросло на 12 % [11]. Оптимизировав системы водоснабжения, компания стала экономить 1200 литров воды в неделю, что равнозначно 200 тыс. евро в год. Кроме того, французский перевозчик сократил потребление электричества и разработал ряд технологий для переработки использованных материалов [12].

Немецкая Lufthansa с 1993 г. приняла участие в 15 проектах по наблюдению за состоянием атмосферы. На отдельных самолетах авиакомпании было установлено специальное оборудование, позволяющее собирать информацию для изучения климата, составления прогнозов погоды и анализа процессов глобального потепления [13].

AirBerlin стала в 2005 г. первым авиаперевозчиком, внедрившим электронные карты навигации. С 2011 г. в компании полностью отказались от использования бумаги в процессе управления полетами, что дало несомненную экономию. Существенному сокращению издержек способс-

товала еще одна технологическая инновация при полетах. Наземная спутниковая усиливающая система (Ground Based Augmentation System – GBAS) обеспечивает точность посадки самолета на автопилоте вплоть до 1 метра и способна контролировать до 49 самолетов, заходящих на посадку, что позволяет избежать задержек во время посадки и экономить топливо.

Использование альтернативных источников энергии – один из наиболее перспективных путей к снижению выбросов углекислого газа в отрасли авиаперевозок. В 2011 г. AirFrance-KLM на маршруте Париж – Амстердам совершила первый в Европе коммерческий перелет исключительно на биокеросине [14]. Шаги в этом направлении делает также Lufthansa. В 2011 г. она перевела 1187 перелетов между Франкфуртом и Гамбургом на смеси биотоплива и обычного керосина. После завершения испытания началась двухлетняя фаза сбора и обработки информации, что, по мнению экспертов компании, позволит начать перелеты на биотопливе на регулярной основе [15].

Экономия топлива

Сокращение расходов топлива является приоритетной задачей для большинства авиалиний как по причине социальной ответственности, так и с точки зрения экономической выгоды. Ведь стоимость топлива становится все более веским фактором ценообразования в секторе авиаперевозок. Так, у компании AirBerlin в 2012 г. соотношение затрат на топливо к общей выручке возросло на 1,6 % по сравнению с 2011 г., составив 28,2 % [16]. Председатель исполнительного комитета DeutscheLufthansa AG Кристоф Франц назвал удорожание топлива одной из двух главных причин сокращения прибыли компании в 2012 г. на 36,1 %. Расходы компании на топливо увеличились в 2012 г. на 17,8 % [17].

Кроме того, объем потребляемого воздушным судном топлива напрямую связан с выбросом углекислых и других вредных газов в атмосферу. Сегодня на долю транспорта приходится около четверти всего общемирового объема загрязнения атмосферы [18]. В 2009 г. компания приступила к реализации проекта «Экономия топлива за счет уменьшения веса самолетов». По подсчетам экспертов компании, это позволяет в год экономить 30 тонн керосина на каждый килограмм веса [19].

Одновременно компания реализует еще три группы мер, а именно: более точное планирование регулярных маршрутов, активную предполетную

подготовку и корректировку маршрута в процессе полета. Оптимизация ряда регулярных рейсов позволила сократить время полета и, соответственно, расход керосина. Новый комплекс мероприятий позволил существенно уменьшить расход топлива. В их числе: введение строгого графика регулярной мойки двигателей; анализ загрузки воздушного судна с целью более точного расчета центра тяжести; сбор и анализ последних погодных данных для выбора наиболее подходящей скорости и высоты полета. Компания уменьшила запасы воды на борту коммерческих лайнеров на 80 %, что позволило ежегодно сжигать на 1300 тонн меньше топлива. Объем резервного топлива на каждом авиасудне был сокращен почти в два раза – с 2,7 до 1,4 тонн. Это было сделано после того, как проведенное исследование показало, что 97 % всех рейсов завершают полет, не истратив ни капли резервного керосина [20].

В борьбе с загрязнением окружающей среды наиболее развитую и масштабную программу действий имеет группа AirFrance-KLM. По итогам 2011 г. она снизила количество потребляемого топлива до 3,7 литров на пассажира на 100 км [21]. Перевозчик постоянно модернизирует парк своих самолетов: средний возраст авиапарка составляет 9,7 лет. Как и другие авиакомпании, AirFrance-KLM стремится к максимальной оптимизации маршрута перелета, выбирая наиболее подходящую высоту и скорость движения для экономии топлива. В период с 2000 по 2011 гг. она снизила удельный выброс углекислого газа на 14 % и довела его до 92 г. в расчете на один пассажиро-километр [22]. По итогам 2011 г. компания заняла первое место по данному показателю в Евросоюзе. Этот успех был во многом достигнут за счет обновления парка. Как правило, новые модели авиалайнеров создают гораздо меньшую нагрузку на окружающую среду, чем их предшественники. В компании также стремятся к снижению веса самолетов. По расчетам специалистов, каждый сэкономленный килограмм позволяет ежегодно уменьшать выбросы углекислого газа на 75 тонн [23].

В 2011 г. самым экономичным с точки зрения расхода топлива европейским коммерческим авиаперевозчиком стал немецкий лоукостер AirBerlin. В среднем он расходовал 3,5 литра топлива на пассажира на 100 километров пути. Такой результат был получен в основном за счет новейшего парка самолетов. Средний возраст авиапарка в Евросоюзе равен 12 годам, а у AirBerlin – 5,3 года [24]. Airberlin

сократил выбросы углекислого газа на 62,4 тыс. тонн в 2011 г. и на 45,7 тыс. тонн в 2010 г. [25]. На Берлинском авиашоу 2012 г. немецкий бюджетный перевозчик был назван «наиболее дружелюбной по отношению к окружающей среде авиалинией», набрав в соответствии с рейтингом ААI (Atmosfair Airline Index) 74 балла из 100 [26].

Экологический рейтинг авиакомпаний

ААI – это ежегодный рейтинг авиакомпаний, который составляется Atmosfair – немецкой организацией, разрабатывающей меры по защите климата в секторе транспорта и туризма. Рейтинг ААI был

впервые опубликован в 2011 г. Его задача – предоставить потребителю информацию о наиболее экологичных авиакомпаниях и помочь спланировать свой маршрут так, чтобы оказать наименьшее негативное воздействие на окружающую среду.

Рейтинг составляется на основе ряда критериев, каждый из которых имеет удельный вес, соответствующий степени его влияния на уровень выброса углекислого газа при перелете. В основе результатов рейтинга (см. табл.) лежит анализ 150 авиакомпаний, выполнивших в 2012 г. более 29 млн рейсов (примерно 92 % от общемирового уровня авиаперевозок).

Таблица 1

Рейтинг отдельных авиаперевозчиков в индексе ААI в 2012 г.

Общий рейтинг				Тип перелета					
				Короткий (до 800 км)		Средне-магистральный (800 – 3800 км)		Дальне-магистральный (свыше 3800 км)	
Место	Авиакомпания	Баллы	Количество пассажиров, млн	Баллы	Место	Баллы	Место	Баллы	Место
13	Air Berlin	74,3	33,6	72,4	21	74,9	12	55,3	61
32	KLM	68,4	22,8	58,6	61	57,6	75	73,0	9
34	Air France	67,6	47,0	60,8	51	66,1	43	69,8	17
54	Lufthansa	63,7	58,9	50,1	86	59,3	67	70,1	16

Примечание: баллы – средневзвешенное количество очков, суммированных по набору показателей. Максимальное количество баллов – 100.

Разделение на три вида перелетов (короткие, средне- и дальнемагистральные) введено в рейтинг по той причине, что наибольший выброс CO₂ происходит во время взлета. Поэтому уровень выброса вредных газов на километр полета на короткое расстоянии априори выше, чем на среднее и дальнее расстояние, то есть на рейсе между европейскими городами всегда используется больше топлива на 100 км полета, чем, например, на рейсе через Атлантику.

В соответствии с данным рейтингом лидером среди исследуемых компаний оказалась компания AirBerlin, которая занимает 13-е место, демонстрируя превосходство на всех трех типах перелета. Компании KLM и AirFrance в рейтинге находятся примерно на одном уровне, занимая 32 и 34-е места соответственно. Существенно отстает от конкурентов компания Lufthansa, занимающая лишь 54-е место. По мнению автора, это связано в первую очередь с высоким средним возрастом авиапарка компании, а также, возможно, с высокой долей перелетов на короткие расстояния.

Согласно данным о степени влияния различных факторов на уровень выброса CO₂ в полете (по мето-

дологии ААI), низкая эффективность Lufthansa на коротких рейсах может быть связана как с типом авиасудна, так и с его большой загрузкой. Наиболее значимым из таких факторов является степень загрузки судна пассажирами: выброс углекислого газа зависит от него на 48 %. Вторым по значимости критерием является тип самолета – почти треть (31 %) от общей суммы факторов. Сюда можно отнести как модель воздушного судна, так и его возраст. Сравнение показателей исследуемых компаний показывает, что возраст авиафлота также оказывает непосредственное влияние на расход топлива при перевозке. Например, при среднем возрасте авиапарка в 10,9 лет компания Lufthansa расходует 4,2 л топлива на одного пассажира на 100 км пути, AirFrance – 3,7 л при среднем возрасте авиапарка 9,7 лет, а AirBerlin – 3,5 л при возрасте 5,3 года [28]. Остальные факторы связаны с типом воздушного судна и его загрузкой.

Анализ программ КСО европейских авиаперевозчиков показывает, что во многих из них интересы общества сочетаются с интересами бизнеса, в частности не противоречат стремлению к большей эффективности и рентабельности. Так, модер-

низация авиафлота позволяет не только повысить привлекательность услуг для пассажиров и безопасность полетов, но и сократить расход топлива. Более того, с уменьшением расхода топлива и, соответственно, издержек также снижается уровень выброса вредных газов в атмосферу.

Все рассмотренные перевозчики едины в поисках средств сокращения потребления топлива. Среди них: инвестиции в разработку биотоплива (AirFrance-KLM и Lufthansa), обновление авиафлота (AirFrance-KLM и AirBerlin), сокращение степени загрузки воздушных судов (AirFrance-KLM и Lufthansa), внедрение программ по оптимизации полета с целью сокращения продолжительности и дальности полета и ожидания (все компании – объекты исследования). Очевидной необходимостью для всех компаний-перевозчиков является обновление флота и оптимизация уровня загрузки воздушных судов.

Список использованной литературы

1. Сэндлер Т. Экономические концепции для экономических наук. М.: Весь мир, 2006. С. 37–45.
2. Бетелл Т. Собственность и процветание. М.: АНО «Институт распространения информации по экономическим наукам», 2008. С. 410–418.
3. Сакс Дж. Цена цивилизации. М.: Издательство Института Гайдара, 2012. С. 61.
4. Елецких Т. Корпоративная Социальная ответственность // Банковский вестник Национального банка Республики Беларусь: электрон. журн. 2009. № 7. С. 48.
5. Хоминич И.П. Бизнес-стратегия компании в сфере корпоративной социальной ответственности // Банковские услуги. 2007. № 3. С. 4.
6. Balance. Key data on sustainability within the Lufthansa Group. Frankfurt am Main: Deutsche Lufthansa AG, 2012. URL: <http://www.lufthansagroup.com/fileadmin/downloads/en/LH-sustainability-report-2012.pdf>
7. Lufthansa official web-site. Fleet. URL: http://www.lufthansagroup.com/en/company/fleet.html?btp=AT&btl_1=en&btl_t=Homepage2011&btl_e=Passinglane&btl_n=empty&btl_z=Fleet%20 (дата обращения: 08/06/2013).
8. Air France annual report 2011. P. 4. URL: [www.air_france_klm_annual_report_2011_bd_VA\[1\].pdf](http://www.air_france_klm_annual_report_2011_bd_VA[1].pdf)
9. Air Berlin investor relations. URL: <http://ir.airberlin.com/en/ir> (дата обращения: 08/06/2013).
10. Communication from the commission to the European Parliament, the Council, the Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. Single Market Act. Twelve levels to boost growth and strengthen confidence. «Working together to create new growth». P. 14. URL: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2011:0206:FIN:en:PDF>
11. AirFrance-KLM Corporate Social Responsibility report 2011. P. 40. URL: http://www.klm.com/csr/en/images/AFKLM%20CSR%20report%202010-11_tcm696-350742.pdf
12. Ibid. P. 37.
13. Lufthansa Corporate Social Responsibility report 2011. P. 89. URL: <http://www.lufthansagroup.com/fileadmin/downloads/en/LH-sustainability-report-2011.pdf>
14. Air France-KLM Corporate Social Responsibility report 2011. P. 28.
15. Lufthansa Corporate Social Responsibility report 2011. P. 67.
16. Airberlin annual report 2012. P. 43. URL: [http://www.airberlin_GB2012_En\[1\].pdf](http://www.airberlin_GB2012_En[1].pdf)
17. Lufthansa annual report 2012. P. 4. URL: <http://www.http://investor-relations.lufthansagroup.com/en/finanzberichte/annual-report/2012.html>
18. Atmosfair Airline Index 2012. P. 2. URL: http://www.atmosfair.de/fileadmin/user_upload/Airline_Index/Airline_Index_2012_EN.pdf
19. Lufthansa Corporate Social Responsibility report 2011. P. 70.
20. Ibid. P. 73.
21. Air France-KLM Corporate Social Responsibility report 2011. P. 31.
22. Ibid. P. 8.
23. Ibid. P. 31.
24. Airberlin annual report 2011. P. 69.
25. Ibid. P. 69.
26. Ibid. P. 52.
27. Lufthansa Annual Report 2010. P. 74.
28. Air Berlin key figures 2012. URL: <http://ir.airberlin.com/en/ir/facts-about-the-group/key-financial-figures> (дата обращения: 07/06/2013).

В статье обосновывается необходимость исследования процессов становления отечественного института несостоятельности (банкротства) в постсоветский период. Выявлено, что механизму государственного регулирования в сфере несостоятельности (банкротства), воссозданному в постсоветский период, был присущ ряд существенных недостатков, часть из которых не устранена до сих пор.

Ключевые слова: антикризисное управление; финансовая несостоятельность; финансово-экономическая составляющая механизма.

The article proves the need for research of processes of formation of domestic institute of insolvency (bankruptcy) during the Post-Soviet period. It reveals the fact that in the sphere of the insolvency (bankruptcy), recreated during the Post-Soviet period, a number of essential shortcomings were inherent to the mechanism of state regulation. Some of these shortcomings have not yet been eliminated.

Key words: crisis management; financial insolvency; financial and economic component of the mechanism.

А. Б. Перфильев

Международная академия бизнеса и новых технологий (Академия МУБиНТ)

E-mail: perflyev@mubint.ru

Возрождение института несостоятельности (банкротства) в постсоветской России

Научная статья

A. B. Perflyev

International Academy of Business and New Technologies (Academy МУБиНТ)

E-mail: perflyev@mubint.ru

Revival of Insolvency (Bankruptcy) Institute in Post-Soviet Russia

Scientific article

Во всех странах с развитой рыночной экономической органы государственной власти стремятся разработать и эффективно использовать такой механизм антикризисного управления, который позволял бы не только законодательно регулировать финансово-экономические отношения между неплатежеспособными должниками и их кредиторами, но и создавать условия для восстановления платежеспособности организаций, проявляющих признаки банкротства.

Вместе с тем во многих цивилизованных странах, в том числе и в России, ежегодно наблюдаются многочисленные факты банкротств хозяйствующих субъектов. Так, например, в США ежегодно происходит около 300 тыс. банкротств, в Канаде – примерно 100 тыс., в Германии каждый год в среднем банкротятся около 30 тыс. организаций, во Франции – примерно 40 тыс., а в Японии не менее 25 тыс. организаций ежегодно становятся банкротами. Десятки тысяч дел о несостоятельности (банкротстве) ежегодно принимаются к производству арбитражными судами и в Российской Федерации.

© Перфильев А. Б., 2013

Однако лишь мизерная часть отечественных хозяйствующих субъектов (не более 0,5%), признававшихся арбитражными судами Российской Федерации финансово несостоятельными, после проведения с ними соответствующих процедур банкротства, смогла восстановить свою платежеспособность [1].

Многочисленные факты финансовой несостоятельности организаций наблюдавшиеся на протяжении двух последних десятилетий в нашей стране, и мизерная доля случаев восстановления платежеспособности обанкротившихся российских организаций, свидетельствуют о том, что сам отечественный механизм государственного регулирования в сфере несостоятельности (банкротства) не вполне отрегулирован.

Несовершенство отечественного механизма антикризисного управления и огромная сумма совокупного капитала, принадлежащего обанкротившимся российским организациям значение которой превышает 1 трлн руб. [2], вызывают необходимость проведения тщательного анализа условий, причин и последствий применения механизма государс-

твенного регулирования в сфере несостоятельности (банкротства). Но для того чтобы понять логику функционирования современного отечественного механизма антикризисного управления и выявить основные проблемы его реализации, следует провести прежде всего анализ становления и возрождения института банкротства в постсоветский период.

Необходимость исследования возрождения института банкротства в историческом аспекте обусловлена тем, что «принцип единства исторического и логического служит методологической основой постижения сущности и закономерностей сложных развивающихся объектов» [3].

В годы советской власти, когда практически вся собственность на средства производства была государственной, а предприятия создавались и финансировались за счет государственных средств, факты банкротства организаций не фиксировались и в принципе не допускались. Именно поэтому в период функционирования советской власти исчезли не только органы и механизмы регулирования отношений в сфере несостоятельности (банкротства), но и даже сами понятия о них.

Практически сразу после приобретения государственной независимости в России были предприняты попытки привести экономику страны к рыночным условиям хозяйствования, и начиная с 1 января 1992 г., Правительство Российской Федерации перестало регулировать цены на большинство товаров, работ и услуг. Последствия «либерализации цен» проявились незамедлительно: именно с 1 января 1992 г. в России начали нарастать темпы инфляции, деньги стали платным, дорогостоящим и дефицитным ресурсом и в стране стали усугубляться проблемы массовых взаимных неплатежей. На фоне нарастающих темпов инфляции, на фоне падения уровня договорной и финансовой дисциплины десятки тысяч российских организаций, потеряв возможность исполнять свои финансовые обязательства перед государством, перед деловыми партнерами и перед членами своего трудового коллектива, оказались в состоянии не только временной неплатежеспособности, но и реального банкротства. Именно масштабность проблем, связанных с потерей платежеспособности десятками тысяч российских предприятий, обусловили необходимость формирования механизма государственного регулирования в сфере несостоятельности (банкротства).

Начало процессам возрождения института несостоятельности (банкротства) в постсоветской России было положено введением в действие Указа

Президента Российской Федерации от 14 июня 1992 г. № 623 «О мерах по поддержке и оздоровлению несостоятельных государственных предприятий (банкротов) и применении к ним специальных процедур» [4] (далее – Указ). Действие этого нормативного документа, как было продекларировано в его вводной части, должно было быть направлено на поддержание государственных предприятий, оказавшихся несостоятельными (банкротами), на создание условий по обеспечению эффективного использования государственного имущества, на защиту прав и интересов государства, кредиторов и трудовых коллективов несостоятельных предприятий.

К числу несостоятельных предприятий могли быть отнесены только государственные предприятия, которые не способны были выполнять свои обязательства перед кредиторами и бюджетом и у которых доля государственной собственности в уставном фонде (капитале) составляла 50 и более процентов. Основанием для признания государственного предприятия несостоятельным должником (банкротом) являлось наличие установленных фактов невыполнения им в течение трех месяцев своих обязательств перед кредиторами и наличие установленного факта превышения не менее чем в два раза суммы долговых обязательств над суммарной стоимостью активов, принадлежащих неплатежеспособному предприятию. Само решение о признании предприятия несостоятельным (банкротом) должно было приниматься непосредственно собственником этого предприятия – Государственным комитетом Российской Федерации по управлению государственным имуществом или его республиканскими и областными подразделениями.

С момента принятия решения о признании государственного предприятия банкротом управление его финансово-хозяйственной деятельностью и имуществом должно было немедленно переходить к соответствующему комитету по управлению имуществом, который, в свою очередь, должен был обеспечивать сохранность имущества предприятия и продолжение функционирования производства.

На комитет по управлению имуществом, представителей соответствующих министерств, кредиторов и на представителей трудового коллектива возлагалась обязанность по разработке в течение одного месяца программы реорганизации предприятия и его финансово-экономического оздоровления (санации). Если устанавливалось, что при проведении санации ликвидировались основания для признания предприятия банкротом, то комитет

по управлению имуществом должен был принимать решения о признании предприятия платежеспособным. Если же устанавливалось, что в результате проведения санации платежеспособность предприятия восстановлена быть не может, то комитет по управлению имуществом должен был принимать решения о фактической ликвидации предприятия и о последующем исключении его из государственного реестра. Соответственно именно комитет по управлению имуществом, а не арбитражный суд должен был принимать решения либо о прекращении в отношении ранее неплатежеспособного предприятия всех процедур финансового оздоровления, либо о его ликвидации.

В случае принятия решения о ликвидации предприятия комитет по управлению имуществом был обязан объявить о конкурсной продаже предприятия и сообщить условия ее проведения конкурсной продажи ликвидируемого предприятия (Указ, п. 23). К участию в конкурсе могли быть допущены юридические и физические лица, в том числе и иностранные, которые смогли представить в комитет по управлению имуществом следующие документы:

- заявку на участие в конкурсе;
- сведения, подтверждающие платежеспособность потенциального участника коммерческого конкурса;
- обязательство исполнить все условия конкурса;
- залог в виде финансовых средств и ценных бумаг на сумму не менее 10 % балансовой стоимости имущества предприятия.

Таким образом, механизм государственного регулирования в сфере несостоятельности (банкротства), изначально созданный в постсоветский период, предусматривал возможность проведения только двух видов процедур – санации предприятия и ликвидации предприятия.

Однако этот механизм антикризисного управления был далеко не совершенен, о чем свидетельствует целый ряд присущих ему следующих существенных недостатков:

1. Обязанность по принятию решений о признании государственных несостоятельных предприятий банкротами была возложена не на суды, а на собственников предприятий – на комитеты по управлению имуществом соответствующего уровня. Несомненно, в условиях, когда государственное предприятие могло быть объявлено банкротом и ликвидировано без участия судебных органов, инициация и проведение процедур банкротства могла носить выборочный, ведомственный, а часто и субъективный характер.

2. Предприятие, имеющее признаки банкротства, должно было представлять в недельный срок в комитет по управлению имуществом не только бухгалтерскую отчетность, но и «иную необходимую информацию о финансовом и имущественном положении предприятия-должника по усмотрению комитета по управлению имуществом» (Указ, п. 25). При установлении факта непредставления предприятием в комитет по управлению имуществом всего перечня истребованных документов само предприятие должно было, безусловно, признаваться банкротом. Таким образом, факт признания неплатежеспособного предприятия банкротом, мог зависеть и от того, какую информацию мог запросить у предприятия комитет по управлению имуществом.

3. Средства, полученные в результате продажи имущества предприятия, должны были направляться на «погашение обязательств перед бюджетом, удовлетворение претензий кредиторов, обеспечение выплат увольняемым работникам предприятия и исполнение других обязательных платежей» (Указ, п. 18). Однако очередность погашения финансовых обязательств ликвидируемого предприятия перед кредиторами определена не была.

4. Неплатежеспособное предприятие могло быть предоставлено в независимое управление для проведения санации на срок от 6 до 18 месяцев предпринимателям – юридическим и физическим лицам, в том числе и иностранным, на конкурсной основе. Причем победившим в конкурсе должен был считаться предприниматель, внесший наибольшую сумму залога в качестве финансовой гарантии и эта сумма залога должна была быть не менее 10 % балансовой стоимости имущества предприятия.

При этом, устанавливалось, что если по истечении 18 месяцев предприятие не смогло восстановить свою платежеспособность, то это государственное предприятие вновь должно было переходить в ведение комитета по управлению имуществом, а сумма ранее внесенного предпринимателем залога должна направляться не ему, а на погашение финансовых обязательств неплатежеспособного предприятия¹.

Трудно даже представить предпринимателя, который рискнул бы внести залог не менее 10 % от стоимости активов неплатежеспособного предприятия, для того чтобы лишь попытаться вывести из состояния банкротства неплатежеспособное

¹ Об утверждении правил проведения арбитражным управляющим финансового анализа: Постановление Правительства РФ от 25 июня 2003 г. № 367.

предприятие. Еще труднее представить того предпринимателя, который внес бы этот миллионный, а то и миллиардный по размерам суммы залог, рискуя не получить его обратно.

Анализ сущности и содержания механизма государственного регулирования в сфере несостоятельности (банкротства), созданного на основе норм и требований, изложенных в Указе Президента РФ от 14 июня 1992 г. № 623, позволяет сделать вывод о том, что и организационная, и правовая, и процессуальная, и финансово-экономическая составляющие этого механизма были далеки от совершенства.

В последующем в целях развития отечественного механизма антикризисного управления в России последовательно вводились в действие три федеральных закона о несостоятельности (банкротства). Анализ норм и положений действующего в настоящее время Федерального закона РФ от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», приводит к заключению о том, что правовая, процессуальная и организационная составляющие современного отечественного механизма антикризисного управления являются достаточно проработанными и приемлемыми для практического применения. Однако финансово-экономическая составляющая механизма государственного регулирования в сфере несостоятельности

(банкротства) до сих пор остается не вполне совершенной. Её несовершенство обусловлено тем, что использование обязательной для применения арбитражными управляющими методики анализа финансового состояния организаций, изложенной в Постановлении Правительства Российской Федерации от 25 июня 2003 года № 367, не позволяет получать однозначные выводы о платежеспособности и финансовой устойчивости организаций, признанных неплатежеспособными, что, в свою очередь, оставляет нерешенным вопрос об их реальном финансовом состоянии.

Список использованной литературы

1. Перфильев А. Б. Формирование и развитие отечественного механизма государственного регулирования в сфере несостоятельности (банкротства). Ярославль: Академия МУБиНТ, 2012.
2. Арбитражный суд РФ: официальный сайт. URL: <http://www.arbitr.ru>.
3. Философский энциклопедический словарь / гл. редакция: Л. Ф. Ильичев и др. М.: Сов. энциклопедия, 1983. С. 231.
4. О мерах по поддержке и оздоровлению несостоятельных государственных предприятий (банкротов) и применении к ним специальных процедур: Указ Президента РФ от 14 июня 1992 г. № 623.

Дополнительные сведения об авторах

- Филиппова Ольга Николаевна* – аспирантка
Марасанова Виктория Михайловна – доктор исторических наук, профессор
Шивина Екатерина Игоревна – аспирантка
Ионов Алексей Николаевич – аспирант
Мишуров Николай Владимирович – аспирант
Цымбал Оксана Григорьевна – аспирантка
Павлов Сергей Николаевич – кандидат педагогических наук, доцент
Тарева Елена Генриховна – доктор педагогических наук, профессор
Селиванов Сергей Иосифович – аспирант
Черненко Наталья Михайловна – кандидат педагогических наук, доцент
Городецкая Юлия Александровна – кандидат педагогических наук, старший преподаватель
Соколов Александр Владимирович – кандидат политических наук, доцент
Веревкин Антон Игоревич – младший научный сотрудник
Тарусина Надежда Николаевна – кандидат юридических наук, профессор
Казанков Сергей Петрович – кандидат юридических наук, доцент
Мирюлова Ольга Германовна – кандидат юридических наук, старший преподаватель
Исаева Елена Александровна – кандидат юридических наук, доцент
Сочнева Ольга Игоревна – ассистент
Рощенко Наталья Владимировна – аспирантка
Кашанов Мергалис Мергалимович – доктор психологических наук, профессор
Воскресенский Алексей Михайлович – аспирант
Козлов Владимир Васильевич – доктор психологических наук, профессор
Санникова Наталья Геннадьевна – старший преподаватель
Дюпина Светлана Александровна – старший преподаватель
Малькова Инна Николаевна – аспирантка
Клюева Надежда Владимировна – доктор психологических наук, профессор
Руновская Елена Геннадьевна – аспирантка
Смирнова Анна Геннадьевна – кандидат политических наук, доцент
Руденко Лариса Дмитриевна – кандидат исторических наук, доцент
Афонин Михаил Викторович – кандидат юридических наук, доцент
Громова Нелли Владимировна – доктор филологических наук, профессор
Попова Лариса Георгиевна – доктор филологических наук, профессор
Урусова Наталья Вадимовна – старший преподаватель
Тимошина Татьяна Витальевна – доцент
Прохорова Светлана Николаевна – кандидат искусствоведения, старший преподаватель
Капинос Елена Владимировна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
Карпов Денис Львович – кандидат филологических наук, старший преподаватель
Куранова Татьяна Петровна – кандидат филологических наук, старший преподаватель
Кабанова Полина Алексеевна – студентка
Касаткина Наталия Николаевна – кандидат педагогических наук
Нагорнов Илья Валерьевич – старший методист
Патрушева Елена Григорьевна – доктор экономических наук, профессор
Лифанова Елена Игоревна – ассистент
Волкова Алена Игоревна – аспирантка
Ражева Анастасия Александровна – аспирантка
Саенко Клавдия Степановна – кандидат экономических наук, доцент
Сальникова Лидия Николаевна – кандидат экономических наук, доцент
Буторина Екатерина Александровна – аспирантка
Перфильев Александр Борисович – кандидат экономических наук, доцент.
-

Contributors

- Philippova Olga Nikolayevna* – Postgraduate student
Marasanova Victoria Mikhailovna – Doctor of Historical Sciences, Professor
Ionov Alexey Nikolaevich – Postgraduate student.
Shivina Ekaterina Igorevna – Postgraduate student
Mishurov Nicolay Vladimirovich – Postgraduate student
Tsybmal Oksana Grigoryevna – Postgraduate student
Pavlov Sergey Nikolayevich – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor
Tareva Elena Genrikhovna – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor
Selivanov Sergey Iosifovich – Postgraduate Student
Chernenko Natalia Mikhailovna – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor
Gorodetskaya Julia Alexandrovna – Candidate of Pedagogical Sciences, Senior Lecturer
Sokolov Alexander Vladimirovich – Candidate of Political Sciences, Associate Professor
Verevkin Anton Igorevich – Junior Researcher
Tarusina Nadezhda Nikolayevna – Candidate of Juridical Sciences, Professor
Kazankov Sergey Petrovich – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor
Mirolubova Olga Germanovna – Candidate of Juridical Sciences, Senior Lecturer
Isayeva Elena Alexandrovna – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor
Sochneva Olga Igorevna – Teaching Assistant
Roshchepko Natalia Vladimirovna – Postgraduate student
Kashapov Mergalyas Mergalimovich – Doctor of Psychological Sciences, Professor
Voskresensky Alexey Mikhaylovich – Postgraduate Student
Kozlov Vladimir – Doctor of Psychological Sciences, Professor
Sannikova Natalia Gennadievna – Senior Lecturer
Dyupina Svetlana Aleksandrovna – Senior Lecturer
Malkova Inna Nikolayevna – Postgraduate student
Kluyeva Nadezda Vladimirovna – Doctor of Psychological Sciences, Professor
Runovskaya Elena Gennadievna – Postgraduate student
Anna Gennadievna Smirnova – Candidate of Political Sciences, Associate Professor
Rudenko Larisa Dmitriyevna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
Afonin Mikhail Viktorovich – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor
Gromova Nelli Vladimirovna – Doctor of Philological Sciences, Professor
Popova Larisa Georgievna – Doctor of Philological Sciences, Professor
Urusova Natalya Vadimovna – Senior Lecturer
Timoshina Tatyana Vitalievna – Associate Professor
Prochorova Svetlana Nikolaevna – Candidate of Study of Art Sciences, Senior Lecturer
Kapinos Elena Vladimirovna – Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher
Karpov Denis Lvovich – Candidate of Philological Sciences, Senior Lecturer
Kuranova Tatiana – Candidate of Philological Sciences, Senior Lecturer
Kabanova Polina – Student
Kasatkina Natalia Nikolaevna – Candidate of Pedagogical Sciences
Nagornov Iliya Valerievich – Senior specialist in methodology
Patrusheva Elena Grigoryevna – Doctor of Economic Sciences, Professor
Lifanova Elena Igorevna – Teaching Assistant
Volkova Alena Igorevna – Postgraduate student
Razheva Anastasia Aleksandrovna – Postgraduate student
Saenko Klavdiya Stepanovna – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor
Salnikova Lidiya Nikolaevna – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor
Butorina Ekaterina Aleksandrovna – Postgraduate student
Perfilyev Aleksandr Borisovich – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor
-